
ОГОНЁК
№ 36 АВГУСТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БИС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 36 (1941)

30 АВГУСТА 1964

В НОМЕРЕ:

Фото С. Смирнова.

Советская партийно-правительственная делегация во главе с Первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым отбыла 27 августа в Прагу.

Делегация направилась в братскую Чехословакию по приглашению ЦК КПЧ и Правительства Чехословацкой Социалистической Республики. Во время визита делегация примет также участие в торжествах, посвященных 20-й годовщине Словацкого национального восстания.

Н а с н и м к е: Н. С. Хрущев на Внуковском аэродроме.

Фото Н. Грановского (ТАСС).

Площадь в Кишиневе, на которой установлен памятник В. И. Ленину, зовется площадью Победы.

Недавно на площадь пришли тысячи трудящихся: здесь состоялся митинг, посвященный двадцатой годовщине со дня освобождения Кишинева и Молдавской республики от немецко-фашистских захватчиков.

Торжественно отмечал народ Молдавии славную дату. Во всех городах и селах республики шли празднества. Сотни венков возложил к могилам павших героев благодарный молдавский народ. В Кишиневе был заложен обелиск в честь освобождения Советской Молдавии.

Горняки выходят из шахты. Радость и усталость в их глазах. Яркие, нежные цветы в руках. Мальчонка, горделиво шагающий рядом с бригадиром. По всему видно: прошедший трудовой день был необычным для шахтеров. Так оно и есть — это был день рекорда.

Бригада Ивана Стрельченко работает на шахте № 5-бис «Трудовская» треста «Петровскуголь». В июле горняки обязались добыть 50 тысяч тонн угля из одной лавы. А когда подвели итоги работы, оказалось: шахтеры выдали на-гора 50 520 тонн угля и подвинули очистной забой на 124,1 метра. Каждый рабочий бригады дал за июль 401 тонну угля. Такого еще не было!

В тот час, когда горняки узнали о своем рекорде, их сфотографировал наш корреспондент Алексей ГОСТЕВ.

Встреча с Марселем Кашеном.

Пальмиро Тольятти в Артеке 13 августа 1964 года.

ПАМЯТИ Пальмиро Тольятти

21 АВГУСТА 1964 ГОДА В КРЫМУ НА 72-м ГОДУ ЖИЗНИ ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ СКОНЧАЛСЯ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ, МУЖЕСТВЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР И БОРЕЦ ЗА МИР, ДЕМОКРАТИЮ И СОЦИАЛИЗМ, ВЕРНЫЙ ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩ ПАЛЬМИРО ТОЛЬЯТТИ.

Рим. У гроба Пальмиро Тольятти. В почетном карауле член Президиума, секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, кандидат в члены ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Г. И. Попов, посол СССР в Италии С. П. Козырев.

---

29 августа исполняется 20 лет со дня начала восстания в Словакии против гитлеровских захватчиков.

1944 год. Партизаны ворвались в Баньску Быстрицу.

В ГОРАХ СЛОВАКИИ

Мирослав МОТЛ

Однажды — тогда маленькому Тоно было года четыре — старик Якубик вошел в избу с лицом, выражавшим тревогу и какую-то мрачную решимость, причину которой понимала только жена. Маленький Тоно не понимал еще ничего, цепляясь за отцовские штаны. Он только помнит, что в тот день сильные руки отца, лесоруба, были особенно ласковы. Вскоре старый Якубик, батрачивший у помещика, покинул свой дом в надежде, что далеко за океаном, среди тысяч других словацких эмигрантов, он найдет работу и тогда в доме перестанут считать каждый кусок хлеба. А может быть, сумеет накопить денег, чтобы купить пару коров и построить новый сарай. Семья Якубика осталась у подножия словацких гор.

Шли годы... Тоно помнил отца только по рассказам. Война застала Тоно уже юношей. В костелах словацкие фашисты-клерикалы благословляли словацкие части, отправлявшиеся по приказу Гитлера на советский фронт. Тоно был в одной из них. Но вскоре сын лесоруба понял, где его место. Он перешел на сторону Советской Армии и попал в созданный в СССР чехословацкий армейский корпус.

Приближался конец войны. В ночь с 29 на 30 августа 1944 года партизаны под руководством советского полковника Егорова заняли Баньску Быстрицу. Город этот стал центром Словацкого народного восстания. Словацкий народ, возглавляемый коммунистической партией, взял в руки оружие, сверг власть словацкого фашистско-клерикального правительства. На территории, находившейся в руках повстанцев, власть перешла к национальным комитетам. Хозяев фабрик во многих местах прогнали, и управление предприятиями взяли на себя рабочие. Многие части словацкой армии также восстали. Так в центре Европы возник очаг свободы.

И хотя нацистские генералы хвастались, что в течение нескольких дней разгромят Словацкое народное восстание, направив против повстанцев восемь дивизий, из них две танковые, словацкий народ не дал этим планам осуществиться. Существенную помощь ему оказали советские братья. Они дали повстанцам оружие, боеприпасы, опытных партизанских командиров. Военные операции Советской Армии были направлены на ускоренную помощь словацкому народу. Провалились планы фашистов. В течение двух месяцев словацкие патриоты сражались в открытом бою, а затем перешли к партизанскому способу ведения войны. В то время в словацких горах боролось более 20 тысяч партизан: словаков, чехов, советских воинов, поляков, французов, венгров и немецких антифашистов, которым удалось бежать из гитлеровских концлагерей. В горах сражались также отряды бойцов словацкой армии, перешедших на сторону повстанцев.

И здесь, в горах, начинается последняя часть биографии поручика Антона Якубика и многих других героев, которые в те дни кровью своей вписали светлые страницы в историю родной земли.

Вместе с другими воинами чехословацкого армейского корпуса в СССР Тоно был отправлен в Словакию на помощь партизанам. Ночью, выбросившись с парашютом с советского самолета, Тоно оказался на земле, которая была ему так дорога и которая истекала кровью, но не сдавалась. И хотя Тоно было немногим более двадцати лет, его назначили начальником штаба партизанского отряда героя Словацкого народного восстания капитана Милоша Угера. Этот отряд действовал в районе горного массива Яворина. Партизаны любили Тоно. В бою он был изобретателен и осторожен, смел и строг к себе и другим. Случалось, он выходил из себя и кричал так, что все кругом сотрясалось. Но были дни, когда он молчал, глядя куда-то вдаль, поверх вершин, где был его дом, а мысли его уносились еще дальше, туда, где был отец. Любящие пошутить партизаны говорили, что Тоно умеет молчать так громко, что его нельзя не услышать.

Однажды во время боевой операции Тоно был ранен в живот. Наскоро ему оказали первую помощь, наложили повязку, и он, несмотря на тяжелое сквозное ранение, продолжал марш по горным тропам вместе с бригадой. В высоких, неприступных горах, в первой попавшейся хижине врач сделал ему операцию. Наркоза не было. Четверо партизан держали Тоно, и во время всей операции он ругался напропалую.

Артек, 22 августа. Н. В. Подгорный, Н. С. Хрущев, супруга Тольятти Леонильда Иотти, его дочь Мариза и другие товарищи провожают Тольятти в последний путь.

Около миллиона итальянцев шли по улицам Рима за гробом Пальмиро Тольятти.

Фото ТАСС, В. Пичкуляна и А. Устинова.

О товарище Пальмиро Тольятти мы попросили рассказать читателям нашего журнала итальянского коммуниста Чино **МОСКАТЕЛЛИ**. Товарищ Москателли с юношеских лет состоит в рядах ИКП, он был одним из руководителей партизан-гарибальдийцев в годы войны, членом ЦК ИКП, депутатом парламента и сенатором от коммунистической партии. Он знал товарища Тольятти лично и не раз встречался с ним.

...Я бережно храню дорогие для меня воспоминания о встречах с товарищем Тольятти. Первая из них произошла в Швейцарии в 1927 году. Это было тяжелое время, когда фашисты обрушили репрессии на коммунистов, арестовали многих руководителей партии. Я, участник одной из забастовок в Милане, должен был уехать из Италии. В Швейцарии я стал слушателем партийной школы, организованной итальянскими коммунистами. Среди преподавателей был товарищ Тольятти. Хорошо помню две лекции, прочитанные им,— о движущих силах итальянского революционного движения и о перспективах борьбы коммунистов в Италии. Я был молод тогда, и мои коммунистические убеждения основывались на тех чувствах, которые пробуждали среди нашей молодежи имя Ленина и пример Октябрьской революции. Я еще многого не знал. После встреч с Тольятти, после его лекций я понял, почему чувствовал себя коммунистом, почему должен быть коммунистом. Пальмиро Тольятти был тем человеком, который закалил во мне веру в величие нашего дела, в победу наших идей.

Прошли годы, нелегкие годы борьбы, во время которых мне пришлось узнать и работу в подполье и фашистскую тюрьму.

В 1945 году я вместе с лучшей партизанской бригадой встречал товарища Тольятти, когда он приехал на север Италии. Эта встреча произошла на полдороге между Миланом и Турином. Бойцы бригады были молоды. Многие из них начали партизанский путь в возрасте 15—16 лет. Не все среди них были коммунистами. Но Тольятти партизаны хорошо знали и встречали его торжественно и радостно. Тольятти говорил о необходимости единства демократических и прогрессивных сил для возрождения Италии. Надо было видеть, как слушали Тольятти! Я смотрел на лица моих товарищей-партизан и словно видел, что делалось в их душах. В эти минуты для них открывались большие горизонты великой борьбы.

Тольятти был человеком революционной мысли и революционного действия. Мне пришлось в течение некоторого времени жить с ним в Париже. На меня огромное впечатление произвела его необычайная собранность в работе, умение использовать каждую минуту для дела. Он велик не только как мыслитель и публицист, но и как практик революционных действий.

Еще одна черта в Тольятти дорога нам: он был заботлив о своих товарищах по борьбе. Он стремился знать о них, об их нуждах как можно больше. Моя последняя встреча с ним произошла в 1963 году на предвыборном митинге в городе Новара. Я председательствовал на этом митинге. Тольятти выступал. При встрече он мне сказал: «Как ты себя чувствуешь? Ты недавно болел. Смотри, будь осторожен».

Тольятти умер. Это огромная потеря для всей Италии.

Советские люди вместе с нами в нашей скорби. Мы ценим и понимаем это: Пальмиро Тольятти был другом Советского Союза, интернационалистом, верным поборником единства международного коммунистического движения.

Таким он был. Ругался, но не жаловался. А потом, когда выздоровел, то в шутку говорил, что ругался только потому, чтобы у него не отобрали индивидуальный запас боеприпасов, которые он носил в собственном теле. И в самом деле, тело его было в нескольких местах пробито осколками гранат еще во время прежних боев. Тогда он не разрешил врачам их удалить: дескать, не манекенщица, для таких пустяков хватит времени и после войны.

Но конца войны поручик Тоно Якубик не дождался. В бою у горного селения Цетуна был убит командир отряда герой Словацкого народного восстания Милош Угер, лучший друг Тоно. И хотя Милош был лишь немного старше Тоно, все же в самые тяжелые минуты он заменял ему отца и брата.

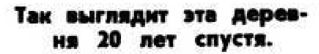
Известие о смерти Угера было для Тоно тяжелым ударом. Он решил, что тело его командира не должно попасть в руки фашистов, и с группой добровольцев отправился на место боя — поляну, которая со всех сторон простреливалась врагом. Тоно нашел тело своего командира. И где-то здесь его настигла пуля врага.

Тоно не вернулся в родной дом у подножия гор, но он живет тут повсюду, в каждом новом заводе, школе и поселке, частица его есть во всей новой жизни, которой зажил словацкий народ после освобождения Чехословакии Советской Армией. Тоно отдал жизнь за счастье словацкого народа, за новую, свободную Чехословацкую Республику, в которой людям уже не страшен завтрашний день, не грозит безработица, голод, вынужденная эмиграция. Сегодня соотечественники Тоно не едут в поисках работы и куска хлеба в чужие страны, как это сделал его отец и почти два миллиона других словаков, которых судьба занесла в разные уголки мира, начиная с Австралии и кончая Аляской. Многие из них вернулись на родину сразу после окончания войны. Среди них и отец Тоно. Два десятка лет каторжного труда в канадских лесах — это все, что узнал старик Якубик, пока не вернулся домой. Его резко выточенное лицо было все так же обветрено. Глаза потемнели, а волосы побелели.

Но с Тоно ему уже не привелось увидеться. Старик приходит на его могилу и кладет на нее несколько цветков, сорванных по пути...

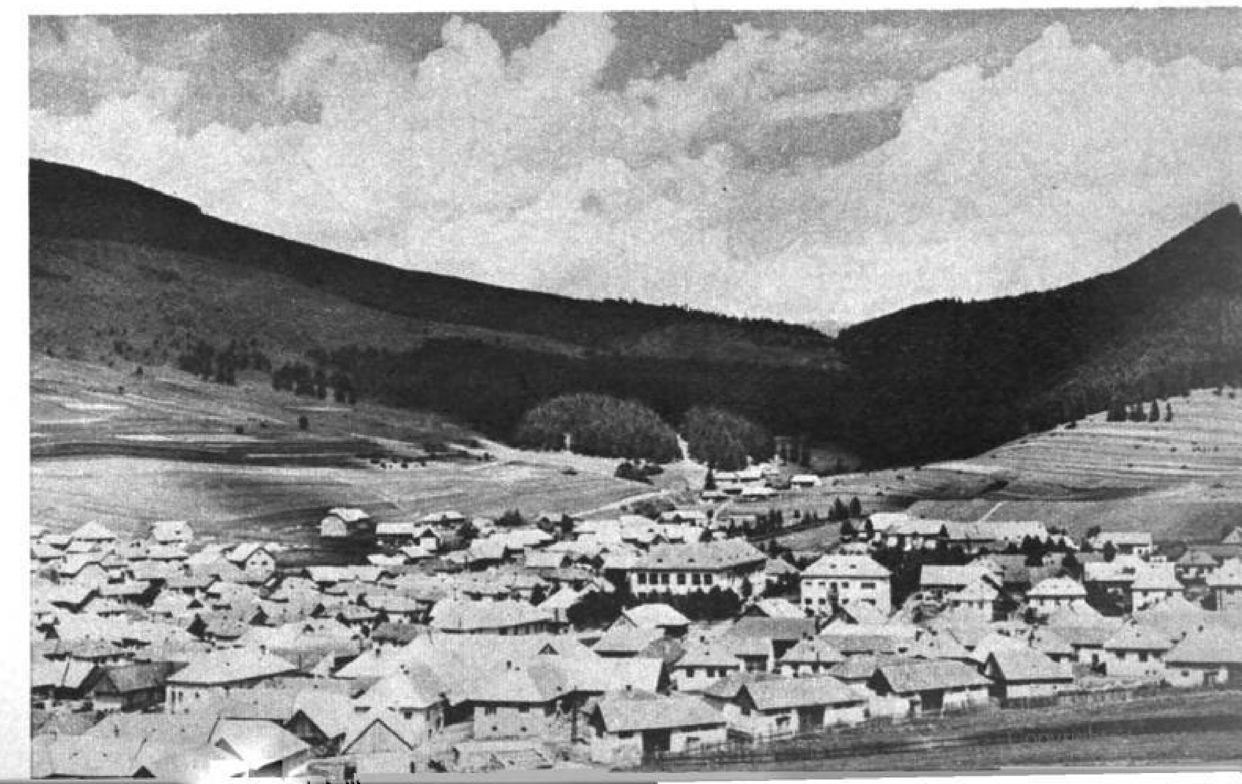

Все, что оставили гитлеровцы от словацкой деревни Телгарт.

Так выглядит эта деревня 20 лет спустя.

Фото ЧТК.

«ОГОНЕК». Сегодняшнее заседание нашего клуба проходит в канун двадцатипятилетия с того дня, как гитлеровский фашизм развязал вторую мировую войну. Мы не собираемся посвящать это заседание воспоминаниям. Мы хотим говорить о настоящем и будущем.

Один западногерманский журналист, находившийся в Советском Союзе, рассказал нам о письме своего 12-летнего сына Курта, которое он получил в прошлом году. Сообщив обо всех своих мальчишеских радостях и горестях, мальчик приписал в конце: «Ах да, чуть не забыл — поздравляю тебя, папочка, с годовщиной начала второй мировой войны». Письмо было датировано 1 сентября 1963 года.

Этот трагикомический случай наводит на грустные размышления. Охотникам развязывать войны известно правило, которое существовало с древнейших времен: «Чтобы начать новую войну, нужно подождать, пока вырастет поколение, которое не испытало ужасов прошлой войны». Такое поколение выросло. Различные реваншистские организации в Западной Германии, которые раньше состояли из гитлеровских недобитков, сейчас делают все, чтобы увлечь за собой молодых немцев, тех, кому предстоит «брать реванш». Примечательно, что именно к 25-й годовщине с начала войны особенно бурный характер приняли пропагандистские попытки в Западной Германии романтизировать фашизм, наделить позорное для Германии время чертами героизма, мученичества, возродить «добрые обычаи» гитлеризма.

В связи с этим первое слово на сегодняшнем заседании МКО мы предоставляем американскому журналу.

«НЬЮСУИК» (номер от 17 августа):

«Два десятилетия обыватель в Западной Германии пытался как можно меньше вспоминать гитлеровское время. Неожиданно в последние месяцы у него появилось и усилилось желание читать и слушать историю нацизма... Магазины с трудом достают на складах книги от 50-центовых карманных историй до 40-долларовой «Третий рейх в фотографиях и документах», а записи гитлеровских речей, маршей военного времени продаются, как сосиски на пивном фестивале. Интерес, очевидно, был стимулирован нынешней весной, когда массовые журналы «Шпигель» и «Квик» начали публикацию документальных статей о Гитлере...

Издательский бум открыл также двери для ультраправых, нацистских, коричневых книжек и журналов, которые прощают Гитлеру его дела и оправдывают нацизм. Одна такая книга историка из США Дэйвида Л. Хоггана содержит 896 страниц апологетики гитлеровской внешней политики. Она опубликована в Западной Германии под названием «Вынужденная война».

Правительственные чиновники в Бонне уже применяли законы, запрещающие нацистскую пропаганду, против издательницы грамзаписей фрау Эльзы Хоxедер за ранее выпущенную пластинку гитлеровских речей и эсэсовских песен. Они заставили ее выбросить «Хорст Вессель» (нацистский партийный гимн) и добавить несколько комментариев между речами. Но фрау Хохедер притворилась удивленной возмущением, которое вызвала ее последняя пластинка под названием «Избранная программа для вермахта». «После всех страшных вещей, которые говорились о третьем рейхе,— сказала она,— настало время выпустить что-нибудь прекрасное и приятное о том периоде».

«ОГОНЕК». Пусть на совести журнала останется утверждение, что западногерманские власти не могут справиться с взбесившейся фрау. Всякий здравомыслящий человек понимает, что без попустительства властей вряд ли возможен такой нацистский бум.

«Поколение подросло — пора приучать его к мысли о войне» — таков расчет правителей Западной Германии. Курт, сын нашего знакомого журналиста, не знал ужасов фашизма. Поэтому не очень трудно вбить в его восприимчивую мальчишечью голову представление о годах нацизма как о «времени романтики, боевых песен и победоносных военных походов».

К военным походам призывают не только в Западной Германии, не только взбесившиеся любительницы эсэсовских песен. Чтобы проиллюстрировать это положение, мы вынуждены приступить к неприятной процедуре — беседе с директором центра стратегического обучения при Джорджтаунском университете в США. Зовут этого субъекта Арлей Берк. Профессиональный военный, ныне в адмиральском звании, он длительное время был руководителем штаба военно-морских сил США.

Адмирал недоволен. Чем? Многим. Недоволен тем, что есть в Южном Вьетнаме патриоты, которые борются за независимость своей родины, недоволен тем, что американская молодежь не испытывает безумного желания завоевывать мир, несмотря на то, что послевоенное поколение выросло, недоволен тем, что коммунистические идеи получают все большую популярность в мире, недоволен тем, что под боком США существует свободная Куба. Его идея — «пресекать в зародыше, иначе потом будет труднее».

АДМИРАЛ БЕРК (из журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»). Возьмем Кубу. Перед нами два пути. Один путь — разрешить коммунистическому правительству дальнейшее существование в западном полушарии.

«ОГОНЕК». Что значит «разрешить», мистер Берк? Разве вы имеете право разрешать или не разрешать другим народам жить так, как они того хотят?

АДМИРАЛ БЕРК. Если мы разрешили одно коммунистическое правительство в этом полушарии, мы разрешим и второе. Если мы разрешим два, мы разрешим еще и еще, и в конце концов, возможно, мы разрешим почти все коммунистическое западное полушарие.

«ОГОНЕК». Суждение, заслуживающее внимания, тем более что народы не будут спрашивать вашего разрешения, адмирал, как не спрашивала его Куба.

Позвольте спросить: о каком втором пути вы упоминали вначале?

АДМИРАЛ БЕРК. Заставить всю нашу нацию — не только власть, или военных, или любую группу людей, а всю нацию — принять решение о том, что мы не собираемся разрешать коммунистическое правительство в западном полушарии.

«ОГОНЕК». Решительная позиция. А что вы собираетесь для этого сделать?

АДМИРАЛ БЕРК. Все возможное, чтобы навредить этому коммунистическому правительству, уничтожить его!

«ОГОНЕК». Одним словом, война?

АДМИРАЛ БЕРК. Если невозможно его уничтожить другими способами, необходимо включить в их число военное вторжение. Оно может потребоваться.

«ОГОНЕК». Одно такое вторжение на Кубу вы уже предприняли, адмирал. Помните Плайя-Хирон в апреле шестьдесят первого года? Ваши молодцы были разбиты за семьдесят два часа. Другое вторжение вы уже какой год проводите в Южном Вьетнаме, но дела ваши там все хуже и хуже.

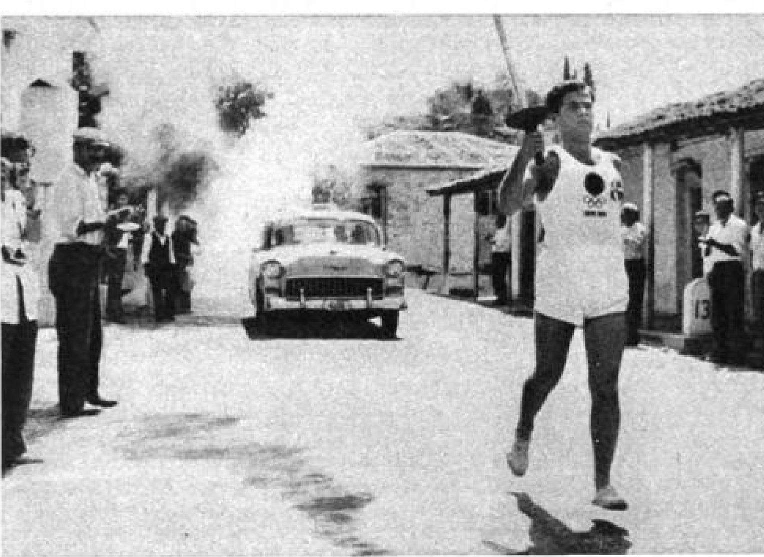
Скажем прямо, оба пути, указанные вами, не избавят империализм от гибели. Как говорится, одним путем пойдешь — голову потеряешь, другим путем пойдешь — ее же лишишься.

Генрих БОРОВИК,
обозреватель «Огонька»

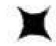

Оставшееся время сегодняшнего заседания международного клуба «Огонька» мы предоставляем коротким выступлениям.

КОРРЕСПОНДЕНТ «ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЕЙШНЛ» сообщает нам своими фотографиями, что олимпийский огонь, зажженный на горе Олимп, принят из рук греческой актрисы Катселли и начал путешествие в Афины, а оттуда в Токио на Олимпийские игры.

«ОГОНЕК». На сегодняшнем заседании демонстрируются моды. Лысая женщина — изобретение парижанина Жака Эстереля. (На чисто выбритую голову надевается пушистый берет.) Любопытства ради попросим создателя этого в буквальном смысле блестящего «шедевра» обосновать свое изобретение.

ЖАК ЭСТЕРЕЛЬ. Женщины попали в плен к собственным волосам. Бритая голова, возможно, придаст новое значение женскому лицу.

«ОГОНЕК». К счастью, «шедевр» Эстереля не пользуется успехом. Зато в Англии весьма популярна среди юношей прическа, которую, возможно, объясняют тем, что «мужчины слишком долго были в плену у своих лысин». Однако это невинное на первый взгляд увлечение приносит много неприятностей. По этому поводу слово имеет контролер Британского совета по безопасности труда.

ДЖЕЙМС ТАЙ. На фабриках много несчастных случаев в результате того, что длинные волосы подростков попадают в машины.

«ОГОНЕК». Сенсация — двигатель торговли. Торговлю купальными костюмами некие дельцы решили двигать при помощи новой модели — женского купального костюма без верхней его части. А вот и первая жертва этой моды. (Снимок предоставил нашему клубу журнал «Штерн».)

«ОГОНЕК». «Куда же смотрит страж морали — церковь?!» — возможно, воскликали на последней выставке купальных костюмов иные зрители. Должны огорчить этих наивных людей: церкви некогда. Церковь сама не знает, как продать свой духовный товар.

Об этом может рассказать журналист из Рима В. ВАЗАРИ.

Зрители, присутствовавшие на фестивале артистов-иллюзионистов, который происходил недавно в итальянском городе Парма, были немало удивлены, когда вслед за молоденькими фокусницами в весьма легкомысленных платьях на сцене вдруг появился пожилой человек в монашеской рясе.

Это одеяние отнюдь не было эстрадным костюмом. Облаченный в него человек, показавший целую серию весьма хитроумных фокусов, был настоящим священнослужителем. Основная специальность преподобного отца Сальваторе Чимо, члена Ордена иезуитов,— подготовка католических миссионеров для стран Азии и Африки.

Отец Сальваторе, оказывается, не только иллюзионист-практик, но и теоретик (как пишет журнал «Оджи» в номере от 6 августа 1964 года). Его перу принадлежит десятитомное исследование, в котором анализируются фокусы всех времен и народов.

Что заставило преподобного Чимо углубиться в изучение столь своеобразного предмета? Видимо, для организаторов различных религиозных чудес обобщение многовекового опыта артистов-иллюзионистов представляет особый и практический интерес. Нетрудно догадаться и о том, что толкнуло отца Сальваторе на эстрадные подмостки. В наше время церковники более чем когда-либо стремятся добиться популярности, привлечь к себе внимание и поэтому пускаются во все тяжкие, они выступают в качестве саксофонистов и даже барабанщиков. А вот Чимо стал иллюзионистом...

«Человек с «Кап Аркона»— гость «Огонька»

Редакцию журнала «Огонек» посетил гость из ГДР — выдающийся актер кино и телевидения Эрвин Гешоннек. Миллионы людей во многих странах мира знают его как блестящего исполнителя роли полковника Эберсхагена в фильме «Совесть пробуждается». Необычной судьбе этого человека — бойца тельмановской гвардии,— его жизни и борьбе «Огонек» посвятил очерк «Человек с «Кап Аркона» (№ 2, 1964 год).

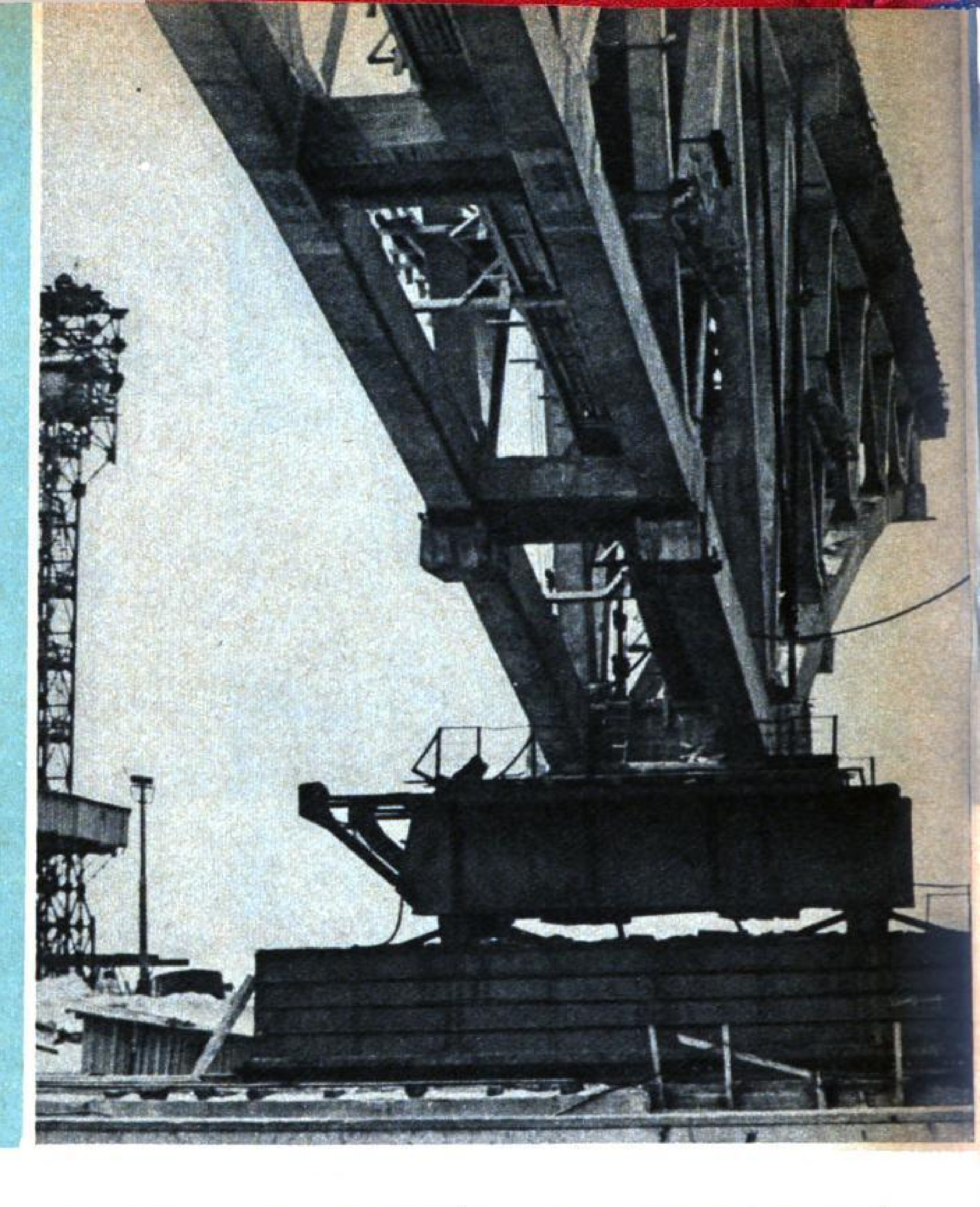
Эрвин Гешоннек рассказал огоньковцам о своей работе в театре, на телевидении, в кино. От имени бывших узников нацистских концлагерей он горячо поблагодарил редакцию за публикацию материалов, с помощью которых нашли друг друга через девятнадцать лет антифашисты из многих стран Европы.

Эрвин Гешоннек поделился своими творческими планами. В настоящее время он работает над сценарием фильма «Человек с «Кап Аркона». Тема фильма — солидарность людей в борьбе против фашизма и войны.

Фото Л. Шерстенникова.

ПТИЧКИ над ВОЛГОЙ

Вл. ПАВЛОВ

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Сначала я слышу шум, в котором сразу же выделяю сольные голоса: пронзительное шипение компрессора, характерное клацанье шестерен деррик-крана, барабанный гул понтонов. Потом прохожу через ворота и оказываюсь на строительной площадке, прижатой к самой воде неказистым дощатым забором.

Еще издали узнаю на причале знакомую фигуру Баева. Впрочем, он, кажется, стал чуточку пошире и посмуглее с тех пор, как мы вместе сидели на лекциях в аудиториях МИИТа, сдавали экзамены и жевали в институтской столовке хлеб, сдобренный по студенческому обыкновению горчицей. Я помню Сашу Баева увлекающимся, вспыльчивым, неуступчивым и в то же время застенчивым юнцом. И никак не могу привыкнуть к мысли, что он теперь уже не Саша, а Александр Александрович Баев — главный инженер строительства крупнейшего в Европе Саратовского моста через Волгу.

Мост уже готов более чем на две трети. С обоих берегов Волги, над водой, как две руки, протянулись навстречу друг другу его волнистые железобетонные полосы: с левого подлиннее, с правого покороче.

Баев, по крайней мере внешне, ничуть не удивлен моим появлением.

— Поедем? — спрашивает он, кивнув головой на катер, покачивающийся у причала.

Не дожидаясь ответа, он спрыгивает на нос катера и кричит кому-то на берегу:

— Я на Большой полигон. В два буду в прорабской. В три — на бетонном заводе. К четырем вернусь на правый. Сообщи на коммутатор!

Разумеется, мы не теряем даром времени, пока мчим поперек реки к левому берегу, на котором раскинулась основная часть строительной площадки. Перекрикивая рев мотора, мы прежде всего, как водится, вспоминаем друзей. С удовольствием узнаю, что и здесь, на Саратовском мосту, у меня есть знакомые: начальник мостоотряда Георгий Петрович Соловьев и начальник одного из участков Василий Александрович Матюшин (раньше они были просто Жора и Вася) — мои однокашники из МИИТа. А с заместителем главного энергетика Дмитрием Егоровичем Моисеевым мы когда-то вместе строили мосты под Оренбургом.

— Смотри! — вдруг обрывает себя на полуслове Баев.— Вот они, наши птички!

Слово «птички» Баев произносит с гордостью и в то же время с нежностью. И я понимаю его.

Птички — огромные железобетонные решетчатые фермы, составные части моста — раскинули свои крылья на берегу. Издали они кажутся необыкновенно легкими, готовыми и впрямь взлететь, и лишь когда мы высаживаемся на берег и подходим поближе, я ощущаю всю их колоссальную тяжесть: в каждой без малого три тысячи тонн.

Птичек на Большом полигоне три. Две из них еще в работе. По всей их высоте, равной десятиэтажному дому, на подмостях и в люльках возятся крошечные фигурки монтажников, сине мигает сварка, мягко и бесшумно двигаются взад и вперед огромные стотонные портальные краны. Как только эти птички будут смонтированы, их сдвинут с подмостей, а на освободившемся месте начнут собирать новые.

Третья птичка уже сошла с «конвейера» и готова к старту. Она стоит у пирса — длинной железобетонной эстакады, которая узким мысом вдается в Волгу.

Даже мне, хоть и бывшему, но все-таки мостовику, не верится, что эту огромную, с виду такую неустойчивую, неуравновешенную конструкцию вскоре передвинут по пирсу, погрузят на плавучую опору — огромный плот из понтонов, отбуксируют поперек Волги к мосту и там, с точностью до сантиметра, установят в пролет.

— Все просто, ничего тут особенного нет,— улыбается главный инженер.

— Эдакую махину — просто?!.

— А что? Есть проект, расчет... Есть, наконец, инженеры, командиры!.. Да вот повезем птичку — сам увидишь...

СЛЕД ВОДОЛАЗА

Виктор Кальянов осторожно опускает на плечи Скирдова тяжеленные свинцовые грузà, затягивает брасы, закручивает заплетенный в косичку конец подхвостника вокруг сигнального каната.

— Воздух! — кричит он, поднимая обеими руками медный, весь во вмятинах, шлем.

Внутри шлема раздается шипение.

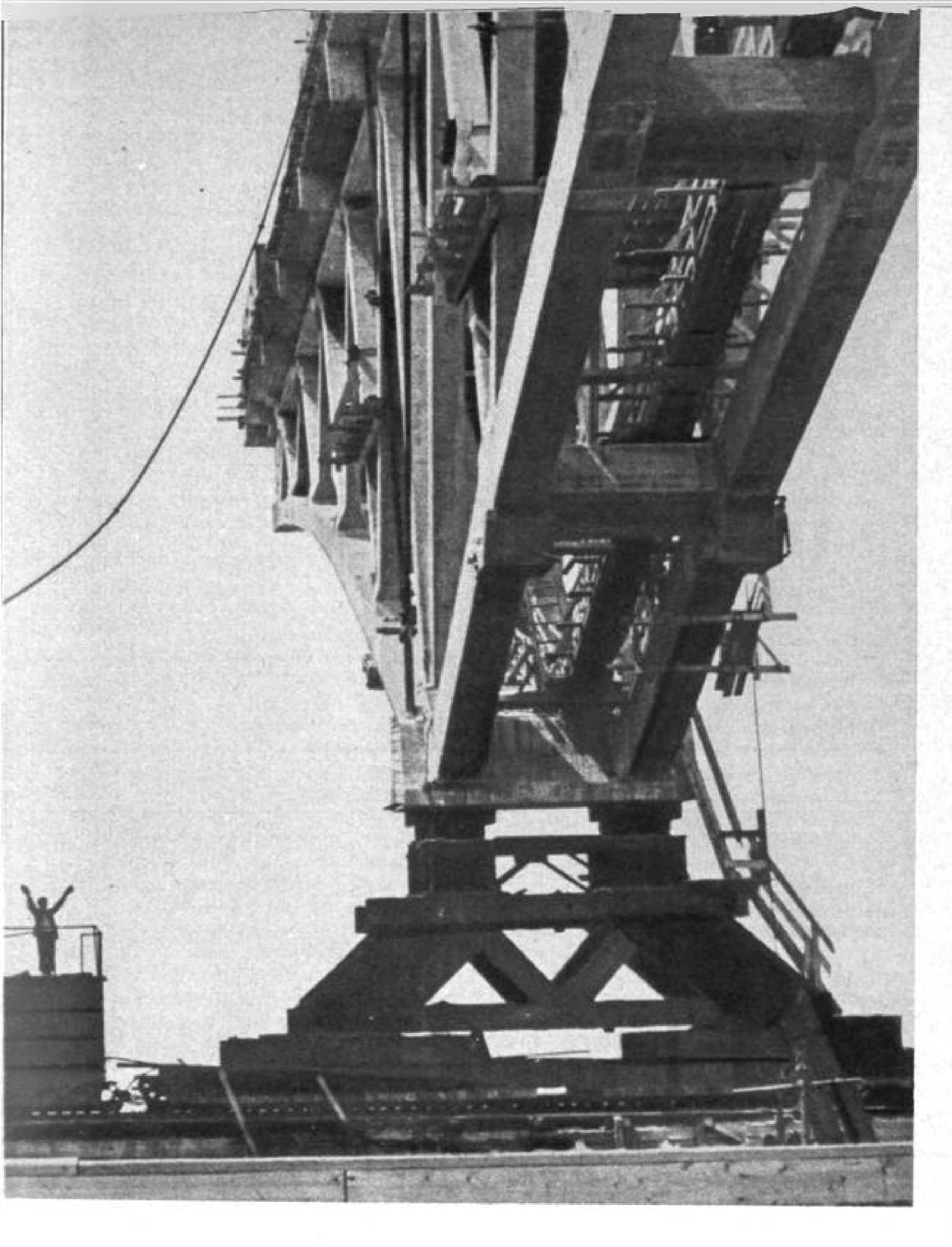
— Молись богу! — с улыбкой командует Кальянов.

Скирдов послушно становится на колени на мокрые доски плотика. Кальянов надевает на него шлем и, по старой водолазной традиции, шлепает по нему ладонью: иди, мол, друг, не беспокойся. И шлем отвечает ему довольным медным гудом.

Скирдов, тяжело ступая свинцовыми калошами, подходит к краю плотика, усаживается в «беседку» — на железный лом, привязанный к толстому канату, и исчезает под водой в бездонном колодце столба-оболочки — огромной пустотелой сваи.

Алексей Васильевич Скирдов — водолаз первого класса. Погружаться ему приходилось сотни раз. Бывал он на дне морей, когда служил в военном флоте, исходил целые километры по дну рек, спускался и глубже — в самую толщу донных отложений, с тех пор как стал мостовиком. И хоть давно смыло отпечатки Лешиных свинцовых калош на речном дне, а след его все-таки остался.

«Вылез из воды — полмоста готово!» — гласит поговорка мостовиков. От себя добавлю: самые

трудные полмоста. Да, именно эта невидимая постороннему взгляду часть строительства — возведение опор — требует уймищу тяжелого, напряженного и, случается, опасного труда.

А опора номер девять, о которой идет речь, у строителей Саратовского моста — что бельмо на глазу. Она, эта последняя из тридцати девяти опор, дается труднее всех...

Место, на котором сооружается опора номер девять, — на стрежне реки, в самой глубокой ее части. К тому же на этом месте трудное дно — тяжелые, плотные глины, в которые, как изюмины в булку, вкраплены крепчайшие валуны — аргиллиты, не поддающиеся разработке. В такое дно никак не лезут железобетонные столбы-оболочки — огромные трубы пятиметрового диаметра, на которых должна покоиться надводная часть опоры.

Пока проходили первые метры речного дна — ил и пески, все шло благополучно. Дрожа, как в лихорадке, от страшной тряски мощных электрических вибропогружателей, оболочки врезались острыми краями в грунт и опускались все ниже и ниже. Захватывая породу стальными челюстями, грейфер постепенно освобождал внутреннюю их полость, образуя пространство для укладки бетона. Словом, сначала все шло хорошо.

И вдруг — стоп. Ни туда, ни сюда. Аргиллиты!..

Попробовали выбить аргиллиты мощной струей воды, размывая грунт снаружи и внутри оболочек иглами-гидромониторами. Не вышло. Пробовали разбуривать специальным станком. Безрезультатно. Тогда внутрь оболочек опустили в специальных трубах взрывчатку. Торпеды не только разрушили аргиллит, но и разрыхлили глину. В ней образовались трещины. И все, что грейфер извлекал наружу, немедленно пополнялось наплывающим с поверхности дна песком-плывуном...

А время не ждет. У паромных переправ в Саратове и в Энгельсе, как и в прошлые годы, сутками простаивают в очередях сотни машин. И, как и в прошлые годы, каждый месяц на этих переправах теряется почти миллион рублей.

Из Москвы срочно прибыли проектировщики. Приехал и инженер Тер-Микаэлян — специалист по сооружению опор. Тер-Микаэлян предложил накачать в оболочку воду выше уровня реки, лишняя вода создаст избыточное давление, которое остановит плывун, не пустит его в оболочку. И тогда, под этим водяным щитом, грейфер начнет выбирать грунт.

Хорошее решение. Но не тут-то было! Стыки секций столбов-оболочек от долгой тряски разболтались, в них появились свищи и щели. И как ни качали мощные насосы, вода в оболочке не поднималась.

Вот тогда-то и пошел под воду старший водолаз Алексей Скирдов...

Нет, для Леши Скирдова спуск внутрь оболочки не внове, и он считает это самой обычной работой. Но, если говорить по совести, в тесной трубе оболочки, в кромешной ее тьме под сорокаметровым столбом воды может случиться всякое...

О каждой из тридцати девяти опор Саратовского моста можно было бы написать приключенческий рассказ.

Двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая, двадцать пятая. Столбы-оболочки этих четырех опор испытали удар огромного ледяного поля, нежданно двинувшегося в результате экстренного сброса воды на плотине Волгоградской ГЭС. Часть оболочек начисто срезало ниже уровня Волги, другую — того хуже — искорежило и надломило. И никто, кроме водолазов, не мог подступиться к аварийным опорам. Леше Скирдову и его товарищам пришлось срочно, по две смены в сутки убирать повисшие на арматуре куски бетона, самый маленький из которых мог прихлопнуть водолаза, как муху. Пришлось резать электрорезаком поврежденные стальные стержни и наваривать новые. Пришлось устанавливать и конопатить металлическую опалубку. И все это в ледяной воде, от мертвящего холода которой не защищали ни меховые чулки-шубинки, ни толстые, верблюжьей шерсти, водолазные свитеры, ни ватные костюмы. Все это на бешеном, сбивающем с ног весеннем течении, несущем по поверхности Волги льдины, а по дну — страшные речные спруты — затонувшие коряги. Все это в кромешной тьме, среди рваных и перепутанных стальных арматурных стержней, которые, того и гляди, зажмут в капкан.

А теперь пожалуйста: двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая, двадцать пятая уже готовы и несут на своих плечах тысячетонные пролеты моста.

Да, любая, названная наугад опора хранит на себе след труда водолазов!..

...В крошечной, но уютной каптерке на плашкоуте все напоминает морскую службу: зеленые водолазные рубахи, спасательный круг, мотки смоленой каболки, бухта манильского троса, полосатые тельняшки на Кальянове и Кублике. И даже рисунок, сделанный Валей Соловьевым карандашом на стене, изображает старинную каравеллу, несущуюся на всех парусах.

Вокруг стола, у репродуктора — три инженера. Начальник участка Александр Степанов, заместитель Баева Виталий Лян и Филипп Тер-Микаэлян. Молчание. Слышно, как в репродукторе шипит и хлюпает,— это дышит водолаз, стравливает воздух клапаном.

— Так!..— доносит наконец репродуктор голос Скирдова.— Нашел течь!

— Сильная течь, Леша? — спрашивает Лян.

— Сильная, руку отбивает! Песок тут живой. Крутит песок!

— Уточни расположение! — Лян делает быстрые пометки на схеме оболочки, которая лежит перед ним. От точности работы водолаза, от его добросовестности зависит все. Стоит ему поторопиться или просто смалодушничать — не дойти до нужного места и пропустить течь,— кто проверит?

Но с Лешей ни того, ни другого никогда не случится... На схеме Ляна появляются все новые и новые пометки — в одном месте лопнул сварной шов, в другом ослабли болты, в третьем пропускает фланец.

— Видно, Леша? — осведомляется Лян.— Лампа помогает?

— Темно, как в трюме ночью... А на что мне лампа? Я своим пальцам больше, чем глазам, верю!.. Так!.. Потрави шланг-сигнал! — командует вдруг Скирдов.— Стоп! Шланг-сигнал хорош! Подвигай беседку!

Все команды из-под воды выполняются бегом. Кальянов, Соловьев, Кублик напряженно ловят каждое слово Скирдова. Не только потому, что он старший по должности и ему положено подчиняться. Лешу уважают за то, что он справедлив и тверд. За то, что никогда не оставит в беде друга. За то, что нет ему равных в его подводной профессии...

Опять:

— Течь в низовой стороне... Дует во фланец... Стоп! Прибавь воздуха! Подбирай шланг-сигнал!..

И вдруг... Что это?! Не идет, не выбирается шланг-сигнал! Не идет к водолазу воздух! Зажало?.. Или просто зацепился?.. Все вскакивают. Соловьев бросается снимать с вешалки водолазную рубаху.

Хлюпанье и шипение в репродукторе прекратилось. Водолаз не стравливает воздух... Запаса его в костюме хватит на восемь минут. Успеет за эти короткие минуты Скирдов там, в полной темноте, освободить шланг-сигнал, на котором, фигурально выражаясь, висит жизнь водолаза?.. Ну!..

— Есть! Отцепил!

— Как воздух, Леша?

— Воздух хорош!

И снова слышится шипение и хлюпанье, которое для меня да и для всех звучит сейчас, как музыка.

Соловьев натягивает рубаху на деревянные плечики. Лян выбрасывает погасшую папиросу и закуривает новую. Я перевожу дух...

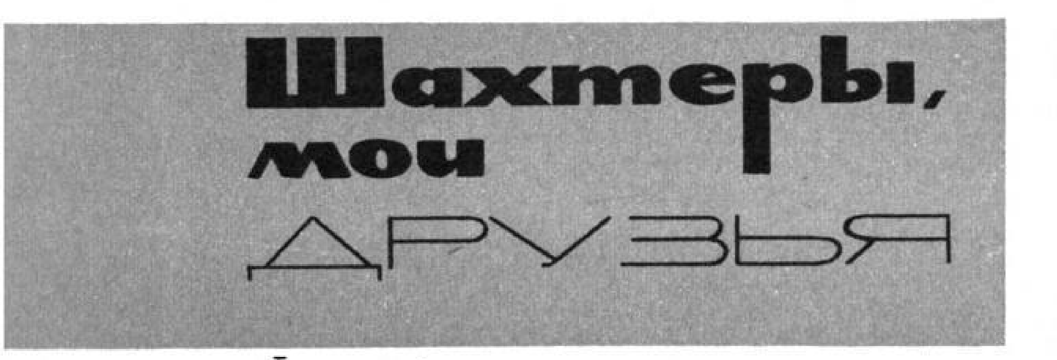
Через полчаса Леша раздевается. Намыливает ладони, чтоб прошли через резиновые манжеты водолазной рубахи, стягивает шубинки и надевает брюки из самой

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ ПЛАВУЧЕЙ ОПОРЫ.

Главный инженер строительства моста А. А. Баев (слева) и начальник участка В. А. Матюшин.

Фото А. Узляна.

Николай АНЦИФЕРОВ

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Мне хотелось купить «прахаря́».
«Прахаря́» — сапоги со скрипом.
Чтоб, по совести говоря,
Быть отменным (в ту пору) типом.
Голенища гармошкой чтоб.
Чтоб навыпуск штаны-брючата.
Чтоб кепчонка не лезла на лоб.
Чтоб на танцах — мои девчата.
Чтобы мог под гитарный аккорд
Петь на равных с завидным шиком
Про неведомый Ванинский порт
Вместо древнего «Гоп со смыком».
Чтоб... Да мало ли всяких «чтоб»!..
Эх, гармошкою голенища!
Спекулянты вгоняли в гроб
Непомерной ценою: «Тыща».
Тыща — целое состояние.
Раздобыть ее не в состоянии.
Ведь в Америке умереть
Не могла разбогачка тетя:
Родословную посмотреть —
Нет и не было, да и впредь
Моих родичей там не найдете.
А украсть... Я боялся красть.
Знал: какой ты ни хитрый-ловкий,
Но за это родная власть
Не погладит, поймав, по головке.
В «прахаря́», в «прахаря́»,
в «прахаря́»
Упиралась моя философия...
Засосала мои якоря
Незабвенная шахта «София».
«Залегают в недрах земли,—
Утверждали, кто в шахте не был,—
В тыщу метров длиной рубли,
В тыщу граммов горбушки хлеба».
До сих пор никакому рублю
Поклоняться я не люблю.
И тогда не за длинным рублем
(Длинный рубль, между прочим,
сплетни)
В том голодном сорок седьмом
Я, голодный семнадцатилетний,
Хлеб пошел добывать горбом.
Я три тысячи дней протрубил,
Опускаясь в подземные своды...
Все же я «прахаря́» не купил,
Потому что вышли из моды.

НЕБО

Небо я достаю головою
(Невысокий имея рост).
Это небо — не голубое.
Это небо — без солнца, без звезд.
Не плывут по нему облака,
Но дождит—днем и ночью каплет.
Возразят:
«Не валяй дурака».
Не валяю.
И даже ни капли
Не лукавлю и не злословлю я:
Это небо висит под землей,
Это небо зовется кровлею.
Сотни метров каменный слой.
Небо — выдумщица-мастерица
Озорные творить чудеса:
Могут запросто взять и свалиться
Твердокаменные небеса.
Представляете? Каменный юмор
В полном смысле разит наповал.
(Побожиться могу: чтоб я умер,
Сам не видел бы — вам не врал.)
Небо каменным смехом грохочет.
Небо зуб — да какой еще!—точит:
На меня почему-то хочет
Небо каменное упасть.
Укрощая небесную страсть,
Затыкаю металлом пасть.
Небо лезет из каменной кожи.
Небо каменным брызжет злом.
Лучшей марки металл корежит,
Превращая в металлолом.
Эти *шуточки* не новы.
Не *сдаваясь*, иду на вы.
Лопнут каменные нервишки,
И сыграет небо отбой.
Дескать, ладно, аллах с тобой.
Продолжай, счастливый судьбой,
После смены почитывать книжки...
Я похлопаю небо руками,
Как смирившегося коня:
— Небо, вынь из-за пазухи
камень,
Все равно не обманешь меня.

Я ЗВЕЗДЫ ЧИНЮ

Я звезды чиню-починяю
И к Ноябрьским,
И к Первомаю,
И к другим торжествам.
Работенка, скажу я вам...
Чтоб матерчатое светило
Ослепительнее светило,
Молотком по плечам похлопаю,
И подкрашу его,
И подштопаю,
И лампочки заменю.
Я звезды чиню.
Я, как бог:
Все имея, умею —
Починю. Не горит. Не горюю:
Полотно — ребятишкам на змея,
Кочегарам остов дарю я.
И поэтому звезды — ни-ни!
Светят звезды солнцу сродни.
Без малейшего аха-оха
Полыхают под стать огню...
Пожимает мне руку
Эпоха.
Ну еще бы:
Я звезды чиню!

штатской, в полоску, материи, но сшитые на морской лад.

— Забьем течь? — нетерпеливо спрашивает Лян.

Леша с минуту думает, щурит голубые глаза и поглаживает крутой подбородок широкой ладонью с длинными и гибкими пальцами.

Инженеры с беспокойством ждут, что скажет водолаз.

Кублик тем временем заботливо расставляет перед Лешей масло, хлеб, сахар, жареную и вяленую рыбу.

— Сделаем!— коротко произносит наконец Скирдов.

Инженеры облегченно вздыхают и уходят. Они знают: раз Леша сказал, будет порядок.

ПТИЧКИ ВЫХОДЯТ НА СТРЕЖЕНЬ

В шесть утра мы с Баевым высаживаемся на понтоны плавучей опоры. Они образуют огромную букву «П», охватывающую с двух сторон пирс, на который уже перекатили птичку. Еще на правом берегу Баев прочитал метеосводку: переменная облачность, ветер умеренный, пять метров в секунду, во второй половине дня возможен дождь. Все в порядке. Но сводка сводкой, а готовым надо быть ко всему. Кто гарантирует, что не налетит из заволжских степей бешеный шквал, не разведет волну, не потащит на мель птичку, имеющую, как говорят мостовики, большую парусность?

А сейчас штиль. Лениво плывут по небу розовые, подсвеченные солнцем облака. Тонет в утренней молочной дымке правый саратовский берег, кажущийся в этот час невероятно далеким.

Тихо. Отчетливо слышно, как глухо рокочут машины буксиров, дремлющих поодаль на якорях. Буксиров три: мощный новенький толкач «ОТ», «Старательный» и «Пятилетка». И, кроме того, целый рой малых и больших буксирных катеров — «Ракета», «Космос», «24».

Баев поднимается по трапу на мостик. Радист подносит ему микрофон. Главный инженер нажимает кнопку. Я смотрю на часы: шесть тридцать.

— Дать воздух! — разносят громкоговорители команду.

Раздается шипение. Компрессор гонит воздух в понтоны, выталкивая из них воду, и они понемногу начинают всплывать. Легкое потрескивание возвещает, что плавучая опора приняла на себя огромный вес птички: толстые дубовые брусья, уложенные сплошными перекрещивающимися рядами в тех местах, где птичка опирается на металлические надстройки на понтонах, вминаются, как пуховые подушки...

Птичка погружена!..

Баев поправляет круглые очки в золотой оправе и заглядывает в схему расположения лебедок.

— Отдать десятую! Пятая и одиннадцатая вира! Шестая и двенадцатая майна! — гремят громкоговорители.— Третья майна! Восьмая майна! Девятая вира!

Клацают шестерни, с шуршанием наматываются тросы на барабаны. Плавучая опора и вместе с ней птичка медленно, по миллиметру, отходят от пирса.

Здесь нужна прямо-таки аптекарская точность: малейший перекос, неправильно понятая или выполненная команда — и гигантский плот всей своей тяжестью навалится на пирс.

Наконец Баев выключает микрофон.

— Ну, «адмирал»,— говорит он начальнику флота Геннадию Тюрину,— где твоя флотилия? Давай малый вперед!

За кормами буксиров вспухают буруны. Я опять смотрю на часы: половина восьмого. Пока все идет точно по расписанию. Буксиры тащат нас вниз по реке, огибают мели и перекаты. Потом мы поднимаемся против течения; каменные уступы набережной, несмотря на раннюю пору, усыпаны любопытными.

Встречные суда — огромные белые пассажирские лайнеры и тяжелые самоходные баржи — приветствуют нас разноголосыми гудками, сбавляют ход, уступают дорогу...

В десять мы минуем мост и оказываемся выше его по течению. Остается последняя операция: постепенно спускаясь вниз, наводить птичку на опору моста...

И тут происходит осечка. Прораб, которому накануне было поручено поставить якоря, положил их на дно метров на двести дальше, чем требовалось. Длины тросов от них не хватает, чтобы подвести птичку вплотную к ее вечному месту — к капитальной опоре моста.

Из будки, что стоит на мостике, высовывается голова радиста.

— Александр Александрович! Штормовое предупреждение!

Через плечо Баева я заглядываю в наспех исписанную вкривь и вкось карандашом бумажку. Идет шквал с грозой и ураганным ветром. Через час-другой он будет здесь, над мостом...

Я представляю себе, что произойдет через час. Ударит ветер, сорвет с якорей плавучую опору, потащит ее на мост, на пролетные строения, которые уже стоят на своих местах... Может быть, пока еще не поздно, пока не ушли буксиры, оттащить птичку подальше, укрыть в безопасном месте, переждать?..

— Что ты будешь делать? — спрашиваю я у Баева.

— Надо быстро работать! — лаконично отвечает Баев.

Тянутся долгие, томительные минуты напряженнейшей, точной и быстрой работы.

Рабочие наращивают тросы, идущие от якорей к лебедкам, сначала один трос, потом другой.

Я поглядываю на клубящиеся в небе тучи: не дай бог сейчас обрушится шквал!..

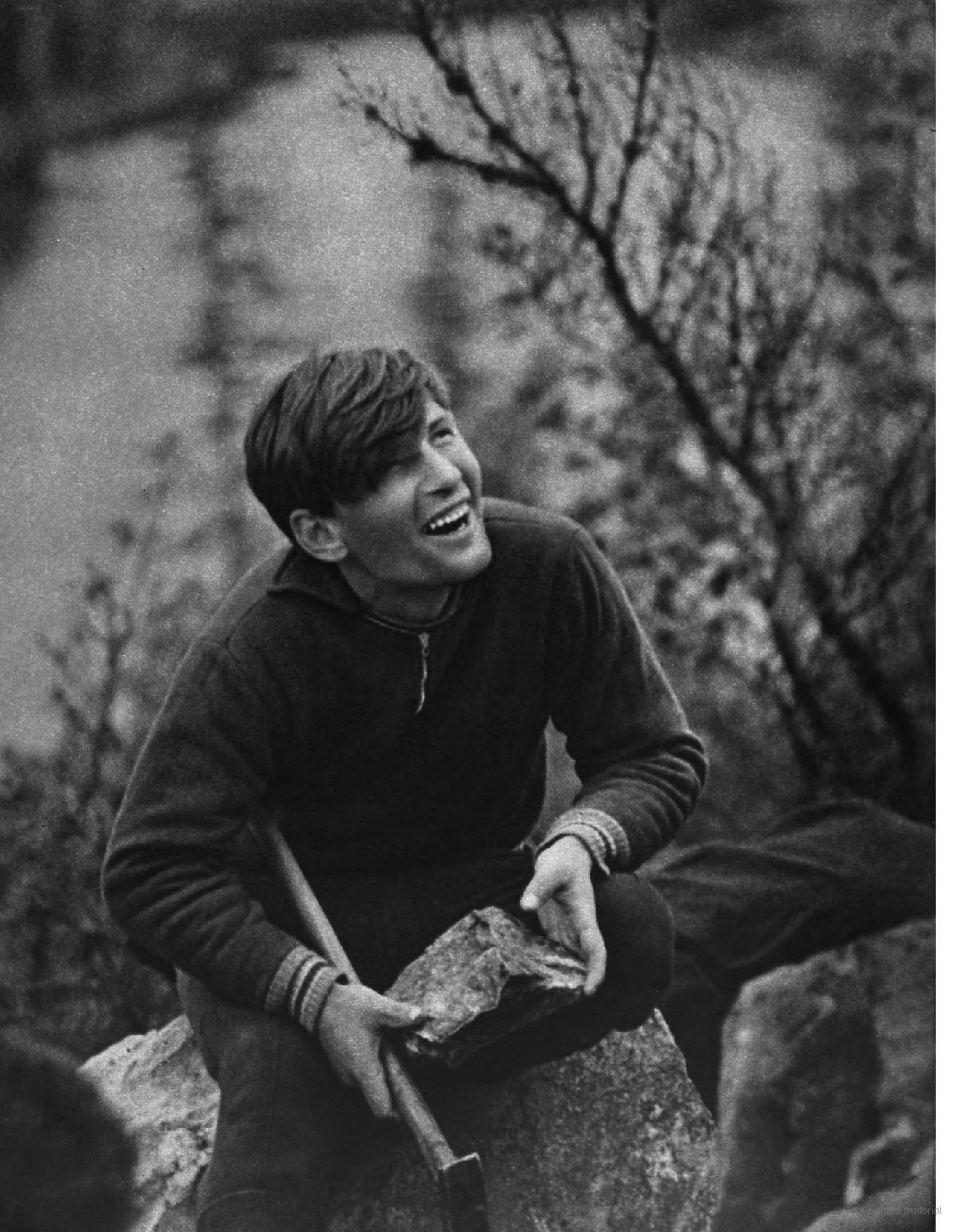
Наконец тросы удлинены. Барабаны якорных лебедок начинают медленно вращаться, и мы возобновляем движение вниз, пока капитальная опора моста не оказывается между палочками буквы «П», образованной понтонами...

Все. Птичка на своем месте, на вечном приколе. Теперь ей не страшен никакой ураган!

А шторма, кстати, и не было. Шквал прошел стороной.

Пшеница золотая. Фотоэтюд М. Савина.

ИМЯ ЕГО — СОЛНЕЧНЫЙ

Шли по тайге геологи. Разжигали костры, спали в палатках, переходили вброд стремительные ручьи. Искали олово, знали: должно оно быть тут, в предгорьях Мяочанского хребта. Шел среди геологов и Олег Кабанов. Было холодно и сыро. С гор спустился туман и цепким дыханием окутал распадок. В тот день и нашел Олег Кабанов первый камень оловянной руды — касситерит...

И как раз в тот момент, когда геолог побежал поделиться радостной новостью с товарищами, яркое солнце разорвало тучи, прогнало туман и щедро осветило распадок.

«Солнечный! Вот как назовем мы город, который станет на этом месте»,— решили геологи.

Может, все случилось и не совсем так, как рассказывают теперь, но счастливо придумал тот, кто дал городу это светлое, радостное имя.

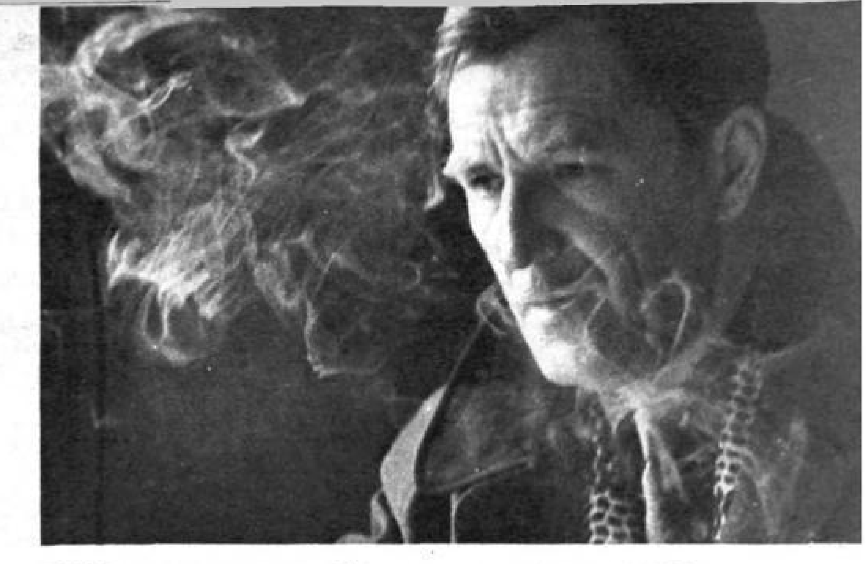
Каким же будет молодой город?

Его проект разработали архитектор С. Курильская и студенты-дипломники Ленинградского инженерно-строительного института В. Ломовцев и В. Афанасьев.

В центре города — восьми- и девятиэтажные дома, простых современных линий, ярко окрашены. На улицах — деревья, кустарники, цветы. На главной площади — Дворец культуры, молодежное кафе.

Город уже строится. Пролегли широкие улицы, сквозь которые видны дымчатые горы Мяочанского хребта. Нет тут землянок, которые были в свое время в Комсомольске-на-Амуре, старшем легендарном брате Солнечного. Другое время, другие сроки.

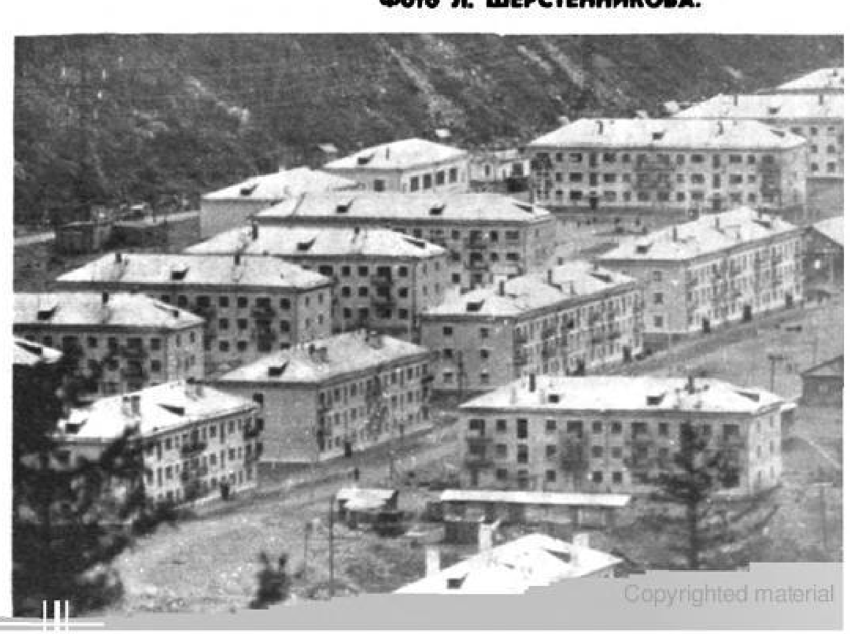
Он будет, город с солнечным именем. А рядом уже идет разведка в новых местах, с красивыми, поэтическими названиями: Озерное, Лунное, Молодежное...

ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ РУСАНОВ — ОПЫТНЫЙ ИНЖЕНЕР. И все же работа на молодом комбинате частенько задает ему головоломные задачи.

Здесь, в горах Мяочана,— олово.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ТЕХНИК-ГЕОЛОГ ЕВГЕНИЙ ДИК. Один из тех, кто продолжает поиск.

4 ГОДА

Соединенные Штаты Америки ведут активные вооруженные действия против патриотов Южного Вьетнама.

21 000

американских солдат и офицеров участвует в этой «грязной войне» за много тысяч миль от своей родины.

БОЛЕЕ 60 процентов

территории страны освобождены или контролируются вооруженными силами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

О патриотах Южного Вьетнама, об их жизни, об успехах в борьбе против американских интервентов и их ставленников рассказывает австралийский журналист Уилфред БЭРЧЕТТ

В ОЧЕРКЕ:

Нам Бо — пар

Я проснулся от легкого прикосновения к моему плечу и увидел над собой улыбающееся, медного цвета лицо моего проводника. Его палец был приложен к губам, призывая соблюдать тишину. Я потихоньку вывалился из гамака, в котором провел весь день и добрую часть ночи, и оказался в окружении полудесятка партизан, незнакомых мне. Они улыбались и по очереди протянули мне руки. Мой проводник, стройный и гибкий парень из народности мьюнг, быстро скатал гамак, засунул его в вещевой мешок и обернулся ко мне. Мы сжали друг друга в объятиях, и я заметил слезы в его глазах. Несколько недель мы были вместе, немало пройдя пешком и на лошадях. Последним его заданием было привести меня сюда и передать другим. Партизаны, вскинув винтовки на плечи, знаком показали мне мое место в строю нашей маленькой колонны, и мы двинулись вперед, махнув в последний раз моему другу-проводнику. Он сразу исчез, поглощенный угольной темнотой тропической ночи.

За все это время не было сказано ни слова, и не потому, что этому мешали языковые трудности, а потому, что мы пробирались по территории врага, чьи передовые посты были не более чем в километре от места нашей встречи, и нам предстояло пройти еще ближе от них, прежде чем мы попадем на «свою» территорию. Сначала я ориентировался на винтовку идущего впереди меня партизана, а потом сумел заметить белое пятнышко его вещевого мешка и стал идти ближе к нему, чтобы случайно не свернуть с узенькой извилистой тропки, по которой мы двигались. Мы шли быстро и так бесшумно, как только позволяли сухие, хрустящие листья под ногами. Самым трудным для меня были переходы через мосты. Каждым таким мостом был круглый ствол дерева с шаткими, качающимися перилами, которые помогали поддерживать равновесие, но на которые нельзя было опереться.

Наконец мы остановились и сбросили рюкзаки с плеч на землю. И тогда наступило время для улыбок и новых рукопожатий. «Нам Бо»,— говорили партизаны. Это был волнующий момент. «Нам Бо» означало, что я находился на «настоящем» Юге, у самой цели моего путешествия в освобожденные районы Южного Вьетнама, у окраин Сайгона, у самых ворот столицы, и мог своими глазами увидеть войну, которая ведется здесь. Вьетнамцы делят страну на три части: Бак Бо, или, как ее называли французы, Тонкин,— на севере, Чунг Бо, или Аннам,— в центре страны (эту часть сейчас перерезает 17-я параллель), и Нам Бо, или Кохинхина,— на юге. Несколько месяцев я провел в Чунг Бо, главным образом на западном плоскогорье, где живут различные национальные меньшинства страны.

И вот теперь, благополучно миновав вражеские посты, мы находились на ничейной земле. Тут можно было закурить и начать разговор — я знал несколько слов по-вьетнамски, а они располагали таким же запасом французских. Пока мы отдыхали, двое партизан вынули свои ножи, свалили молодое деревцо, обрезали у ствола сучья и прикрепили к нему концы моего гамака. Когда сигареты были выкурены, они положили концы шеста на плечи и пригласили меня занять место в паланкине. Каждый из партизан был примерно вдвое меньше меня. Я возмутился и предложил в ответ пощупать сталь моих мускулов на ногах. Партизаны заулыбались и обменялись вполголоса одобрительными замечаниями. Мы отвязали гамак и выкинули шест. На следующий день, когда мы обрели переводчика, я узнал, что им сообщили обо мне как об «очень старом человеке, который не привык много ходить». Это было очень обидно для моих 52 лет и портило мне удовольствие, которое я получаю от хорошей прогулки по джунглям.

Теперь партизаны шли с зажженными лампами, сделанными из винтовочных патронов и флаконов из-под французских духов, в которых горит керосин. Время от времени на ходу они срывали широкий лист и держали его около лампы, пользуясь им как рефлектором, чтобы осветить тропу. «Разве электрические фонари не более удобны?» — спросил я как-то. Мне ответили, что, помимо всего прочего, хранить батареи в таком климате очень трудно, а керосин можно хранить сколько угодно. Мы находились по-прежнему в густых зарослях, на тропинке, которая во многих местах больше напоминала туннель среди деревьев и бамбука. Тяжелую тишину ночи сначала нарушали только крики ночных птиц да похрустывание листьев под ногами, но через два часа мы услышали несколько разрывов артиллерийских снарядов, приглушенных расстоянием.

Четыре часа спустя мы подошли к маленькому шалашу, предварительно перейдя еще один из этих ужасных мостов, который на этот раз был перекинут через прыгавший по камням поток шириной метров в шесть. Бревно, по которому мы шли, было идеально круглым и идеально скользким, диаметром сантиметров в 25, а к концу оно сужалось до 15 сантиметров. Я снял сандалии и, чуть не сорвавшись с бревна в самом начале, все-таки перебрался на другую сторону.

Сопровождавшие меня партизаны настояли, чтобы я отдохнул на кровати в шалаше, хотя я всегда предпочитал гамак между де-

ревьями. Но они сказали мне, что здесь водятся тигры, и я подчинился и провел свою первую ночь в Нам Бо на бамбуковой кровати, покрытой соломенным тюфяком, окруженный свиньями всех возрастов. Они терлись спинами о ножки кровати и засыпали. Потом раздавалось громкое коллективное визжание, и все они галопом удирали в лес, а через несколько минут с той же скоростью и с тем же визгом возвращались обратно. Я подумал, что в окрестностях, наверное, бродили какие-то дикие звери и свиньи использовали какую-то свою систему защиты против них.

На следующий день я узнал, что шалаш был одним из нескольких, принадлежавших маленькому подразделению Армии освобождения, которое, как все подразделения Армии освобождения, имело свою маленькую ферму. Они разводили свиней и кур. Позже я побывал на великолепном огороде, обсаженном кокосовыми пальмами, бананами и папайей. Все посадки хитро переплетались с джунглями, и это обеспечивало полную маскировку. У меня было уже достаточно опыта, чтобы знать, что каждый заметный кусочек обработанной земли в джунглях служит целью для вражеских авиабомб и напалма.

Кто-то забрался на кокосовую пальму и стряхнул оттуда несколько кокосов. В Нам Бо по традиции гостю предлагают этот вкуснейший прохладный напиток — сок кокосового ореха. Из джунглей по крошечной тропке вышла группа людей. Они оказались моими новыми спутниками, и среди них был переводчик. Представившись, он начал исподволь, осторожно узнавать, умею ли я ездить на велосипеде. Насколько я мог вспомнить, я не делал этого последние тридцать четыре года и потому сказал, что предпочитаю ходить пешком. Поздно вечером мы двинулись в поход. Через четыре часа мы пришли к новому скоплению хижин, оборудованных «кухнями Дьен Бьен Фу». Они, как показывает их название, были изобретены еще во время сражения под Дьен Бьен Фу. Их печи выстроены под землей в большой яме, обычно прикрытой сверху шалашом. Трубами служат длинные тоннели, которые идут от каждой печи в разных направлениях и оканчиваются в зарослях. Бóльшая часть дыма поглощается земляными стенами тоннелей, а остаток рассеивается в джунглях. Такое устройство печей очень важно, потому что самая маленькая струйка дыма привлекает внимание вражеских самолетов. Дым означает жизнь, а самолеты в Южном Вьетнаме — враги всякой жизни, которая существует за пределами южновьетнамских городов и «стратегических деревень». Всякая жизнь, всякий признак человека, животного, культурных растений — цель для бомб, напалма, отравляющих веществ. На западном плоскогорье я без конца слышал о том, что враг сбрасывает парашютистов или доставляет на вертолетах войска только для того, чтобы уничтожить созревший рис или кукурузу, и что напалм — обычное средство против всякого созревающего урожая. Человек с мотыгой на поле, буйвол, купающийся в пруду, зеленая полоска обработанной земли, струйка дыма — все это любимые цели для американских пилотов. Ни разу здесь не было случая, чтобы в сбитом самолете оказывался экипаж, состоящий из одних вьетнамцев или хотя бы с вьетнамским пилотом. Тоннели Дьен Бьен Фу, между прочим, дают великолепную тягу и раздувают в печах яркое пламя.

На следующий день мне снова предложили испытать велосипед, и, несмотря на очень сомнительный успех вначале, в последующие недели я сделал около 800 километров на велосипеде, да еще вдобавок немало пешком и на лодках с мотором. К поездке на Юг я готовился специально. Во время подготовки я участвовал в форсированных маршах, взбирался на горы, стрелял из пистолета и винтовки, приучал мой желудок к длительной диете из риса и маниоки — достаточно несъедобного клубня, к местным сортам пива, но мне никогда не приходило в голову, что придется пользоваться велосипедом. И что это было за начало для моей карьеры велосипедиста! Узенькая, извилистая тропка, покрытая корнями деревьев и пеньками, срезанными у самых корней; лианы, которые стремятся набросить на тебя петлю, когда ты склонил голову, чтобы рассмотреть пень на дороге; бамбуковые тоннели, которые ударяют тебя по голове, как низко ты ни склоняешься к рулю; острые побеги бамбука и множество колючек, намеревающихся разорвать на тебе рубашку вместе с кожей в клочья; и все подстерегает тебя на каждом повороте колеса. Добавьте мосты из бревен, через которые теперь надо было еще и переносить велосипед. К тому же вначале, когда я стремился повернуть в одну сторону, велосипед упорно поворачивал в другую. Но зато когда мы миновали эту змеевидную тропку и выехали на дорогу, которая когда-то была настоящей, твердо укатанной дорогой, я заново оценил все преимущества велосипеда. Старое чувство равновесия снова вернулось ко мне. Километры стали пробегать мимо нас быстрее — за исключением тех случаев, когда поблизости были самолеты и нам приходилось нырять в кусты. Мой первый велосипед марки «Мавик», и, хотя он сделан французами, на его раме и обоих колесах изображены две руки, объединенные пожатием, над ними американский флаг и надпись, что это «подарок американского народа». Велосипеды были закуплены на средства американской военной помощи.

Тот же знак стоял и на белых вещевых мешках моих друзей-партизан. Раньше в этих мешках была мука. Большими буквами на них было написано: «Дар народа США. Продаже и обмену не подлежит». Было по меньшей мере забавно видеть, как длинная цепочка партизан движется по дороге, и у каждого — «дар народа Соединенных Штатов».

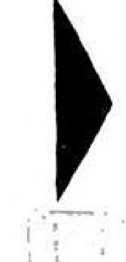
А если посмотреть на солдат, участвующих в боях, еще внимательнее, то размер такой американской «помощи» произведет огромное впечатление. У солдата на американском ремне висит лампа (о ней я уже рассказывал), в которой американские гильзы играют важную роль; у него с собой американский нейлоновый гамак, который он прикрепляет к деревьям с помощью строп от американ-

Дороги отважных.

Фото автора.

тизанский край

Накануне операции.

ского парашюта. Сбоку болтается фляга с большими буквами «US», связка ручных гранат, сделанных в партизанских мастерских в джунглях, и кулек, похожий на небольшую круглую бомбу,— завернутая в нейлон дневная порция вареного риса. Оружие у большинства из них — американское: некоторое количество полуавтоматических винтовок Бренди, автоматы, 37-миллиметровые пулеметы (обычно снятые со сбитых американских самолетов) и очень высоко ценимые 57-миллиметровые безоткатные орудия. Солдаты Армии освобождения носят обувь, которая раньше называлась «сандалиями Хо Ши Мина», с той только разницей, что их поставщиком вместо французской компании «Мишелен» стала американская компания «Гудиер раббер». Подошвы делаются из обычной покрышки грузовых автомашин, а ремнями, которыми они крепятся к ноге, служат полоски резины от камер. Это самая удобная обувь, которая придумана для походов в джунглях в жару. Снаряженный таким образом, батальон солдат может пройти двадцать пять километров после захода солнца, уничтожить вражеский пост и вернуться обратно с трофеями до восхода.

Сделав 40 километров на велосипедах, мы остановились отдыхать у спокойной речки, в которой бежала бурая вода. К вечеру прибыли две лодки: одна с подвесным мотором, другая весельная. Мы погрузили велосипеды и погрузились сами. На моторе было изображено знакомое рукопожатие. Это семисильный «Колер», «сделанный в США». Всю ночь мы скользили по спокойной воде, и над нами сверкали яркие белые звезды. Так мы путешествовали несколько дней. В нашу группу входили доктор, повар, переводчик, человек, ответственный за безопасность группы, представитель отдела печати Комитета внешних сношений Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и проводник, который менялся от района к району. Когда наша группа сложилась окончательно, сложился и наш распорядок дня. Если мы снова оказывались на велосипедах, то наше путешествие начиналось в относительно прохладные предутренние часы. Мы посещали деревни, армейские части, организации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама к концу дня и по вечерам. Это позволяло спасаться от дневной жары. Во время нашего пути почти каждый час появлялись посыльные с маленькими конвертами. В них содержались последние сведения о передвижении врага, и для нас это было особенно важным, потому что мы находились среди сложной системы вражеской обороны на подступах к Сайгону. Наше собственное передвижение порой планировалось час от часа, в зависимости от содержания этих маленьких конвертов. Эти дни, когда мы передвигались прямо к Сайгону, были наполнены особым волнением. Вот отрывок из моих записок, которые я вел каждый день во Вьетнаме:

«Самолеты летали над нами весь день. Это были «Б-26», «АД-6», вертолеты и французские «мораны» — разведывательные самолеты, которые мой переводчик зовет «мадмуазелями». Наш путь лежал по террасам, вдоль рисовых полей, часто по открытой местности. Джунгли здесь редеют, и нам приходится очень внимательно следить за самолетами. Мы все время подходим ближе и ближе к вражеским постам и иногда идем по территории, которую контролирует противник, или в лучшем случае по территории, которую партизаны по-настоящему контролируют только по ночам. Наш проводник должен быть очень опытным.

Несколько зеленых веточек, положенных определенным образом на перекрестках, означают, какой дорогой мы должны следовать. Для меня трудно заметить разницу между освобожденными районами и районами, контролируемыми врагом, если не считать, что в последних не видно людей, потому что они все загнаны в «стратегические деревни». Проводник сказал, что нам придется пересечь открытое место ночью, так как по обеим сторонам дороги на расстоянии 10 и 6 километров с каждой стороны находятся вражеские посты. Но на самом деле благодаря тем маленьким конвертам, которыми нас продолжали снабжать, мы смогли пересечь его в дневное время на велосипедах. Партизаны, сопровождающие нас, сегодня держали оружие наготове. Ночь мы провели в очень симпатичной рощице в трех километрах от вражеского поста».

И запись следующего дня:

«Дорога шла по большей части через открытую местность, часто сквозь каучуковые плантации. Самолеты врага очень активны. Одна «мадмуазель» появилась в воздухе с раннего утра, стала делать большие круги над нами, постепенно сужая их. Наше укрытие было не очень надежным, и мы хотели найти другое место, как

«Минируют» дорогу.

Автор очерка в Южном Вьетнаме.

Такие препятствия устанавливаются на пути врага.

только самолет улетит. Но прежде чем «она» исчезла, другой самолет прилетел ей на смену и скоро заметил нашу группу. Началась игра в прятки. Мы меняли место, как только «мадмуазель» поворачивалась к нам хвостом, и прятались куда попало. Затем «она» вызвала на помощь свою «сестру», чтобы можно было следить за нами постоянно. Вдвоем они кружили над нами, как две большие мухи, и круги становились все уже. Затем они начали летать по диагоналям, постепенно снижаясь. А мы продолжали быстро пробираться сквозь каучуковые плантации и прятаться в небольших рощицах на открытых пространствах. Партизан, отвечавший за безопасность нашего отряда, боялся, что будут высажены войска с вертолетов, и наш эскорт снова держал оружие наготове. Игра в прятки с «моранами» продолжалась часа три. Наконец мы добрались до безопасного места, где нас ждали. А через несколько минут самолеты спикировали и, к моему удивлению, — я не знал, что самолеты-разведчики вооружены,— сбросили напалмовые бомбы на маленькую группу хижин, которые они рассмотрели в лесу за километр от того места, где были мы. Позже я узнал, что во время этого налета была убита 9-летняя девочка.

Днем мы двинулись дальше, пройдя в полутора километрах от вражеского поста. Зеленые веточки рассказали нам, какая дорога для нас закрыта. В воздухе снова часто появляются самолеты, но вдали от нас. Под вечер их стало меньше. Я очень внимательно следил за велосипедом впереди меня, потому что партизаны «заминировали» эту дорогу различными ловушками. Часто дорога была разрушена — иногда перекопана рвами, а иногда по ее сторонам, словно для какого-то гигантского зубчатого колеса, были вырыты ямы. Мы вошли в деревню, где спокойно и весело текла обычная сельская жизнь: мирные картины у домашних очагов, люди, работающие в поле в вечерней прохладе. Деревня была украшена флагами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Мне сказали, что мы находимся в 10 километрах от окраин Сайгона и в 25 километрах от центральной площади столицы...»

Отсюда позже я двинулся на лодке ближе к Сайгону и оказался от него в 7 километрах. Как это возможно? Здесь я предоставляю слово Хин Тан Фату, председателю Комитета Национального фронта района Сайгон — Гиа Дин, который одновременно занимает пост заместителя председателя Центрального исполнительного комитета фронта. Я встречал его и других членов Комитета фронта района Сайгон — Гиа Дин несколько раз в окрестностях столицы, каждый раз в другой деревне.

— Сайгон не только столица,— рассказывал Хин Тан Фат, веселый, часто улыбающийся человек, хорошо известный архитектор из Сайгона.— Это политический и военный нервный центр врага. Здесь сосредоточены все главные базы обучения войск, склады боеприпасов, американское командование, главные аэродромы... За последнее время в нашем районе наблюдаются две противоположные тенденции: с одной стороны, город растет за пределы своих нормальных границ по мере того, как военные сооружения наступают на крестьянскую землю и бульдозеры сносят крестьянские дома, чтобы очистить место для новых полевых складов и центров по подготовке войск. С другой стороны, чем чаще ставленники США терпят поражение за пределами столицы, тем больше они втягиваются в Сайгон. Провинцию Гиа Дин, где расположен Сайгон, они рассматривают как укрепленный пояс для защиты столицы.

Он вынул карту провинции, на которой районы, контролируемые врагом, были окрашены в зеленый цвет, освобожденные районы — в красный, а районы партизанских действий, где партизаны являются хозяевами по крайней мере ночью,— в желтый. Желтого цвета было больше, чем зеленого и красного вместе. Наша встреча происходила днем в районе, окрашенном желтой краской.

— Как видите,— продолжал Хин Тан Фат со своей обычной веселой улыбкой,— провинция покрыта сетью дорог, стратегических шоссе, водных магистралей и стратегических деревень. Передвижение наших войск здесь затрудняют колючая проволока, рвы, большие дороги, вражеские посты и другие препятствия. Но — как вы в этом могли сами убедиться — мы все-таки передвигаемся.

Он раскатал другую карту, которая показывала расположение вражеских постов. Над нами низко летали самолеты. Один из партизан следил за ними и должен был сообщить, если самолет сбросит бомбы. Противовоздушные щели рядом, и у нас должно хватить времени как раз на то, чтобы спрыгнуть в них, если раздастся сигнал: «Бомбы сброшены!»

Было просто ошеломляюще — если не сказать больше — узнать, что место, где происходила наша встреча, было почти окружено вражескими постами, два из которых были расположены от нас в 1 000 и 1 500 метрах на восток и на запад соответственно.

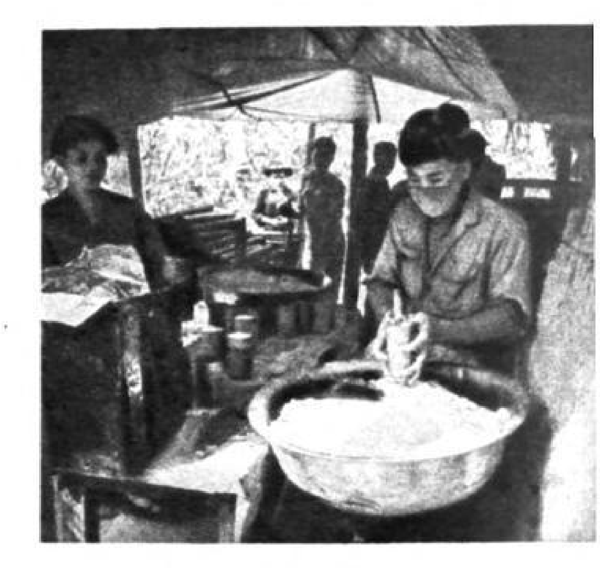
Хин Тан Фат сказал:

— Да, на карте это выглядит достаточно тревожно, но на самом деле большая часть территории, которую враг контролирует здесь, освобождена. И кажется, что мы окружены врагом, на самом деле мы окружили вражеские посты. У нас это называется «затыканием бутылок». Партизаны день и ночь находятся вокруг постов врага. Войска их гарнизонов могут выйти только, чтобы выкупаться, набрать воды для варки риса или дойти до рынка — и то с нашего разрешения. Мы позволяем такие операции лишь строго ограниченному числу людей без оружия. И они знают, что если мы даем слово, то их не тронут. Иногда их начальникам надоедает такая жизнь, и они уходят совсем.

Вот почему я мог проходить мимо вражеских постов без инцидентов! Моих хозяев беспокоило лишь, что американцы могли узнать о нахождении среди партизан иностранца, принять меня за американского военнопленного и предпринять меры, чтобы «спасти» меня. В Южном Вьетнаме установлена награда — от 10 тысяч до 30 тысяч сайгонских пиастров за информацию, ведущую к освобождению захваченного в плен американского военного.

— Из-за характера этой войны и из-за сложности коммуникаций мы должны жить с врагом бок о бок,— сказал по другому случаю Хин Тан Фат.

В тот раз я находился на территории одного из поселков «стратегической деревни». Другой ее поселок уже освобожден. Они находились друг от друга на расстоянии километра и разделены разрушенной дорогой. Это в двенадцати-тринадцати километрах от Сайгона и в пределах досягаемости пулеметов американской учебной базы Чунг Хоа, где готовят парашютистов. И я понял значение слов Хин Тан Фата. И еще я отлично понял, что мог разъезжать на велосипеде при дневном свете вокруг Сайгона на расстоянии семи — восемнадцати километров только потому, что народ полностью поддерживает Фронт.

В партизанской мастерской, где делают гранаты.

Эта девушка умеет держать в руках и винтовку.

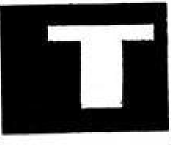
Оружейная лаборатория в партизанских джунглях.

Печатное слово — это тоже оружие.

1

Тихо и сумеречно в избе. Одно окно прикрыто растянутым на гвоздях старым платком — наверное, мать постаралась, чтобы солнце в глаза Алешке не било,— возле другого на табуретке сидит отец.

Сидит он полуобернувшись к свету, ссутулив спину, и Алешке видно, как сами собой шевелятся у него на спине лопатки под натянувшейся рубахой. Перед ним на краю стола, словно рюхи на кону, стоят рядком уже набитые патроны. Войлочные пыжи и пустые гильзы лежат вперемешку в красном мешочке, и, когда отец запускает в него руку, гильзы мягко позванивают.

Алешка начинает смотреть на другое окно. Оно совсем темное. «И зачем только мать его завесила? Солнца-то все равно нет!— думает Алешка и сразу же пугается: — А вдруг дождь на улице?!»

Но тут в самом верхнем углу платка вспыхивает маленькая искорка. Потом еще одна... Потом еще и еще... Все ниже и ниже. И вот уже почти половина платка горит, словно пронизанная с той стороны множеством острых и сверкающих иголочек.

Солнце взошло!

Алешкина изба стоит на самом взгорье, на речном берегу. Другие избы хоронятся за нею на склоне и зимою тонут в глубоких снегах, а вот Алешкину со всех сторон ветры обдувают. Зато и видно ее отовсюду. И из окон ее тоже все видно: и тайгу, далеко-далеко, так что и не разобрать уже, где земля, а где небо; и реку далеко — вверх до Лугового острова, а вниз — чуть не до самого Кривого переката.

Просторно!

Вот и солнце в их окна раньше, чем в другие, заглядывает. В логу, небось, еще туман утренний стынет, тени синие за избами прячутся, а у Алешки на подворье светло. День.

Хотя и сказывала как-то Алешкина мать, что поначалу смеялись в деревне над отцом, когда задумал он на взгорье избу рубить, но ведь Алешка тогда совсем маленьким был. Теперь-то не смеются. Федькина изба почти рядом стоит. Витькин отец нынче лес возит: с весны, видать, новую избу ставить будет.

А коль началось, то теперь уже пойдет и пойдет из спокойного логового затишка к широкому солнцу, на сквозные ветра один двор за другим. Скоро и вся деревня на берег реки выйдет.

Алешка опять смотрит на отца. Теперь в солнечном свете его лицо кажется Алешке совсем темным. Даже светлые усы и то потемнели.

Алешка потихоньку спускает голые ноги с кровати: холодный пол, липкий! В коротенькой ночной рубашке неслышно крадется Алешка к отцу и вдруг крепко обхватывает сзади его шею, виснет на ней и прижимается к горячей отцовской спине.

— Папаня! — радостно кричит Алешка.

Отец легко разжимает Алешкины руки, сажает его к себе на колени и смеется. Вот и усы у него совсем не темные, а лишь чуть коричневатые снизу от табачного дыма. И пахнет от отца табаком, кисловатым пороховым дымом от стреляных патронов и чистой глаженой рубахой — вчера суббота была, баню топили.

— Ступай умываться... Иди...— ласково говорит отец и спихивает Алешку с колен.

Шаром выкатывается Алешка за высокий порог в сени. Сложив ладони горсточкой, подбивает он затупленный снизу гвоздь в рукомойнике и плещет в лицо холодной водой, покуда не начинают больно ломить покрасневшие пальцы, а губы деревенеют и становятся будто чужими. Вздрагивает Алешка, и вода проливается из ладоней прямо на босые ноги, обжигает их — приплясывает он возле умывальника.

А какой светлой кажется горница после сеней, какой теплой!

Вон и отец успел давно и припас снарядить и сапоги резиновые обуть — некогда мешкать Алешке. Быстро натягивает он приготовленные еще с вечера на сундуке штаны, разворачивает поголубевшую от синьки и чуть слипшуюся на сгибах рубашку, надевает ее и, не успев из воротника голову высунуть, слышит, как обдает спину холодным воздухом,— мать из магазина вернулась.

Мать у Алешки молодая, и даже он знает, что красивая. Красивее всех в деревне. До сих пор она с отцом ходит в клуб, и не только когда картину показывают, но и на танцы. А если Алешку дома не с кем оставить, когда бабка болеет или еще что, тогда и его с собой берут.

Алешка всегда норовит к гармонисту поближе пристроиться, а когда на сцене радиолу заводят, то к радиоле. Смотрит он, как, чуть наклонившись к мехам, перебирает лады Володя-почтальон или как плывет по пластинке, колыхаясь, белая ручка звукоснимателя, и не может понять, отчего так радостно и хорошо ему.

Мать танцует и с девками и с парнями, а отец больше с мужиками возле дверей стоит. Курят они в открытую дверь, смотрят на танцующих и говорят о своих делах: о покосе, о рыбе, о плотах, что день и ночь идут вниз по реке, и еще о чем-то серьезном и мужском. Счастливого и сонного приводят Алешку домой, и засыпает он сразу же, едва щекою подушки коснется...

— А я деда Данюшку повстречала,— говорит с порога мать, и в глазах ее смешинки светятся.— С ружьем-то он шел. Не иначе как за рябками...

Сердце у Алешки мгновенно падает.

Бакенщик, дед Данюшка, высок, худ и подслеповат. Есть в избе у него старая кожаная книга, но дед уже не может читать ее даже в тех очках, что привезла ему из города Федькина мать, продавщица. Однако стреляет старик без промаха и, как он сам говорит о себе, «по наитию». В деревне каждый скажет, что ходить после него на ручьи — гиблое дело. Тревожно смотрит Алешка на отца, но тот спокойно садится к столу.

— Надо полагать, что за ними...— легко соглашается отец и начинает резать хлеб.

Ест отец не спеша. Крупно и твердо откусывает от ломтя, прищуриваясь, дует из-под усов на картошку и круто солит мясо. Алешка пытается поспевать за ним, но от нетерпения обжигается и прикусывает язык. Отец будто не замечает, треплет белесые волосы на Алешкиной голове и поднимается из-за стола.

У Алешки даже горло перехватывает от радости: наконец-то!

2

Прозрачен и свеж утренний осенний воздух. И слышно в нем далеко, как сухо трещит на реке лодочный мотор, как позванивают ботала на коровьих шеях и как где-то в стороне деревни звонко лопаются сухие березовые поленья под неслышными ударами топора.

Широко и ходко шагает отец. Похрустывают под его сапогами побелевшие от мороза палые листья, и Алешка норовит попадать в черные отметины отцовых следов.

Тропа бежит вдоль истоптанного коровами горохового поля. Горох давно уже убрали, и только кое-где виднеются вылущенные половинки стручков, похожие на маленькие лодочки. Их края обросли тонкими ниточками инея и ярко горят на солнце.

С другой стороны прикрывают тропу заросли берегового ивняка, молодого осинника и черемухи. Пусты они и прозрачны. Лишь кое-где тускло поблескивает сквозь паутину голых веток река, и нельзя разобрать, далеко она или близко.

Алешка-то знает, что далеко, а все же и ему порою кажется, что сорвавшаяся вниз с покачнувшейся ветки синица вот-вот ударится грудью, словно ласточка, о мертвую осеннюю воду, но синица, пролетев, садится на другую ветку, и река тут же становится далекой.

Отец сворачивает с тропы, придерживая ружье, перелезает через посеревшие слеги ветхой изгороди и ступает наискось по полю. За полем тянется гарь. Она поросла нечастым березняком, а уже за нею плотно встают синеватые пихты, высятся черные вершины сосен и отливает зеленью еловый подлесок.

Все ближе он и ближе. Вот уже видно Алешке, как машут ему мягкими лапами пихты, как слегка кланяются сосны, хотя, может быть, все это лишь кажется Алешке: безветренно нынче, тихо.

По гари между высокими и острыми пнями коровы ходят. Дышат они паром на обмерзлую траву, и тогда под их мордами оседает иней росой, а сверкающая трава полегает и блекнет. Поднимают коровы комолые головы, смотрят на Алешку добрыми и глупыми глазами, вытягивают шеи и начинают в четверть голоса, с придыхом, жалобно мычать ему вслед. Тоскливо им, видать, тут, на оскудевшей гари, да и голодно.

То ли дело летом!

Летом иной раз Алешка, проснувшись, слышит, как, тяжело ступая, проходит мимо избы стадо к реке. Подрагивает на полке посуда, долетает с улицы жестяное побрякивание, но Алешка не может открыть слипшиеся глаза: рано еще, уж больно спать хочется!

А коровы проходят на крутой въезд, сбиваются на самом краю в кучу, опустив головы, принюхиваются к слежавшейся за ночь пыли, что покрыта сверху тоненькой сырой корочкой, покуда самая смелая не решится выступить вперед. Спускается она осторожно, переваливаясь на передних ногах, а задние скользят, как лыжи, и осыпаются из-под них слоистые камешки, и вьется струйками потревоженная пыль.

Целый день пропадают коровы где-то на том берегу, на полянах и луговинах. И только к вечеру, когда солнце, похожее на недоваренный яичный желток, расплывается на горизонте, проколотое острыми верхушками елок, Алешка видит, как возвращаются коровы домой.

Идут они гуськом возле самой воды, и шуршит и поскрипывает под их копытами остывающая галька. Идут не торопясь, сытые и довольные. Уже давно миновали они зачаленные напротив въезда на той стороне лодки, но все еще идут и идут вверх по реке, изредка оглядываясь и трубно мыча. Потом они

снова сбиваются все вместе, долго нюхают парную вечернюю воду и, наконец, одна за другой входят в реку. Плывут они бесшумно, вытягивая морды и плотно прижимая уши, пока течение не вынесет их прямиком на въезд.

Но все это видит Алешка летом. А осенью, когда только от одного взгляда на стальную воду начинает сводить ноги, поди, не шибко поплывешь, а потому и бродят коровы вокруг деревни до самого снега...

Скоро гарь кончается, и вот уже макушки сосен таинственно сходятся над Алешкиной головой.

Низкое солнце косо освещает утренний лес. Тени от сосновых стволов такие длинные, что не хватает им места на моховом пригорке. Ломаясь на склоне, переходят они через неглубокий овражек, тянутся дальше и сливаются вместе где-то вдали. И тропа здесь уже не такая, как на гари. Широкая она, как дорога, и перехватывают ее то тут, то там, словно узловатые старческие пальцы, оголенные корневища. На тропу от них ложатся четкие и горбатые тени, похожие на горы.

Приглядывается к ним Алешка и видит: лоснятся и сверкают сырые, обращенные к солнцу бока могучих корней, а за ними темно, и песок будто мукою сверху присыпан.

А отец все идет и идет. И чем дальше уходят они от деревни, тем глуше и таинственнее становится вокруг.

И пускай не только на ближней гари, но и в окрестной тайге, чуть не до самых дальних ручьев, знает Алешка каждую тропку, каждую обросшую плесенью валежину, но одно дело — ходить в тайгу с матерью за черемухой или же с ребятами за ягодой, а другое — с отцом, да еще на охоту. Может быть, как раз поэтому и кажется сейчас Алешке все незнакомым и таинственным. Даже отец вот и то идет уже не так, как шел только что по гари, а будто сжался чуть и ступает неслышней, легче...

Белка шишку невзначай из лап выпустит, закричит вдалеке кедровка, а у Алешки тут же сладкий холодок под сердце подкатывает и даже ноги отчего-то слабеют.

Тянет понизу в стороне невесть откуда поднявшийся глухарь, и далеко видно его в сквозном сосняке. Совсем замирает Алешкино сердце, а отец продолжает идти и даже голову не повернет. Может, и не глухарь это вовсе, а какая другая птица полетела? Не успел разглядеть Алешка, а отец-то, небось, видел. Досадно...

3

Спускается постепенно с пригорка тропа, суживается, и отступают высоченные сосны. Уходят они куда-то влево по краю ложбины, а вместо них обступают тропу березы. Но они совсем не такие, как на гари: черные и низкорослые,— а лишь чуть поменьше сосен да, может, чуть потоньше.

Зато как светло в березняке!

Чистой белизной отливает на середине стволов кора, кованым золотом усыпаны зеленые кустики брусничника, и лишь кое-где из-под мягкой желтизны светятся алые капельки спелых ягод.

И тихо в березняке. Замерли и не шелохнутся длинные свисающие ветки, усыпанные двойными сережками. А местами на ветках и листья желтые видны, будто солнечный луч в тонких прядках запутался да так и остался висеть, надеясь продержаться до первой капели.

Знает Алешка, что раньше всех в тайге встречают осень березы. Едва только нежданный утренник робко посеребрит в низинах траву или просто дождь холодный выпадет, а на березах уже, глядишь, яркие фонарики развешаны. Должно быть, их осень зажигает, как дед Данюшка свои бакены на реке,— зиме путь указывает.

Но вот давным-давно отполыхало багровое пламя осин, обклевали на черемухах, на самых верхушках, привялую ягоду птицы, так что только одни косточки на коротеньких черешках остались, оголились рябины, а на березах все еще листва кое-где держится. Иногда и до самой весны, только чернеет она вся, жухнет...

Круто уходит в сторону речного берега тропа. Отец сходит с нее, и сапоги его тонут в мягком и глубоком ягоднике.

«Значит, скоро...» — догадывается Алешка, и только одно беспокоит его: неужто дед раньше их по этим местам прошел? Хотя вроде бы и нет: следов-то нигде не видать было...

— Давай покурим, что ли,— шутя предлагает Алешке отец и садится на поваленную лесину.

Алешка жмется поближе к отцу, а отец снимает ружье, ставит его между колен и, отведя локтем в сторону стволы, закуривает. Совсем по-домашнему расплывается в безветрии синеватый дымок. Отворачивается Алешка, першит у него в горле от табачного запаха, но кашлянуть он не решается: боязно чего-то...

Долго сидят они молча, отдыхают. Протяжным вздохом плывет над тайгою далекий выстрел. Отец поворачивает голову на звук, прислушивается, а Алешка наконец-то откашливается.

— Вона куда его занесло! — говорит отец и, хитро улыбаясь, смотрит на Алешку.— А я-то уж подумал, не перебьет ли нам дед охоту, а? А ты как?..

— И я подумал...— радостно сознается Алешка.

— Ну вот, а тут и думать было нечего,— совсем уже смеется отец.— Данюшка-то наш сразу после гари в обход на просеку повернул. Там приметно, на песках-то... Видал, небось?

— Нет, не видал...— виновато краснеет Алешка.

— Ну, да ничего, не беда,— говорит уже серьезно отец и, загасив окурок, поднимается.— Давай мы с тобой по ручью малость пройдем...

Идут теперь они очень осторожно. Ружье отец держит в руке. И Алешке уже ничего, кроме отцовской спины, не видно. Разрослась она будто, закрыла и березы, и небо, и все-все вокруг. И нет больше ничего и никого в затихшей тайге.

«Ти-и-и... ти-и-и... ти-ти-ти...» — раздается вдруг знакомый пересвист с едва уловимым перебором в конце: рябок запел.

Останавливается отец, зорко вглядывается в верхушки берез на той стороне ручья и незаметно машет Алешке рукой. Подходит к отцу Алешка.

— Вот он где, гляди,— говорит вполголоса отец и показывает в сторону и вверх.

А у Алешки почему-то в глазах только радужные круги расходятся, от яркого солнца, должно быть. Но вот наконец видит он на отлогом суку затаившегося рябка. Сидит он неподвижно, вытянув шею, и прислушивается, не долетит ли ответный свист. Но тихо вокруг, и рябчик перебирается поближе к краю сучка, тянется к сережкам и начинает спокойно кормиться.

Ждет Алешка выстрела, а отец, видно, и не собирается стрелять.

«Далеко слишком,— соображает Алешка,— подойти бы...»

А отец отходит совсем в другую сторону, туда, где ольшаник погуще, садится на высокую моховую кочку и достает манок из толстого глухариного пера. Не спеша выковыривает из него застрявшие крошки, соринки остро заточенным прутиком.

Алешка смотрит, как неторопливо чистит отец манок, и начинает думать, что теперь уже точно пропадет вся охота. Ведь не станет рябок дожидаться, покуда отец свою свистульку наладит. А отцу хоть бы что! Продувает он потихоньку манок, чуть смачивает его слюной, чтобы звук чище был, и только тогда начинает подманивать.

«Ти-и-и... ти-и-и... ти-ти-ти...» — тотчас отзывается рябок, и видно притаившемуся Алешке, как срывается он с березы и, перелетев низом через ручей, садится где-то совсем близко. Только слышит Алешка шум птичьих крыльев да замечает, как покачиваются ветки на соседней ольхе. Поднимает ружье отец — и Алешка весь сжимается.

Гулко и радостно гремит на всю тайгу выстрел, и видит Алешка, как, ломая крылья, падает на ягодник убитая птица.

Отец подбирает рябка, а Алешке даже не верится, что это тот самый рябок, который только что беспечно посвистывал на березе. На отцовых пальцах размазана кровь и налипли тоненькие перышки. Смотрит на них Алешка и глаз отвести не может. Страшно становится ему, будто и не отец это вовсе, а кто-то чужой, жестокий и неизвестный.

— Ну вот, один есть,— равнодушно говорит отец и засовывает рябка в карман брезентовой куртки.— Давай-ка еще чуть пройдем...

Рябчиков по ручью много. То здесь, то там слышится их пересвистывание, и Алешка уже не сжимается в ожидании выстрела. Охотничий азарт захватывает его. Напрямик кидается он через кусты, едва лишь увидит, куда падает рябок. Цепко хватает иногда еще живую, бьющуюся птицу, и хочется Алешке только одного: чтобы чаще гремели выстрелы.

И нет уже в Алешкиной душе никакого страха, а сердце его колотится часто и громко.

К Алешкиным рукам тоже прилипли окровавленные перья, но теперь он даже не замечает их. Не видит он и отца, не видит и того, что нет уже берез вокруг, а только низенькие кусты тальника да высокая крапива обступают его. И лишь когда неожиданно открывается устье ручья и пустой берег реки, Алешка приходит в себя.

Уложив рябков на галечник, отец моет руки. Алешка присаживается на корточки и тоже смывает присохшие перышки. Отлипая, они скатываются в ниточки, и вода уносит их, а Алешка косится на добычу. Семь пестрых комков лежат рядом с ним; шеи подвернуты, и видна между крыльями тонкая посиневшая кожица. И снова страшно становится Алешке.

Отец связывает птиц вместе и подает их ему.

— Неси! — говорит он.— Пускай мать порадуется... Охотник!

Но самого Алешку почему-то не радует удача. Идет он за отцом хмурый и притихший. Устал он, спотыкается о камни, и жалко ему себя, жаль убитых рябков и хочется как можно скорее отойти от ручья.

Тихо кружась, медленно плывет возле берега сухая ветка. Плывет она против течения, но вот поворачивает, делая большой полукруг, и река подхватывает ее. Алешка хотел было спросить отца, почему это вода возле берега в одну сторону течет, а на середке—в другую, но раздумывает. Тяжело почему-то на душе у Алешки, и говорить ни с кем не хочется. Да и отец вон уже за поворотом скрылся, и Алешка торопливо догоняет его.

Долго идут они молча по берегу, по засохшим и хрустким речным лопухам, покуда не показывается на взгорье тесовая крыша избы.

Мать стоит на крыльце. Еще издали она старается разглядеть, что несут охотники, и, разглядев, улыбается.

— Ну, с полем вас...— начинает она нараспев и вдруг будто лишь сейчас замечает у Алешки рябков.

— Сыночек ты мой, Алешенька...— тянется она руками к Алешке. Но тот сторонится ее, кладет на лавку в сенях добытую дичь и выскальзывает на улицу...

До самого вечера пропадает Алешка в деревне. Домой ему идти не хочется. Смотрит он, как возле кузницы натягивают на тележное колесо только что сваренную шину. Колесо шипит и дымится, а кузнец, ловко постукивая молотком, поправляет на нем горячий обод. У магазина с машины разгружают какие-то ящики, а Алешка вертится и здесь. Потом вместе с ребятами бежит он к реке бросать плоские камешки и совсем забывает об охоте.

Возвращается домой уже поздно. Наскоро ужинает и ложится спать. Засыпает Алешка сразу же и спит крепко, но все же ночью вдруг отчего-то просыпается.

Лежит он на спине, вцепившись в край одеяла руками. Широко раскрыв глаза, смотрит Алешка в темноту и видит, как трепыхается на примятом брусничнике раненая птица. Одно крыло у ней подвернуто, а другим она сильно бьет по земле, и разлетаются вокруг вырванные перья.

Срывается Алешка с постели. Шлепая по полу босыми ногами, ощупью лезет он к матери под одеяло, прижимается к ней, дрожащий и маленький, и плачет взахлеб.

Плачет он долго и горячо, а мать гладит его теплой и мягкой рукой, крепко прижимает к себе, целует и сонным голосом ласково приговаривает:

— Ягодка ты моя маленькая... ягодка глупая...

И, только выплакавшись и ослабев от слез, Алешка последний раз судорожно всхлипывает и засыпает окончательно.

Америка

в рисунках Ореста Верейского

УЧЕНИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

Недавно в Москве, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, была устроена выставка «Америка в рисунках О. Верейского».

Работы, представленные на этой выставке,— результат двух творческих поездок советского графика, входивших в программу культурного обмена между СССР и США.

В 1961 году «Огонек» публиковал рисунки О. Верейского из его американской серии. Вернувшись весной нынешнего года из второй поездки, художник завершил свою серию. Сегодня мы воспроизводим несколько новых работ.

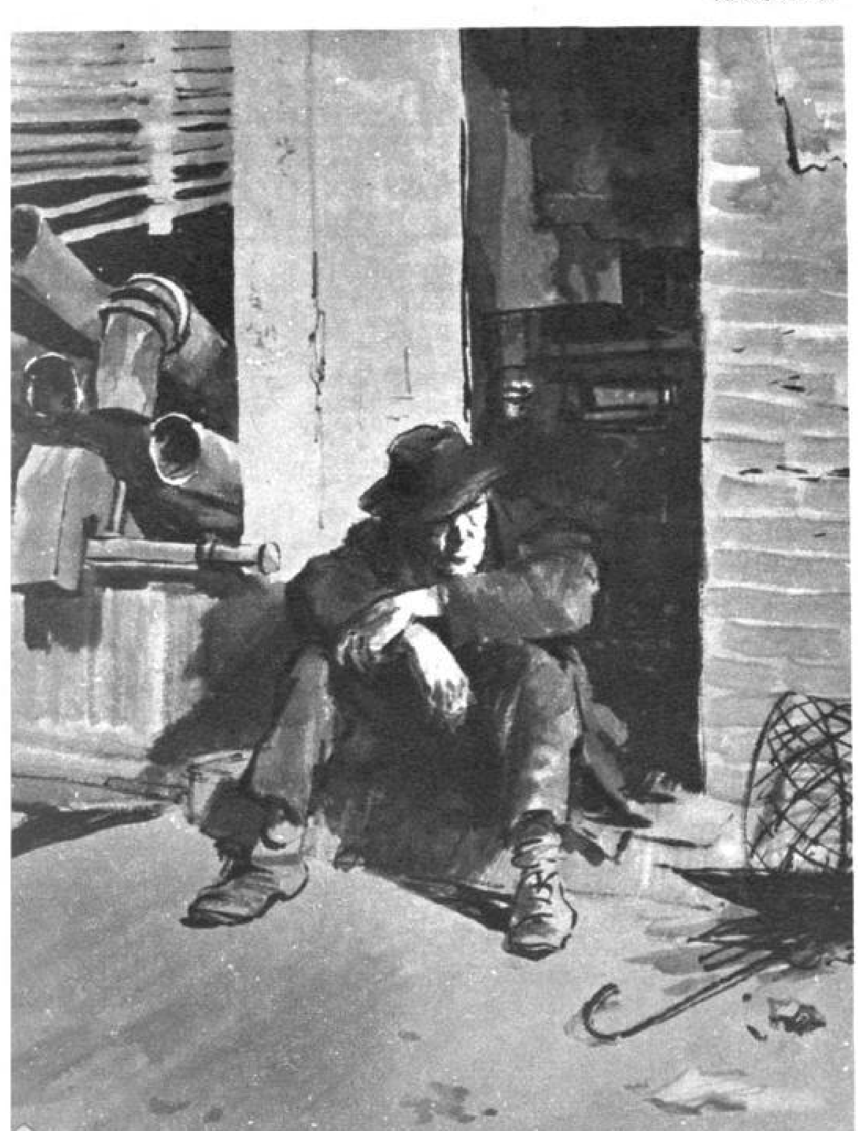
Целью поездок Ореста Верейского было то, что у нас принято называть «установлением контактов»: знакомство с изобразительным искусством Америки и теми, кто его создает. О. Верейский говорит:

— Это так. Но это только полдела. Вторая половина — в соответствии с пословицей людей посмотреть и себя показать — заключалась в том, чтобы познакомить американцев с нашим изобразительным искусством. Они его почти не знают, тут есть большая доля и нашей вины. Мы вообще еще не научились пропагандировать свое изобразительное искусство. В этой области мы делаем только первые шаги. Одним из них как раз и была выставка советской графики в США. Доброе и обнадеживающее начало!

Американский дневник О. Верейского — серия рисунков и очерков — выйдет отдельной книгой в издательстве «Советский художник».

НА СЛОМ.

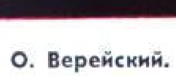

В РОКФЕЛЛЕР-ЦЕНТРЕ.

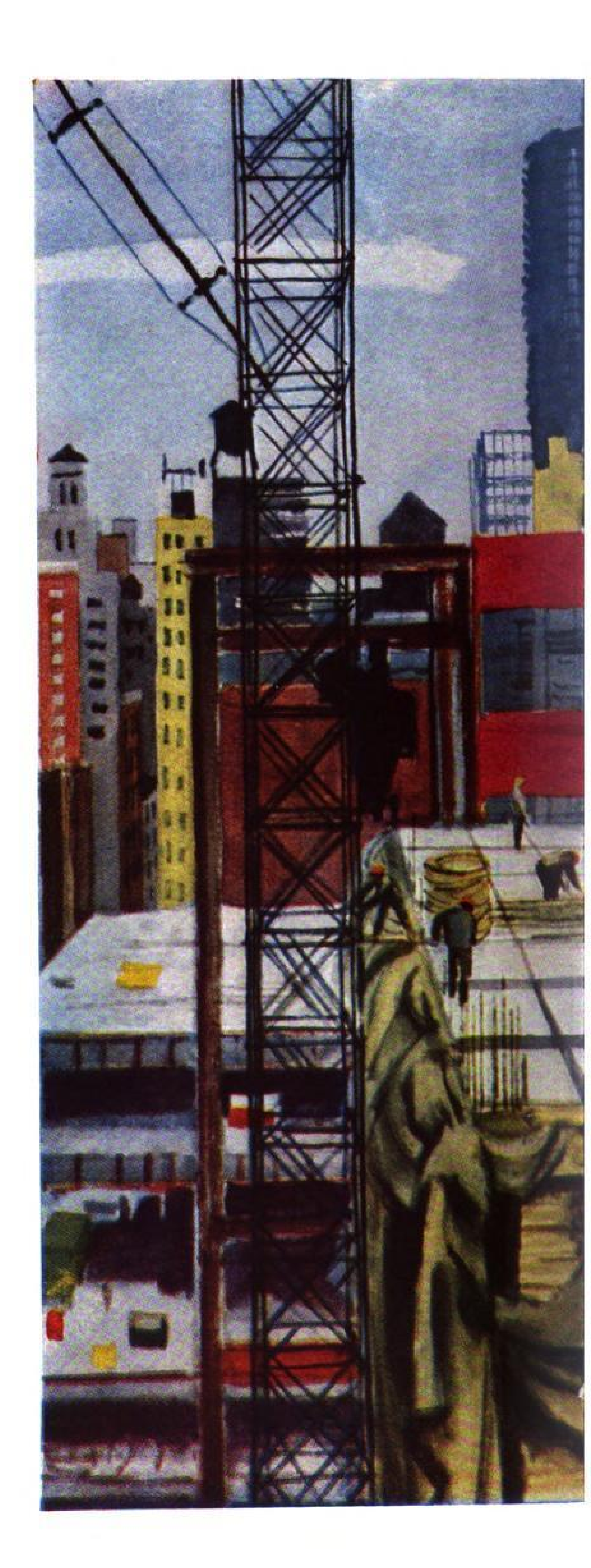
О. Верейский.

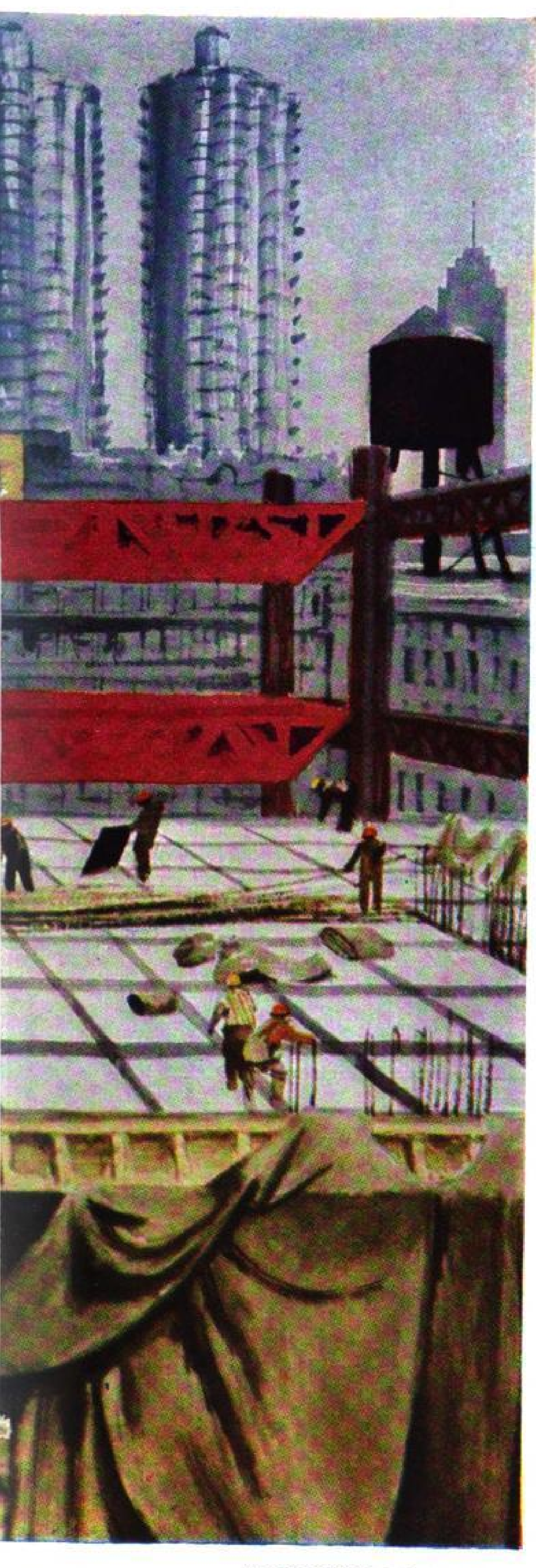
НЬЮ-ЙОРК ИЗ ОКНА МУЗЕЯ МЕТРОПОЛИТЕН.

В ГАРАЖЕ. ВАШИНГТОН.

О. Верейский. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ. НЬЮ-ЙОРК.

НА СТРОЙКЕ В ЧИКАГО.

ЗАВТРАК РАБОЧИХ.

О. Верейский. В НЬЮ-ЙОРКСКОМ МЕТРО.

Десница Грозного

Продолжаем разгадку тайн

В № 12 журнала «Огонек» был напечатан репортаж «Загадки гробницы Ивана Грозного» Ванды Белецкой и Андрея Андреева, где рассказывалось о вскрытии царских гробниц в Архангельском соборе Кремля, о работе М. М. Герасимова над восстановлением облика Ивана IV.

Раскопки в Архангельском соборе заинтересовали не только историков и археологов. В редакцию пришли письма от людей самых разных профессий, но одинаково любящих историю. Они делились наблюдениями, мыслями, предлагали свои решения многих еще неясных историкам вопросов.

Нам написали Б. П. Карасев из села Адоевщина, Саратовской области, С. В. Тютяев из поселка Смольный, Мордовии, москвичка Е. Н. Дмитриевская, И. В. Иванов из Гжатска и многие другие читатели.

«Загадка руки Ивана,— пишет В. Гнеткина из города Даугавпилса, Латвийской ССР,— не дает мне покоя. Что бы я ни делала, а мысль возвращается к этому. Вспоминаю все, что когда-то изучала по истории, читала... А есть ли еще какие-либо предположения, кроме тех, что были высказаны в очерке?»

«Мне уже 74 года,— рассказывает в своем письме ленинградка М. Д. Свиридова.— У меня большая жизнь, и, может быть, мои знания чем-то помогут историкам.

В детстве я жила у деда в Калужской губернии. У него умер родственник — дьякон нашей церкви. Когда дедушка клал его в гроб, он левую руку покойного положил ему на грудь, а правую поднял к плечу. Мы, дети, спросили: «Почему?» А дед говорит: «По обычаю полагается».

«А может быть, такое положение руки и головы Ивана IV связано с традицией древнерусской иконописи? — пишет кандидат филологических наук из Волгограда И. Потапов.

Наклон головы, по канону, у древних художников означал смирение или скорбь. Характерно, что такое же положение было и у Скопина-Шуйского. А ведь он был пострижен в монахи, как и Грозный».

НО НАИБОЛЕЕ ЗАСЛУЖИВАЮЩИМ ВНИМАНИЯ КАЖЕТСЯ НАМ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССОРА ДОКТОРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК М. ВОЛСКОГО.

Редкий из посетивших Кремль не зайдет в музей — Архангельский собор, где покоятся основатели Московского княжества и собиратели Руси.

С большим интересом я следил за сообщениями о вскрытии гробниц Ивана Грозного, его сыновей и Михаила Васильевича Шуйского.

Для вскрытия гробниц была организована государственная комиссия из историков, антропологов, искусствоведов, медиков, химиков и архитекторов, которая, как сообщил профессор доктор исторических наук М. М. Герасимов, обнаружила необычайное положение правой руки Ивана Грозного: «Она не покоилась, как положено по христианскому обычаю, на груди, скрещенная с другой рукой, а была пригнута к правому плечу. Левая же рука сохранила обычное положение. Случайность? Нет. Через несколько дней, вскрывая гробницу М. В. Скопина-Шуйского, мы увидели точно такую же картину... Между тем никто из ученых никогда не встречался с таким обрядом погребения.

Очевидно, это какой-то особый обряд, до сих пор нам неведомый, и историкам предстоит разобраться в нем».

«Огонек» писал: «Скелет Ивана IV обнажается, и что же? Почему вдруг члены комиссии задвигались, пытаясь заглянуть в каменный гроб? Руки царя не сложены на груди... Правая рука сильно согнута в локте, как будто покойник хочет прикрыть лицо... Может быть, это жест защиты и смерть остановила грозного царя в этом движении? Может быть, он умер в судорогах и был так страшен, что к нему боялись подойти даже к мертвому, и он так и закоченел? Или рука приняла такое положение еще при жизни царя? Может, это результат болезни? Может быть, рука лежала на распухшем животе покойного и постепенно сама сползла к лицу и приняла это странное положение?»

Разрешите мне ответить на недоумение историков, антропологов, археологов и писателей.

Осенью прошлого года я отдыхал в Гагре и съездил в Новый Афон, где посетил музей, размещенный в монастырском соборе.

На одной из внутренних стен собора изображено «Отпевание Александра Невского».

Александр Невский протягивает из гроба руку, чтобы взять у митрополита разрешительную грамоту.

Разрешительная, или прощальная, грамота содержала прощение грехов, которые князь совершил за жизнь. Это «паспорт», с которым душа князя шла в рай. Над простыми смертными читалась лишь разрешительная молитва.

Картина производит большое впечатление как исполнением, так и необычайностью сюжета.

Приехав с отдыха и погрузившись в работу, я забыл виденное. Но «Огонек» своей статьей «Загадки гробницы Ивана Грозного» восстановил в памяти новоафонскую картину, и я, связав Александра Невского, лежащего в гробу с вытянутой рукой, с положением руки Ивана Грозного, решил прежде всего найти письменное обоснование к картине «Отпевание Александра Невского», которое, я полагал, прольет свет и на обряд захоронения Ивана Грозного.

В «Великих четьи-минеях» митрополита Макария за 23 ноября, в конце жития Александра Невского, где говорится об его отпевании, прочел: «Бысть же тогда чудо преславно: по совершении надгробного пения, приступи преосвященный Кирилл митрополит, хотя разогнути руки его и вложити грамоту прощальную. Он же сам распростре руку свою и прият грамоту, аки жив, от руки митрополита и бысть страх и ужас на всех предстоящих ту».

Я думаю, что приведенная выше легенда о чуде с рукой Александра Невского свидетельствует об имевшем место обычае помещать разрешительную (прощальную) грамоту в разогнутую и вертикально поставленную руку князей.

То, что был такой обычай, подтверждается и изображением Александра Невского от XVI века, хранящимся в соборе Василия Блаженного.

На изображении есть клеймо, на котором, так же как и на новоафонской картине, Александр Невский протягивает из гроба руку за разрешительной грамотой.

Иван Грозный был похоронен в диаконнике Архангельского собора головой в угол, образованный южной стеной и иконостасом. Надвинуть тяжелую каменную плиту, являющуюся крышкой каменного гроба, можно было (при наличии в соседстве с могилой Ивана Грозного надгробия его сына Ивана Ивановича) только с ног к голове, при этом рука Ивана Грозного, высовывающаяся из гроба и держащая грамоту прощальную, была при надвигании крышки гроба пригнута к лицу. То же самое и рука М. В. Скопина-Шуйского, похороненного в приделе Иоанна Предтечи Архангельского собора головой в угол, образованный южной стеной и абсидой собора, при надвигании крышки с ног к голове оказалась пригнутой к правому же плечу.

7 мая этого года я был в Суздале, и там главный архитектор по реставрации памятников старины Владимирской области А. Д. Варганов сообщил мне, что, вскрывая гробницу Святослава Юрьевича — сына Юрия Долгорукого, умершего в 1174 году, он обнаружил странное положение правой руки князя, отогнутой к правому бедру. В этом захоронении гробовая плита могла быть надвинута лишь с головы к ногам, что и вызвало отклонение правой руки, держащей разрешительную грамоту, к правому бедру.

Итак, я полагаю, что наклон правых рук Ивана Грозного и М. В. Скопина-Шуйского к щеке нашел свое объяснение.

Несколько слов следует сказать в связи со статьей В. Белецкой и А. Андреева по поводу того, что не был ли ради инсценировки нетленного трупа царевича Дмитрия убит другой младенец, отнюдь не царского рода?

Знакомясь с грамотой царя Василия Шуйского от 6 июня 1606 года, я прочитал, что посланные в Углич освидетельствовать останки царевича Дмитрия в 1591 году: митрополит Ростовский Филарет, Астраханский епископ Феодосий, Спасский архимандрит Сергий и Андроньевский архимандрит Авраамий да бояре: князь Иван Михайлович Воротынский, да Петр Никитич Шереметьев, да Григорий Федорович, да Ондрей Олександрович Нагие—установили, что «часть тела царевича в иных местах земле отдана», то есть разложилась, «подошвы от сапог отстали» и т. д.

О том же можно прочитать в грамоте инокини Марфы, матери

Дмитрия, писанной в августе 1606 года к жителям города Ельца, что «в некоторых местах часть тела отрока Дмитрия земле отдана», а потому нет оснований считать, что тело царевича Дмитрия перед переносом из Углича в Москву могло быть подменено специально убитым мальчиком.

Другое дело, если учесть версию, что вместо царевича Дмитрия по воле Нагих, ближайших родственников царевича Дмитрия, был убит сын угличского священника Семена, то есть что Лжедмитрий был сыном Ивана Грозного, тогда сравнение черепов Ивана IV, Марии Нагой и похороненного в Архангельском соборе отрока имеет исторический интерес.

Настало, по моему мнению, время перенести в Архангельский собор останки Бориса Федоровича Годунова и его сына Федора, похороненных царем Михаилом Федоровичем в Загорске по соображениям религиозного порядка: неудобно было иметь под одной кровлей царевича Дмитрия, причисленного к лику святых как невинно убиенного, и его «убийцу» Бориса Годунова.

Борис Годунов был первоначально похоронен в диаконнике Архангельского собора у юго-восточного столпа, в один ряд с захоронениями Грозного и его сыновей. Затем гроб Бориса Годунова Лжедмитрием был выкопан и похоронен в Вознесенском — Варсанофьевском монастыре, что на Рву между Рождественкой и Сретенкой в Москве.

Михаил Федорович Романов распорядился перенести останки царя Бориса, его жены и сына Федора в Троицко-Сергиевскую лавру.

Открытая при раскопках прошлого года в Архангельском соборе могила Бориса Годунова ждет своего старого хозяина.

Более удобный случай перенести останки Бориса Федоровича Годунова и его сына Федора в общую усыпальницу собирателей Руси едва ли когда вновь представится.

Следует также сказать о двух безымянных гробницах, находящихся в Архангельском соборе.

Экскурсоводы предположительно поясняют, что тут, по всей вероятности, покоятся братья царя В. И. Шуйского.

Я заинтересовался этим вопросом и установил, что все три брата царя В. И. Шуйского: Александр, Иван и Дмитрий — похоронены в Рождественском соборе Суздаля, старейшем памятнике Владимиро-Суздальской земли.

В Архангельском же соборе рядом с гробницей царя В. И. Шуйского в двух неизвестных гробницах покоятся: Иван Иванович Малый, внук Ивана Калиты, и Юрий Васильевич, внук Дмитрия Донского.

Так, в Московском летописном своде за 1364 год можно читать: «Преставися князь Иван Иванович брат Великого князя Димитрия и положен в Архангеле Михаиле».

И за 1400 год: «ноября 1-го преставися княжич Юрий, сын Великого князя Василия шести лет и положен в Архангеле Михаиле».

При этом, исходя из дат захоронений, более обоснованно Ивана Ивановича Малого считать похороненным на месте Андрея Ивановича Старицкого.

Пришло время сделать надписи на указанных гробницах.

БО

Д

ень начался обыденно.

В тесной прихожей привычная гардеробщица помогла снять шубу, смела с валенок снег и, подавая халат, спросила о здоровье. Гардеробщицу он знал лет сорок: она превратилась в страдающую одышкой толстуху, составленную будто из мягких шаров.

На лестнице его обогнала Нина Андреевна, остановилась и предложила помочь. Потом обогнала Нина Михайловна и тоже остановилась. Потом заведующий, Анатолий Петрович, не спрашивая, подхватил его под руку, и последние ступени они одолели вместе.

Вот и собрались все врачи отделения: статный, подтянутый заведующий, молодые ординаторы в белоснежных накрахмаленных халатах, обе хорошенькие, и старый врач.

И в кабинете и в коридоре, где озабоченная кастелянша пересчитывала вынутое из кладовки белье и где сквозь двери в палаты было видно, как расторопные сестры оправляют постели,— все ему улыбались, все спрашивали о здоровье, а он отвечал сдержанно, кивал головой или протягивал руку — старый врач, сухонький, маленький, с покатой спиной и узкими плечами, настолько старый, что и на работу, казалось, он ходит скорее по привычке, будто заведенный механизм, у которого пружина почти раскрутилась и вот-вот остановится.

Прошлую зиму, весну и часть лета он часто и тяжко болел и с трудом выкарабкался. Но от праздного сидения дома веяло унынием и никчемностью. Привычное течение дня, привычная работа успокаивали.

Во время обхода он задержался у постели девяностолетней старухи, одинокой, пережившей своих детей, и долго смотрел на нее с любопытством и беспокойством.

— Подложи ей второй тюфяк,— сказал он сестре.

— Вот уж не знаю, достану ли...

— А ты достань!

Эту старуху он выходил, но против старости был бессилен: ей предстояло, очевидно, совершить вскоре путь, который ожидал и его.

Старуха полусидела в постели, подняв под одеялом острые колени, и была занята тем, что размачивала хлебные корки в кружке с теплой водой. Желтое, неподвижное лицо выглядело, как восковой, сильно потрескавшийся муляж с красными деснами. Вода из кружки пролилась, на простынях было мокро и накрошено.

— Неряха ты, Михайловна,— с усмешкой сказал старый врач.— Ну-ка, прибери за собой. Слышишь, старая,— крикнул он, наклоняясь к ее уху,— ты говорила, у сына твоего были мальчик и дочка?

Он разыскивал ее родичей.

Старуха смотрела на него немигающими глазами. Он повторил вопрос. Будто издалека, будто сквозь одеревеневшие перепонки дошли до нее слова.

— Путаешь ты,— сказала она, двигая острым подбородком.— Мальчик у сестры был, племянничек.

— Да где же сестра, где племянничек?

Она задумалась, взяла размокшую в воде корку и начала сосать. На простыню упали мокрые крошки.

Старый врач нахмурился. Его ужасала эта картина беспомощности.

После обхода заведующий заговорил о старухе: больница была переполнена, он хотел ее выписать.

— Нет, нет! — решительно возразил старый врач.

И с неудовольствием подумал, что молодой, здоровый заведующий ничего не знает, да и не хочет знать ни о старости, ни об одиночестве.

В этот день был амбулаторный прием, он пожелал присутствовать, и Анатолий Петрович, сам налегке, долго и терпеливо вел его, осторожно придерживая за локоток, одетого снова в шубу, валенки, к отдаленному флигелю справа от ворот.

И во время приема возникли разногласия между заведующим и старым врачом. Больных было много: из города, заводских поселков, отдаленных деревень,— и с каждым больным старый врач склонен был беседовать обстоятельно, а заведующий был деловит, вел себя суховато и строго, и к этой поспешности и строгости старый врач не мог привыкнуть, они беспокоили и раздражали его.

Рассказ

едняя льная

Л. ДУГИН

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

— Куда вы торопитесь? — недовольно спросил он.

— Не сидеть же до вечера! — сказал Анатолий Петрович.— Следующий!

Разногласия между ними возникали часто, и Анатолий Петрович, потеряв терпение, обратился к главному врачу с жалобой.

— С кем вы считаться вздумали! — сказал главный врач, делая смешливое выражение лица, как бы и Анатолия Петровича призывая к смешливости.

Но заведующему было не до смеха.

— Я терплю капризы, строптивость,— сказал он.— Старик помнит, что сам был заведующим. Так вот, пожалуйста!

— Ну-ну,— с серьезным лицом сказал главный врач.— Проявите терпение...

— ...Следующий!

Следующим оказался подвыпивший колхозник, наследивший валенками, в сдвинутой на затылок шапчонке, к тому же с направлением из другого района. Анатолий Петрович решительно завернул его прочь.

— Дали бы слово сказать человеку,— вступился старый врач.— Человек издалеча приехал.

— Издалеча, — усмехнулся Анатолий Петрович, проявляя терпение.— Не туда приехал.

— У него, почитай, и денег-то нет туда-сюда ездить.

— Денег у него больше, чем у нас с вами, высокочтимый коллега. Следующий!

Старый врач обиделся. Он принялся думать о том, что, видно, пора послушаться совета жены и уехать к сыну. Походило на то, что в больнице теперь не очень-то с ним считаются.

Вернулись в больничный корпус. Писали истории болезни.

— Новые больницы строить нужно, вот что! — сердито сказал старый врач.

Все жаловались на тесноту в больнице. Больница постепенно строилась, но город и заводские поселки строились быстрее, и больных частенько клали и в коридоры. А когда-то, когда старый врач начинал работу, вся больница размещалась в том флигеле, где теперь располагалась амбулатория.

Молодые врачи и заведующий ушли в отделение, а старый врач, у которого работы было немного, задержался в просторном, по-больничному скупо обставленном кабинете. Он уже утомился, старые глаза его, с выцветшими зрачками, устремились неподвижно в пространство, морщинистое лицо опало, губы обвисли, белый колпак сбился, открыв голый череп.

Ясный холодный свет вливался в кабинет, гладкие стены и стекла шкафа в углу поблескивали.

За окном белел сад, озябшие в снегу деревья дрожали ветвями.

Он смотрел в окно. Сквозь снежную пелену из далекого прошлого пришли воспоминания: дом с резными наличниками и раскрашенным флюгером на острой крыше, глухой кустарник по краю обрыва, ведущего к реке, желтый песок в местах оползней... Эти воспоминания о детстве, о матери, о родном доме приходили все чаще, обычно ночами, и он избегал их: они отзывались болью, иногда до слез... А студенческое время запомнилось как разгульное, бесшабашное. Потом он поселился в провинции, один, и не скучал по родному дому, от которого успел отвыкнуть. С тех пор он работал врачом, все по маленьким городам, а потом здесь, в этом городе, который раскинулся за окном, за больничной оградой, по склонам пологих холмов — полудеревянный, приземистый, летом в садах, зимой в сугробах и белесых струйках печного дыма, город, где он прожил уже столько лет, что на любой улочке в каждом доме кого-нибудь да лечил. Всю жизнь он работал врачом, и не было в его жизни ничего поднимающегося над обычным, каких-либо особо ярких, исключительных событий, даже в войнах он не участвовал: в первую мировую его освободили по плоскостопию, а во вторую — по возрасту. Он работал, женился и только в разруху и голод вышел за обычные рамки, ездил по району, собирал средства для спасения детей, дневал и ночевал в сыпнотифозных бараках, сам заразился и чуть не помер. Он был врач, просто врач, всю жизнь только обычный врач.

Из отдаленных времен всплыло женское лицо, красивое, с удивленными и добрыми глазами. Жена. Такой он увидел ее когда-то, в маленьком городе, в городе-саде... Он шел по улице, спешил, и именно потому и запомнился этот миг, что она была рядом, а он спешил и не мог уйти. Они шли немощеной улочкой среди садов, и сады наполняли воздух свежим и терпким ароматом; был поздний вечер, небо в звездах, и теплый вечер запомнился в торжественном молчаливом благоухании.

Будто тонкий аромат цветов разлился по кабинету.

Старый врач вздохнул и очнулся от грез наяву. Он был очень стар. За окном с нависших ветвей вяза просыпался снег.

Тревожное чувство поднялось в нем. Сейчас же он принялся думать о старухе в палате. Думая о старухе, он забывал о себе. Острое беспокойство переходило в привычную врачебную заботу.

Вошли один за другим молодые врачи.

— Аппарат эф ку тринадцать,— говорил Анатолий Петрович.— Должен отметить, мы используем его недостаточно.

Заслугой заведующего было приобретение многих новых аппаратов. Аппараты были его страстью. Среди них аппарат эф ку тринадцать считался особенно ценным.

— А я вот всю жизнь с этим...— сказал старый врач, показывая на старую, потерявшую блеск, с выщербленным краем деревянную трубочку.

Врачи входили и выходили, а старый врач снова впал в задумчивость, и его почти не трогали, только переглянулись с улыбкой, потому что знали: он быстро устает и часто дремлет.

...Когда-то, когда он был молодым, а его родители старыми, он звал их к себе, но они не бросили дома, в котором прожили всю жизнь. Теперь сын — сильный, молодой — просил приехать. Дома было тоскливо, жена глохла, разговаривать с ней сделалось трудно. На стенах квартиры во множестве висели фотографии внуков... Можно бы уехать к сыну, но легко ли бросить насиженное место! Старый врач привык, что на улице с ним здороваются: он знал в лицо многих, его знал весь город.

Врачи входили, выходили, разговаривали...

...Сын-инженер жил далеко, за Уралом, приезжал редко. Невестка и внуки приезжали еще реже. И из-за этого и из-за того, что трудно было на что-то решиться, старый врач недавно написал сыну письмо — раздраженное, несправедливое...

— Кибернетика,— говорил Анатолий Петрович.— Увидите, кибернетика докажет!..

Нина Михайловна и Нина Андреевна смотрели на заведующего с восхищением. Нина Михайловна была замужем, носила кольцо. Нина Андреевна была незамужней, но обе они относились к заведующему немного влюбленно: им повезло, что в глуши, в небольшой больнице, встретился человек культурный, современный, даже выдающийся.

А старый врач взглянул на прелестные женские лица и вдруг умилился: молодость! Разве она не бесценно прекрасна? Когда он умилялся, на глазах его выступали слезы.

— А вы мой доклад пойдете слушать? — спросил, улыбаясь, Анатолий Петрович.

Он знал: старик не пойдет. И не потому, что доклад был труден, а из непонятного, недоброго, насмешливого отношения, которое втайне задевало самолюбие заведующего.

Старый врач опустил глаза и указал на истории болезней.

— Кстати...— сказал Анатолий Петрович.— Старушку все же придется выписать.

— Старуха, я вижу, никому не нужна,— нахмурился старый врач.

— Я не сказал этого,— возразил Анатолий Петрович.— Но старость не вылечишь...

— Милейший...— Чтобы скрыть охватившее его беспокойство, старый врач заговорил величественно и на старинный манер.— Ведь я объяснял: разыщутся родичи, quod erat demonstrandum, что и требуется доказать.— И он даже попробовал улыбнуться с видом превосходства: его объяснения исчерпывали разговор.

Вошла сестра, тощая, высокая, косоглазая. Она так сильно косила, что держала голову боком к собеседнику.

— Больная Захаркина...— сказала она, стоя лицом к старому врачу, но обращаясь к заведующему.

— Кто? — не понял старый врач.

— Я занят,— сказал заведующий.

Он проявил терпение, но сердился. Он достал из ящика нужные бумаги и сделал ординаторам строгий знак.

Все ушли на доклад, а старый врач опять остался один.

Когда-то он сам делал доклады. Когда-то ему предлагали место в клинике. Да в том ли дело?

Когда он только еще начинал, был случай... Мальчик был болен, этакий крепыш, этакий маленький мальчик, и он не мог ему помочь и проклинал себя и свою беспомощность, потому что тогда ему казалось, что если не он, то другие врачи — всемогущие боги. Сколько же разочарований пришлось ему испытать!

Вот был случай, и не так давно: женщина, молодая, красивая, с беспокойными глазами и

яркими, будто запекшимися губами, а он был уже стар, но оставался чувствительным к женской красоте. Она вошла к нему в кабинет; из-под короткого халата свисала рубаха, голые ноги ерзали в больничных туфлях. Она плакала и все спрашивала: что же с ней, что с ней,— потому что в ней нарастали тревога и мучительное беспокойство. Она была больна безнадежно. Что он мог ей сказать? А потом из столицы приехал ее жених, и тоже спрашивал: что же с ней? — и не мог понять, почему не лечиться ей в столице, в Москве, в лучшей клинике.

Он смотрел на красивое лицо мужчины, и все думал: сказать или не сказать,— и представил, как тот отшатнется, если узнает правду, и уедет, и лишит его больную надежды,— и не сказал. А тот был недоволен, не понимал, смотрел на старого врача с пренебрежением, был даже груб с ним... И коллеги в больнице — и среди них теперешний заведующий — тоже не понимали и были недовольны тем, что не хочет он отпустить больную в столичную больницу, где так много самой сложной аппаратуры. И он снес и недовольство, и грубости, и недоумение. Он знал: ей уж ничто не поможет. Он мог дать ей только немного надежды, только немного иллюзий... И она верила ему: она осталась и еще немного была счастлива, а потом умерла.

Потому что теперь он был опытен. Теперь он знал самые границы возможной помощи. Конечно, за полвека сделано много. Конечно, те, кто начинает теперь, к годам своей зрелости сделают еще больше. Но пока, но сейчас, но теперь... Он знал: пробелы знаний можно заполнить только богатством сердца!

Взволнованный, он начал думать о старухе в палате. Как это страшно, должно быть,— одинокое умирание. Как это страшно, когда нет рядом близких лиц и никто не услышит слов, которые ты скажешь, нет, может быть, выдохнешь...

Он поднялся и пошел в палату.

Старуха спала, укрывшись с головой. Было видно, как под сереньким одеялом дышит ее высохшее тело.

На душе стало спокойнее.

И ему захотелось поговорить с кем-нибудь, кто знал его давно, кто помнил его еще молодым, крепким, здоровым. Таким в больнице могла помнить его только старая гардеробщица.

Он направился к ней.

Гардеробщица встала при его появлении. Мягкие шары, из которых она состояла, бесшумно задвигались.

А он сделал вид, будто занят делом, направился к шубе, порылся в кармане, переложил ненужную ему бумажку, а потом повернулся к ней.

— Дышишь? — спросил он шутливым, веселым, начальственным голосом, как когда-то.

— Дышу,— сказала гардеробщица.

— Тяжко дышишь! Вот я тебя лечить буду.

— Что вы! — замахала рукой гардеробщица.— У вас и без меня больных много. А что это, говорят, будто вы новый корпус строить затеяли?

Только она одна относилась к нему попрежнему, как к самому главному в больнице. И он рассказал ей о новом корпусе.

— Посвободнее будет,— сказала гардеробщица.— А то ведь теснота, посмотреть страшно.

— А потому теснота,— назидательно сказал старый врач,— что против прежнего теперь в десять раз...

— А может, и в сто... А что это, говорят, к нашему сторожу будто сын насовсем приезжает?

Поговорили о стороже и его сыне, потом о больничном саде и о дереве, которое завалилось осенью. Поговорили о городе.

Потом старый врач вернулся в кабинет.

И молодые врачи пришли с доклада.

— Замечательно! — говорила Нина Михайловна.— Очень интересно.

— Необыкновенно интересно! — сказала Нина Андреевна и посмотрела на молодого заведующего исподлобья особым взглядом.

А тот стоял возбужденный, довольный.

— Ну так,— сказал Анатолий Петрович, справляясь с радостным возбуждением,— займемся делами. Вы напрасно не присутствовали,— обратился он к старому врачу.

Старый врач сделал неопределенный жест.

— В самом деле напрасно,— сказал Анатолий Петрович.— А вашу старушку я распорядился выписать,— продолжая прежний разговор, сказал он.

И тут приключилось нечто неожиданное: старый врач привскочил на месте. Лицо его покраснело, как это бывает перед ударом. Он яростно смотрел немигающими глазами.

— А я не позволю! — закричал он тонким голосом.

Рот его остался открытым, пальцы вцепились в воздух.

Поднялся переполох, молодые врачи устремились к старику, но он пришел в себя, всех отстранил слабым жестом и вышел из комнаты.

— Что же это такое?! — воскликнула Нина Андреевна.

— Склероз. Характер. Поймите мое положение,— бормотал Анатолий Петрович.

А старый врач коридором прошел на лестничную площадку, хотел спуститься вниз, к своей шубе, но кружилась голова; он отдохнул у окна и свернул в обширную процедурную. Здесь было безлюдно, аппараты стояли рядом, выставив вперед металлические руки, и встретили старого врача холодным, насмешливым поблескиванием.

Он остановился, делая усилие, чтобы сосредоточиться и подумать о чем-то очень важном.

И неожиданно, вне всякой связи с окружающим и со всем тем, что происходило, ему вспомнился эпизод из детства. Ему было лет пятнадцать-шестнадцать, он бежал по тропинке, вьющейся среди кустарника над обрывом, ветки хлестали по лицу, и он закрывался от них. Он выбежал на полянку, залитую солнцем, и среди зелени травы и зелени листьев, среди солнечных пятен и пятен цветов увидел девочку в пестром платьице — она мелькнула, и потом он все возвращался на эту полянку, надеясь увидеть ее... С тех пор прошло лет шестьдесят, и вдруг воспоминание всплыло, да так ярко, что он стоял оторопело, мигал глазами, и мягкие губы его дрогнули в растерянной улыбке.

За спиной раздался шорох.

— Вы здесь? — взволнованно воскликнула Нина Андреевна.— А мы вас ищем... Пойдемте в кабинет. Ну, пожалуйста, ну, пойдемте...

Она схватила его руку и прижала к себе.

Он посмотрел на нее: совсем девочка. Как будто та девочка из детства вдруг подбежала к нему. И он умилился.

Потом он сидел за своим столом, очень усталый, смотрел со стороны на все, что в кабинете происходило, и все, что он здесь видел, не нравилось ему. Не нравилась вечная спешка. Не нравился заведующий с его страстью к новой аппаратуре и равнодушием к больному. Что могут сказать самые сложные кривые врачу, у которого пустая душа? Больных посложней, как по этапу, спешат переправить в другие больницы. Безнадежных больных не кладут: цифры важны — койко-дни, смертность...

Пришел главный врач.

Это был плотный мужчина, умеренно любезный и умеренно строгий, безукоризненно выбритый и чисто одетый. Он всех приветствовал, а старого врача с такой нежностью потрепал по плечу, что тот вздрогнул от отвращения.

Не нравился ему главный врач.

— Очень ценно,— сказал главный врач о докладе Анатолия Петровича.— Включим в годовой отчет. И диссертация не за горами!

Анатолий Петрович смущенно и радостно развел руками.

И старый врач вспомнил, что давно собирался написать книгу, но так и не собрался, а теперь не чувствовал сил — книгу обо всем, к чему пришел он за долгие годы opera et studio — с трудом и старанием, как говорили прежде.

— А как ваше здоровье, дорогой?

Старый врач насторожился. Когда начальство спрашивало о здоровье, ему всегда чудился другой вопрос: а не пора ли тебе убраться на покой?

— Хорошо,— ответил он независимо.

— А что это, я слышал, вы старушку не хотите выписать? — улыбаясь, сказал главный врач.

Анатолий Петрович сделал шаг вперед.

— Поймите мое положение.— Он развел руками, как бы подставляя грудь для удара.— Я не зверь,— его лицо и шея покрылись красными пятнами,— но мое положение...

— Совершенно правильно,— сказал главный врач, переставая улыбаться.

— Мы не оставим ее без помощи, — сказал Анатолий Петрович.

— Совершенно правильно,— еще строже сказал главный врач.— Имеется патронаж...

— Я даже предлагаю амбулаторное лечение! — воскликнул Анатолий Петрович.

Старик переводил взгляд с Анатолия Петровича на главного врача, стараясь собраться с мыслями.

— И потом... дорогой мой,— сказал главный врач,— вы ведь совсем и не лечите вашу старушку.

— То есть как не лечу? — пролепетал старый врач.

— Ну да, я просматривал историю болезни. Вы ей не проводите даже прогревания корней легких — это с нашей-то аппаратурой!

— То есть как не лечу? — повторил старый врач.

Он смотрел на главного врача и на Анатолия Петровича с недоумением. Что они говорят? Зачем нужно ей прогревание корней? Разве это ей нужно? Разве не делал он все, что ей нужно? Они все здесь врачи, но на одном ли языке они говорят?

— Значит, решено,— жестко сказал главный врач.

— Подождите, подождите! — Старый врач поднялся с места. Руки его сильно дрожали.— Я прошу,— изменившимся голосом сказал он.— Я очень прошу...

Все переглянулись. Лицо у главного врача вытянулось.

— Что вы, дорогой...— шумно дыша, сказал он.

— Я прошу! — закричал старик.

Слезы покатились по его лицу.

— Боже мой, что же это такое! — Нина Андреевна закрыла лицо руками и отвернулась.

— Нет, нет,— сказал главный врач и вышел. В кабинете повисло тяжелое молчание.

Старик опустился на свое место. Ему отказали в просьбе, он не ожидал этого. С ним даже не пожелали считаться, вот, значит, как!

Вошла высокая сестра.

— Новую больную куда положить? — спросила она.

— Положите пока в коридоре,— вполголоса сказал Анатолий Петрович.

И оттого, что косая сестра стояла лицом к старому врачу, а отвечать за него поспешил молодой заведующий, старый врач, уже плохо соображая и забыв о дефекте сестры, испытал жгучее, теперь уже безысходное чувство обиды: не нужен он здесь, гонят его... Тревожное чувство поднялось в нем, сейчас же он принялся думать о старухе в палате, вспомнил, что старуху теперь выпишут, и такая тоска овладела им, что он вышел из кабинета и спустился вниз, к гардеробщице.

Гардеробщица встала при его появлении.

— Что мне делать с этой старой Михайловной? — озабоченно сказал он.— Вот ее выпишут, а кто углядит?

— А сама виновата,— сказала гардеробщица.— Не ссорься с родней.

— С какой такой родней?

— А вот именно: жила вместях с сестрой, да поссорились, да лет двадцать назад и разъехались. Сестра померла, а племянничек, Барубин,— да знаете вы его — жив-здоров... Барубин — да на Семеновской, на углу, где булочная!..

Старый врач, не дослушав, заспешил домой. Да и рабочий день кончался. На улице смеркалось.

Он жил недалеко от больницы, в одноэтажном доме, в котором занимал половину с крыльцом и застекленной террасой. Он думал зайти на минуту, но устал и, поев, прилег отдохнуть.

Он лег на узкий диван, закрыв разутые ноги жениной шалью.

Жена принесла распечатанное письмо. Письмо было от сына.

— Что же ты не сразу сказала? — рассердился старик.

— Не из Саратова, а от сына,— плохо слыша, поправила жена.

Сын исписал крупным почерком две страницы, не обещал скоро приехать и снова звал к себе. Старый врач опять испытал раздражение, но усталость одолела, и он задремал.

Когда он поднялся, за окном было совсем темно.

Он начал поспешно собираться. Он чувствовал себя разбитым, усталым. Конечно, он мог кого-нибудь послать за этим Барубиным. Но разве не делал он сам всю жизнь все, что мог, для своих больных?

— Куда ты идешь? — забеспокоилась жена.

— Я скоро приду,— сказал старик.

— Что? — спросила жена.

«Господи, она совсем оглохла!»

— Я скоро приду! — повторил старый врач.

— Куда ты идешь? На улице намело и мороз...

Погода и в самом деле была скверной. Ветер, стелясь по земле, поднимал снежную пыль. Луна просвечивала тусклым пятном, и на фоне снега смутно темнели силуэты домов и заборов. Морозило...

Дорога к Семеновской улице пересекала пустырь, обширный и неровный. На пустыре ветер накинулся со злой силой, и перехватило дыхание. Старый врач вдруг испугался, что ослабеет и замерзнет, но идти назад было столько же, сколько вперед, и он пошел вперед... Разве не делал он все, что мог, для своих больных? Он пересек пустырь и пошел вдоль забора, до его конца, начал переходить дорогу, но попал в сугроб. Пути оставалось немного, он обошел сугроб, бодро шагнул, но вдруг поскользнулся и упал. Он не ушибся, потому что упал в снег, как в мягкую постель, но шапка слетела, и, лежа в снегу, не в силах подняться, он чувствовал будто ожог у макушки, прикрытой жидкими прядями волос, и за воротником на шее.

Отдышавшись, он встал. Шапку он нашел рядом.

Когда наконец он вошел в жарко натопленную, ярко освещенную комнату, все Барубины бросились к нему навстречу.

— Вы знаете меня? — натужным голосом спросил старый врач.

— Как не знать...— сказал старший Барубин.— Но вроде мы и не вызывали...

— Я по делу, хозяйка! — сказал старый врач.

Хозяйка, в фартуке, босая, с распущенными льняными волосами, Барубин, в майке, открывавшей волосатую грудь и могучие плечи, сын их, малый лет двадцати пяти, возившийся до этого с доской в углу комнаты,— все суетились вокруг старого врача, разували его, стряхивали снег, согревали и поили чаем.

— Разве есть у меня бабка? — удивился младший Барубин.

— Как же, есть,— хмуро сказал отец.— Да ведь боится: дескать, домишко нам нужен... А мы что ж, мы не против...

— Нужно взять,— деловито сказала хозяйка, обтирая то тут, то там клеенку на столе.— Не чужой человек, своя кровь. А куда класть?

— Может, в углу, за занавеской? — сказал сын.

— А барахло свое куда денешь? — спросил отец.

— А барахло перенесу в сарай...

— Разве что так...

Вопрос уладился, но старый врач вместо радости почему-то испытал странное чувство: будто не старуху, а себя пристроил он умирать...

— Проводи,— коротко сказал Барубин сыну.

И когда шли против ветра — медленно, осторожно — и старый врач опирался о молодую, сильную руку, он вдруг совершенно ясно и твердо решил: ехать без промедлений к сыну.

Нетерпение овладело им: скорее, скорее!..

С чувством тревоги лег он спать. И не спал, а будто пребывал в забытьи. Неясные образы сменяли друг друга. Казалось ему, он пишет книгу. Это была последняя глава. Он заканчивал свой труд. Книга была громадная, как его жизнь, и листы ее, положенные друг за другом, образовывали длинную белую дорогу, идущую сквозь века. И этой книгой он раскрывал самый главный и самый простой секрет медицины. Этот секрет заключался в одном слове: сострадание.

Боцман «Александровска» Иван Исаевич Конюхов получит семейную фотографию в Арктике.

Для тех, кто в море

Если папа Тани Печинниковой не может ее увидеть, то пусть хотя бы услышит.

«Добрые услуги» намечают план действий.

Получены новые радиограммы: «Купите корзину цветов, поздравьте жену с годовщиной бракосочетания», «Помогите семье переехать в новую квартиру», «Приобретите портрет Чайковского, отправьте по адресу...», «Вручите день рождения Галине Мамченковой часы «Заря»...

К кому они обращены, эти радиограммы? Кто исполнит просьбы, порою самые неожиданные?

Адрес один и тот же: «Ленинград. Дворец моряков. Добрые услуги».

...Служба у моряка известная: по морям, по волнам, нынче здесь, завтра там. Неделями, месяцами не бывает он дома, печется под солнцем на мертвой зыби тропических морей, штормует на ревущих сороковых широтах. Дом далеко, семья далеко — недолго и загрустить.

Но с тех пор, как корабельные радиостанции приняли сообщение Дворца культуры Балтийского морского пароходства о том, что отныне «Добрые услуги» в полном распоряжении корабельных команд, повеселел моряк.

...Электрик К. А. Орехов с теплохода «Кимовск», вошедшего в Карибское море, просит вручить дочери Гале цветы и заказной торт.

— Кто возьмется? — спрашивает председатель совета жен Валентина Николаевна Коновалова.

Жена механика теплохода «Александровск» Тамара Львовна Барзунова мчится к главбуху пароходства Власову. Опровергая веками сложившееся представление о твердокаменности и педантичности бухгалтеров, он быстро оформляет аванс. Из кондитерской ресторана «Метрополь» Барзунова идет в цветочный магазин.

И вот улица, вот квартира. Стук в дверь:

— Галю можно?

— Я,— робко отвечает девочка.

— Тебя поздравляет папа!

...Еще одна срочная радиограмма — с берегов Бразилии, от капитана теплохода «Балтийск» П. И. Поленова: у его жены день рождения, просит подарить ей духи «Каменный цветок».

В совете жен зазвонил телефон. Номер Д 1-91-01 знаком многим моряцким семьям. Обычно по этому телефону они справляются о приходе кораблей. На этот раз звонок от диспетчера, он сообщил: на рейде встал турбоход «Валентина Терешкова». На корме его обозначен порт приписки — Одесса.

Он прибыл в Ленинградский морской порт, чтобы взять груз для Гаваны. И активистки тут как тут. По трапу на борт «Валентины Терешковой» поднимаются жены ленинградских моряков — Надежда Яковлевна Иванова и Зоя Степановна Багдасарова.

— Мы из «Добрых услуг»,— представляются они одесским матросам.— Не хотите ли посмотреть балет? Послушать оперу? Вот афиши. Выбирайте, заказывайте билеты!

— А экскурсию по городу можете организовать? — интересуется первый помощник капитана Светличный.

— Конечно!

Однажды «Добрые услуги» получили радиограмму, которая всех удивила. По инерции уже собрались распределять обязанности, но в этой радиограмме не было ни одной просьбы. В ней были одни благодарности. Потом еще такая же, еще...

Если ты, моряк, в далеком плавание и тебе захотелось постучаться в дверь родного дома, скажи «Добрым услугам» и будь спокоен: они сделают все как надо!

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Путь к песне

И. ВЕРШИНИНА

Руки музыканта. Руки пианиста. Гибкие и сильные. Они неслышно касаются холодной кости клавиш, и фортепьяно отвечает нежным прозрачным звуком. Руки бросаются к клавиатуре, словно собираясь сокрушить ее, и она отвечает аккордами такой силы, перед которой тушуется даже оркестр. Все могут руки пианиста: и наделить душой бесстрастную клавиатуру и любое чувство вызвать у слушателей. Но для этого он тренирует их 5—6 часов в день, а в остальные бережет и холит. Ну, а если пианист еще и кузнец? После грохота кувалды, цоканья молотка и свистящего шипения горячих брызг металла столько же часов у рояля — дома, на уроке, в заводском Доме культуры. Туда после работы сходились его друзья, и Аркадий Островский играл для них и классику, и песни, и танцы. Нет, кузница не мешала ему. Он любил свою работу, рад был, что в ФЗУ выбрал именно эту специальность. Ему нравился цех, нравился открытый, веселый, мелодичный перезвон молотков и четкий, рубленый ритм большого молота, четкий ритм, который впоследствии будет так характерен для его песен.

Ну, а руки? Как же руки пианиста? Не взбунтовались они в отместку за пренебрежение советами учительницы музыки, не вышли из-под его власти? Нет. Рукам юного кузнеца по-прежнему было под силу и тончайшее пианиссимо и могучее форте: по вечерам у рояля он себя чувствовал так же уверенно, как днем в цехе. И однажды осенью молодой рабочий был принят в Первый Ленинградский музыкальный техникум. Он учился там на фортепьянном отделении, изучал композицию; для заработка играл в немом кино во время демонстрации фильма. А потом стал работать пианистом и аккордеонистом эстрадных ансамблей, пока не был приглашен в прославленный оркестр под руководством Л. О. Утесова.

...Если бы точно знать, что и как формирует художника, что определяет его творческий путь,— задача эстетического воспитания и все ее проблемы куда как упростились бы. Вероятно, и сам композитор не может сказать, что оказало на него решающее влияние. Может быть, мастерская отца — музыкального мастера, настройщика, вечно заваленная старыми инструментами, которые сюда стекались со всей Сызрани. Бери любой и играй! И он брал, учился и играл, на всех инструментах играл. Может быть, от этого теперь в его песнях всегда такое многоголосое, своеобразное и щедрое инструментальное сопровождение... Нет-нет да в отыгрыше песни, написанной очень современным музыкальным языком, вдруг заслышатся отголоски саратовской гармоники с колокольцами да тех частушек, что долгими летними вечерами звучали на берегу Волги на гулянье... А может быть, это произошло в Ленинграде, где под руководством известных музыкантов годами изучал он творчество Баха, Рамо, Глюка; теорию, гармонию, законы композиции?.. Или когда мальчишка впервые услышал симфонический оркестр в приезжем оперном театре? Это было первое соприкосновение с симфонической музыкой — ведь в те годы в Сызрани не было ни радио, ни магнитофонов, ни проигрывателей...

В годы Отечественной войны он ездил с оркестром Утесова на фронт, на стройки, в освобожденные районы ...И всюду, где бы ни побывал, видел, что песня в эти дни вышла в первые ряды искусства. Никакой другой жанр не мог сравниться с ней. Она была для солдата как письмо: рассказывала о любимых, о семьях и детях,— звучала в землянке, в лесу у партизан, в кабине самолета, ночью при коптилке в холодном цехе; песня преодолевала расстояния и помогала бойцам хоть на миг соединиться с близкими. Островский тогда и написал свою первую песню. Это была «Сторонка родная» на слова Сергея Михалкова.

...Нашу беседу прерывает телефонный звонок. Аркадий Ильич берет трубку: два-три коротких слова, затем, растерянно поведя плечами, медленно, почти по складам произносит в трубку стихи. А в паузы шепотом объясняет мне, кивая на аппарат: не москвич, скоро уезжает, песню всю знает, сам подобрал, а одну строфу не успел по радио записать...

Через час пребывания в квартире Островских я уже привыкла к тому, что время от времени композитор разговаривал по телефону стихами.

В эти дни Островский собирался в поездку, и это тоже, как я узнала впоследствии, для него привычное состояние. Только сейчас экспедиция была не за песнями, а за «лаврами». В августе 1963 года в Сопоте на Международном фестивале песня Островского «Пусть всегда будет солнце» была удостоена 1-й премии, и по существующему правилу лауреат приглашался на следующий конкурс—

пожинать лавры. Впрочем, лаврами за эту песню полна была вся квартира. Тут и письма, и сувениры, и плакаты. Тут и почетная грамота Комитета защиты мира «За создание песни о мире «Пусть всегда будет солнце». Слово «мир» на ней начертано на 40 языках, и, наверное, на каждом из них поют эту песню; во всяком случае, когда в Москве проходил Всемирный женский конгресс и Валентина Терешкова в зале запела ее, мелодию подхватили все делегатки. Так было и летом прошлого года на Международном московском кинофестивале. Знаменитые кинозвезды, увидев на обложке журнала «Спутник кинофестиваля» смешного мальчугана, прижимавшего к себе солнце, чтобы никто его не обидел, напевали песенку, так полюбившуюся всем за светлое, доброе восприятие и воспевание мира.

Обычно об Островском пишут и говорят, что он молодежный композитор. Хорошо известны «Комсомольцы — беспокойные сердца». На трех всемирных фестивалях молодежи он награждался дипломами, медалями, да и многие его песни, как патриотичные, так и лирические (в том числе и популярная трилогия «А у нас во дворе», созданная с поэтом Л. Ошаниным, его постоянным соавтором), посвящены молодежи, которая их с удовольствием и распевает. Но я затрудняюсь назвать композитора-песенника, который бы писал преимущественно о среднем возрасте. И Соловьев-Седой, и Пахмутова, и Аверкин, и Новиков, и Фрадкин тоже больше всего пишут о молодежи — это понятно, и никто на них за это не в обиде. Островский же наряду с очень жизнерадостной, чистой и энергичной музыкой о юности не забывает писать и о ее младших братьях. Песни «Про галоши», «До-ре-ми-фа», «Про носы» — из сборника для малышей — в репертуаре всех детсадовских солистов, а нередко на тех же подмостках их исполняет и сам композитор. И малыши отвечают ему трогательной любовью.

На телевидение пришло письмо. Девочка, услышавшая в передаче песню о кролике, которому дают касторку, жалея бедную зверушку, посылает ему пирамидон: «тоже лекарство, но не такое горькое»... Пионеры свои чувства выражают более определенно: они присуждают звание лауреата Артека и Золотую медаль тому, чьи песни «Ровесники», «Пионер», «Трудное дело» поют на кострах, в лагерях, на сборах, во Дворцах пионеров, в своих ансамблях.

На титульном листе сборника «Песни пионерские» вместо принятой официальной фотографии автора почти любительская карточка — композитор с аккордеоном в руках среди ребят. Не на эстраде, а в кругу, зажатый так, что даже удивительно, как ему удается раздвигать мехи аккордеона. Вот так всюду постоянно и общается композитор с ребятами без демаркационной линии рампы, разделяющей зал и сцену. Вот отсюда в его песнях и интонации, близкие ребятам, и темы, и юмор, и образы, и ритмы — все совсем иное, чем для взрослых, с точным знанием интересов, восприятия, психологии ребят, и не вообще, а данного, конкретного возраста.

И еще об одной фотографии, которая висит дома у композитора, мне хочется рассказать. Большая панорама: тайга, снег и на первом плане брезентовые палатки; возле них люди, дымок — значит, этот кусок тайги уже обжит, значит, сюда приехали строители (первые — всегда строители), а внизу подпись: «Город» Невон, пока брезентовый, но пианино уже есть. Мы ждем Вас, Аркадий Ильич».

— Поедете?
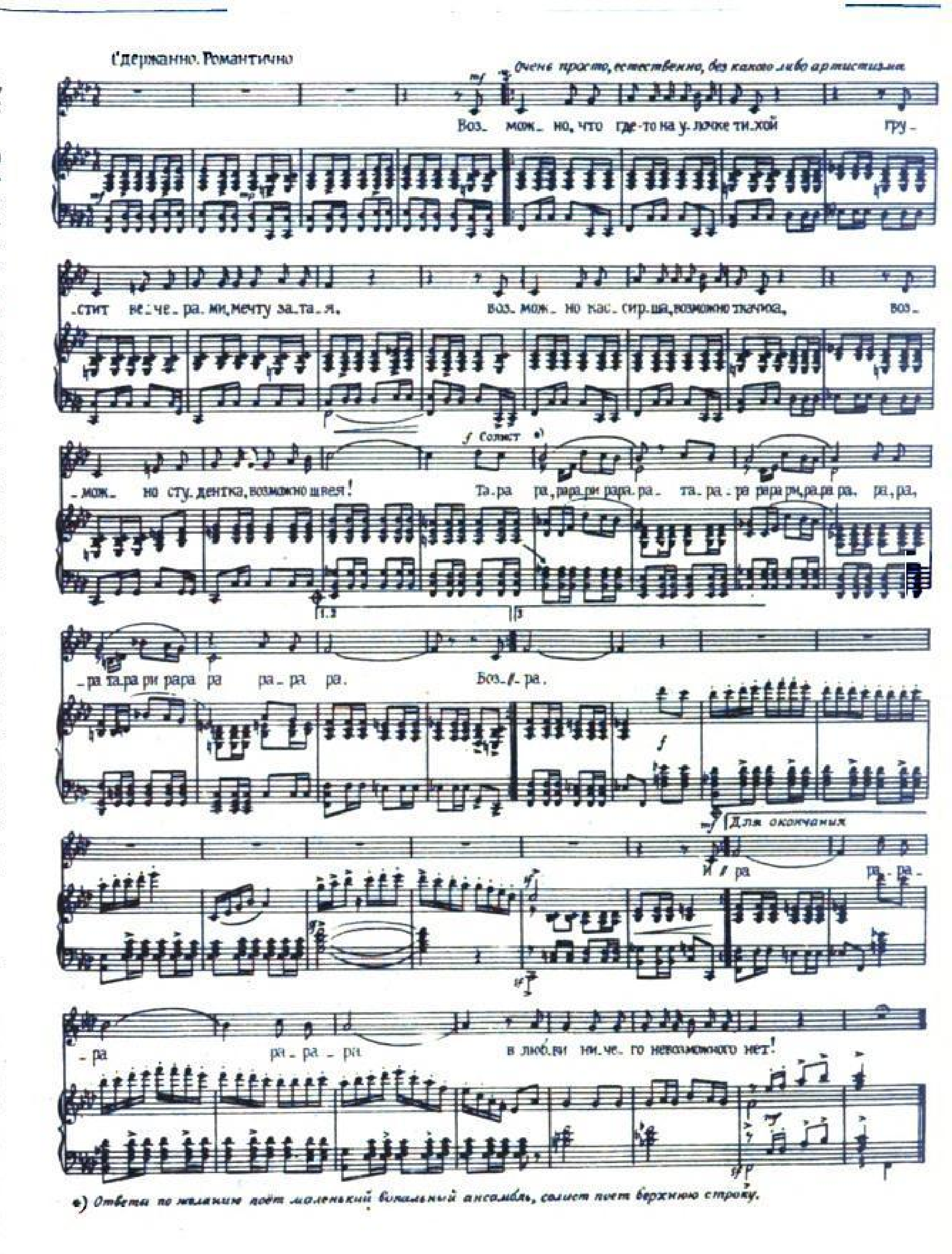
— Непременно.

И это не пустое обещание. Поедет!

Где только не побывал композитор: Сибирь, Алтай, Бурят-Монголия, Донбасс, Узбекистан, целина!.. Это не туризм, это встречи с людьми, с теми, для кого он пишет, с теми, кто его поет. Это время композитор считает потраченным на создание песни. И правильно: ведь не бывает у него поездки, чтобы не привела она к песне. Островский — это журналист в песне; он знает, чем сегодня живет страна, что волнует народ. «Сегодня в газете, завтра — в куплете». Так рождена была его песня «Куба». На следующий же день после выступления Фиделя Кастро она прозвучала по московскому радио. Так во время декады в Ташкенте родилась песня «Это наш Узбекистан»; так на Алтае появилась песня «Лесорубы»; да, собственно, такова и история «Солнца». Вот поэтому, когда праздновалось пятидесятилетие Островского, студенты, поздравляя его, назвали композитора завидным словом — «ровесник».

Молодой Островский, участник прославленного оркестра.

Слова И. ШАФЕРАНА. **Музыка А. ОСТРОВСКОГО.**

Возможно, что где-то на улочке тихой
Грустит вечерами, мечту затая,
Возможно, кассирша, возможно, ткачиха,
Возможно, студентка, возможно, швея.

Возможно, что есть замечательный парень.
Бродить одиноко он тоже не рад.
Возможно, механик, возможно, полярник,
Возможно, строитель, возможно, солдат.

И очень возможно, пути их сойдутся,
Что часто бывает на этой земле,
Возможно, в Одессе, возможно, в Иркутске,
Возможно, в Тамбове, возможно, в Орле.

И сразу же сердце забьется тревожно.
И звезды подарят им ласковый свет.
Возможно, возможно, конечно, возможно.
В любви ничего невозможного нет.

ОН НЕ МОГ ИНАЧЕ

Вячеслав Рудольфович Менжинский, 90 лет со дня рождения которого исполняется 1 сентября,— профессиональный революционер, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, член большевистской партии с 1902 года. Активный участник революции 1905—1907 годов, редактор большевистских газет «Казарма» (1906 год) и «Солдат» (1917 год). Член Военно-революционного комитета, первый народный комиссар финансов. Генеральный консул РСФСР в Берлине. Народный комиссар в Советском правительстве Украины. А затем, до конца жизни, работа в ВЧК — ОГПУ. Эта сторона деятельности В. Р. Менжинского известна многим. Но мало кто знает, что Вячеслав Рудольфович был одним из образованнейших марксистов, человеком энциклопедических знаний и огромной культуры.

Он знал 19 иностранных языков. Сестра Менжинского Вера Рудольфовна вспоминала: «За французским и немецким языком последовали английский, финский, польский, чешский и другие славянские языки, затем датский, норвежский, шведский, испанский, итальянский... На многих из этих языков он мог говорить, на всех читать научные книги и беллетристику».

В годы эмиграции (1907—1917) Менжинский наряду с глубоким изучением немецкой и русской марксистской литературы внимательно следит за французской, английской, итальянской социалистической литературой, изучает по первоисточникам историю Франции, в частности историю французской революции и французскую литературу. Он был большим знатоком русской истории и русской литературы, до конца жизни поддерживал дружеские отношения с Максимом Горьким, со многими деятелями русской и мировой культуры.

М. СМИРНОВ

Первая встреча с М. Н. Покровским, выдающимся историком-марксистом, положившая начало их долголетней дружбе, состоялась осенью 1907 года в Финляндии, когда оба они под руководством В. И. Ленина работали над созданием большевистского центра печати, организацией издания центрального органа партии.

Дружба с М. Н. Покровским и некоторыми другими литераторами, создавшими левосектантскую группу, объединившуюся вокруг журнала «Вперед», привела В. Р. Менжинского в Болонскую впередовскую школу, в которой он вел занятия по технике газетного дела. Приехав в Болонью в конце 1910 года и ознакомившись с обстановкой в школе, В. Р. Менжинский воочию убедился, насколько был прав В. И. Ленин, называя эту школу «одним из центров раскола», предупреждая об антипартийной сущности впередовцев, этих «ликвидаторов наизнанку».

21 декабря 1910 года (старого стиля) В. Р. Менжинский писал М. Н. Покровскому в Париж о впередовской школе и ее устроителях:

«Дорогой, дорогой Михаил Николаевич!

Чувствую, чувствую вину свою — до сих пор не писал Вам ни строчки, так что Вы могли бы думать, не поглотили ли меня львы в Болонской пещере. Но здешние львы... оказались такими смирными и кроткими, такими слинявшими и подмокшими, что гораздо более напоминают мокрых куриц, безнадежно сидящих на яйцах,— а что из этих яиц вылупится — ленинцы, впередовцы, меньшевики или анархисты — никто не знает и даже пресловутый Kuшire А. А. (Богданов) не может открыть потайной двери в будущее, смутное и чреватое разными сюрпризами для лекторов. Руки друг другу (не могут) подать даже без особого условия. О Вас ни слова, есть на свете М. П. (окровский) или нет, судя по их отношению, как будто и нет. О моей статье — молчание, как и о всех прочих неприятных (для них) предметах. Внешняя любезность умопомрачительная... С лекторами же (у меня) отношения чисто внешние, никаких частных разговоров, посмотрим, что последует за печатной полемикой... Новые комбинации с м-ками (меньшевиками) и Троцким, по-видимому, придали им мало бодрости, т. к. они не уверены ни в учениках, ни в своих...»

Приехав в Болонью, М. Н. Покровский убедился в антипартийной сущности группы «Вперед», в правоте Ленина и Горького, отказавшихся читать лекции в их фракционной школе. «Как только все это я увидел,— вспоминал впоследствии М. Н. Покровский,— я отряс прах от ног и уже с весны 1911 года к «Впереду» никакого отношения не имел...»

Документы В. Р. Менжинского и о Менжинском свидетельствуют не только о его большой культуре, уважении к научным и культурным достижениям прошлого, но и о его непримиримости к любым извращениям марксистского понимания культуры, к любым отступлениям от генеральной линии партии в области науки и культуры. В этих вопросах он неизменно стоит на ленинских позициях. Весьма характерно его письмо к М. Н. Покровскому, написанное в день шестидесятилетия выдающегося историка-марксиста.

«25.X.28 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Сегодня партия и Советская власть, воспользовавшись интимным событием Вашей жизни, превратили его в торжественный день для пролетариата, приветствуя в Вас коммуниста-революционера и коммуниста-ученого.

Нечего говорить, как я горд этим, но боюсь, что этот день дорого обойдется Вам, и на правах старой дружбы прошу Вас — берегите себя получше для нас всех, Ваших читателей и почитателей, учеников и соратников и просто друзей. А Вы сами не знаете, Михаил Николаевич, как их у Вас много и как Вы захватываете людей и своей личностью, и работой, и работами.

Чекистская деятельность не располагает к душевным излияниям и поглощает человека целиком — иначе и работать было бы нельзя. Но сегодня я не могу не сказать Вам, что Ваши статьи и книги — одно из самых сильных научных и художественных наслаждений, которые я переживал. Не могу удержаться и не сказать Вам, что на меня всегда действовало неотразимо Ваше своеобразное остроумное мужество и в науке, и в революционной деятельности, и в жизни.

Крепко Вас обнимаю

Ваш В. Менжинский».

В. Р. Менжинский всегда последовательно и страстно отстаивал генеральную линию партии, революционный марксизм-ленинизм, была ли это борьба с врагами революции, с троцкистами и правой оппозицией, борьба за осуществление культурной революции, утверждение социалистической законности.

В. Р. Менжинский был одним из страстных и непоколебимых борцов старой ленинской гвардии.

Все четыре колеса

Фельетон

Ц. СОЛОДАРЬ

По путевкам автобазы
Вереницею, гуськом
Мчатся «ГАЗы»,
«ЯЗы», «МАЗы»,
Мчатся ночью, мчатся днем,
Мчатся с шиком, с блеском,
с треском,
И с газком, и с ветерком,
Словом, жмут на всю железку,
Лихо пользуясь гудком.
Эх, глубок огромный кузов —
Любо-дорого смотреть!
Только кузов-то без грузов
Или загружен на треть.
Да, во всех не очень густо!
Глянь, летит, как на аврал,
И везет мешок капусты
Семитонный самосвал.
А другой с большим прицепом
(Настоящий автовоз!)
Возит пареную репу.
(Да и репы — с гулькин нос!)
Третий, точно по наряду,
Вместо груза в десять тонн
Огуречною рассадой
В четверть тонны загружен.

Вышло солнце. Гаснут звезды.
Слышен шорох шин машин.
Но машины возят... воздух
Да исправно жгут бензин!
И летят навстречу «ГАЗам»
На цветастых легковых
Заправилы автобазы
И подыскивают фразы
Для пространных докладных:
Мол, рентабельность маршрутов
Надо круто повышать,
А убытки столь же круто
Понижать и изживать,
Мол, пробеги вхолостую —
Бич для транспорта, гроза!..
А пока бегут впустую
Все четыре колеса!

Почему мы так говорим

ЧЕМОДАН

В описи платья и всякой казны времен царей Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского упоминаются среди дворцового имущества и чемоданы.

Значит, уже в начале XVII века у нас было слово «чемодан». В дворцовой казне были и дары посольств и вещи иноземного происхождения. А слово «чемодан» персидское. По-персидски и по-таджикски «дзамен» значит «платье», а «дан» — «ящик».

«Сак» еще древнее: оно идет от финикийского слова «саккус», означавшего «мешок». А определение «вояж» (саквояж) добавлено потом во французском языке как указание «для путешествий» (вояж).

ЧАН

Чан — деревянная или металлическая кадка (красильный чан, дубильный, пивоваренный чан). В словаре В. Даля приводятся различные названия чана: чанец, чаник, чван, досчан, дщан.

Это, по существу, и есть ответ, как образовалось слово «чан». Доска — дощан (из досок), а потом слово постепенно изменилось в чан.

И. УРАЗОВ

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК.

Фото Дм. Бальтерманца.

Раннее утро.

Гуси летят на ночевку.

Три грации.

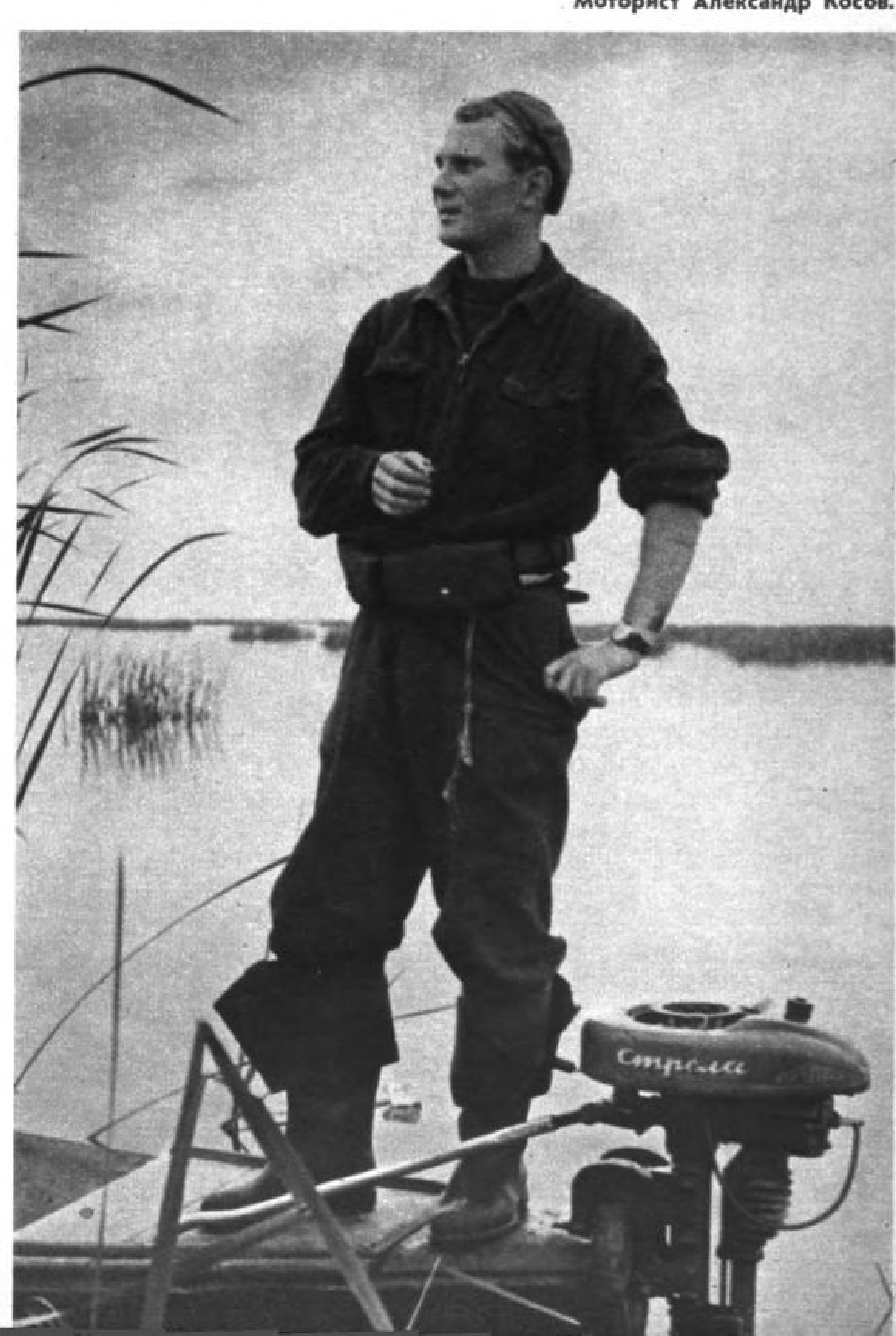

Кольцевание птиц.

Живое серебро.

Моторист Александр Косов.

ХОЗЯЕВА птичьего ЦАРСТВА

Они встают до восхода. Утро свежее, прохладное, росное. Пока дойдешь до лодки, можно промокнуть насквозь. Но это не беда. Первые же лучи солнца прогонят утренний туман, высушат одежду, отразятся от зеркала воды и веселыми зайчиками запрыгают по листьям склонившихся ив.

Рабочий день в Астраханском государственном заповеднике начинается в пять утра. Восход сотрудники встречают уже за работой. Каких только профессий не встретишь тут! Биоморфолог, гидролог, ботаник, зоолог, орнитолог, ихтиолог, паразитолог, гидробиолог — вот далеко не полный перечень специалистов, охраняющих, изучающих природу дельты Волги.

Утренняя прогулка на лодке — тоже работа. На воде десятки тысяч птиц всяких пород. Они не улетают, лишь лениво расступаются, уступая дорогу лодке. А на берегу в зарослях тростника стоят элегантные красавицы цапли — белоснежные, серые, желтые...

Никто не может точно сказать, когда именно дельта Волги стала плацдармом перелетных птиц. Перезимовав в Египте, Аравии, Иране, летят сюда птицы, собравшись в огромные стаи. Охраняет теперь это огромное разноцветное щебечущее царство Астраханский заповедник, созданный в 1919 году. Больше двухсот шестидесяти видов птиц — таково богатство, которое изучают ученые. У всех птиц свои повадки, свой характер. Например, к гнездам пеликанов лучше не подходить. Если человек тронет его гнездо, осторожная птица уйдет с этого места.

Вот темная большеголовая птица стремительно упала с высоты и ловко нырнула. Мгновение — и она уже держит в загнутом, крючковатом клюве жалобно блеснувшую оброненной слезой рыбку. Это баклан.

Ученые подсчитали, что бакланы уничтожают тысячи тонн рыбы в год.

— В это лето,— рассказывает заместитель директора Борис Николаевич Гребенщиков,— бакланы расплодились чрезвычайно, появились новые колонии птиц, равновесие в заповеднике нарушилось. Поэтому в начале июня мы провели отстрел около девяти тысяч бакланов.

Сейчас ведется отлов птиц. В тростниковых зарослях старательно спрятаны сети. На лодках в эти сети загоняют бакланов.

Шестьдесят видов рыбы, из них пятьдесят промысловых, живут в многочисленных протоках дельты Волги.

— В этом году,— говорит Борис Николаевич.— мы хотим пустить к ним новосела — белого амура. Эта большая, трех — пятикилограммовая рыба питается водорослями. Вот мы и убьем двух зайцев — и новую рыбу подселим и водоемы порасчистим от водорослей.

...Еще жарко, еще солнце светит по-летнему, но уже чувствуется приход осени. Ночи стали темнее, холоднее, готовятся в дальнее путешествие скворцы.

В вольере подросли отловленные птенцы — каравайка, колпица, пеликаны, цапли. У сотрудников заповедника начинаются новые осенние заботы...

В. ВАСИЛЬЕВА

Побеждай, учитель!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР ВИКТОР ИЛЬИЧ АЛЕКСЕЕВ ПОДГОТОВИЛ:

39 мастеров спорта.

12 чемпионов СССР.

4 олимпийских чемпиона.

5 чемпионов Европы.

УЧЕНИКИ В. И. АЛЕКСЕЕВА УСТАНОВИЛИ 30 МИРОВЫХ РЕКОРДОВ

Тамара ПРЕСС,
олимпийская чемпионка

Лето принесло мне много радостей и вместе с ними и забот. И то и другое связано с предстоящей поездкой в далекую Японию.

Первая моя радость в том, что рядом со мной на тренировочном стадионе моя сестра Ирина. Летом 1962 года на чемпионате Европы в Белграде она серьезно повредила ногу и весь следующий год не смогла выступать.

После окончания института Ирина поступила в аспирантуру Московского института инженеров железнодорожного транспорта и переехала в Москву. В эти-то дни я поняла как-то особенно ясно, что наш тренер Виктор Ильич Алексеев дал нам путевку не только в спорт, но вообще в трудовую, полную интересов и широких планов жизнь.

Виктор Ильич продолжал тренировать Ирину заочно. Телефонные и письменные консультации сменялись встречами. Это был год кропотливого, тщательно продуманного восстановления спортивной формы. Виктор Ильич разработал для Ирины ряд упражнений, установил определенную последовательность занятий, их ритм, и все это должно было излечить поврежденную ногу и одновременно поддерживать тот минимум спортивной формы, без которого быстро в строй не вернешься.

Вот уже почти десять лет занимаюсь я с Виктором Ильичом, привыкла к нему, но в эту весну, наблюдая за ним на стадионе, подумала, что в общем-то не так уж много знаю о его труде.

Он появляется на стадионе утром со складным стулом в руках, располагается у края беговой дорожки и нетерпеливо поглядывает на часы. До начала тренировки еще осталось несколько минут, и он знает, что ученик появится вовремя.

Ах, этот складной стул! Еще недавно Виктор Ильич проводил долгие часы занятий на ногах, теперь ему это тяжело. Что ни говори, а нынешним летом нашему тренеру исполняется пятьдесят лет и за его плечами ленинградская блокада. Тогда, в осажденном врагами городе, Алексеев продолжал пропадать на стадионе, и учеников у него стало еще больше, чем до войны. Алексеев учил ребят метать не копья, а гранаты. Он готовил бойцов народного ополчения. И вот теперь сидит на складном стульчике, с неизменной тетрадкой в руках.

У всех у нас на руках график, у каждого свое время, и поэтому тренировка проходит с глазу на глаз с Виктором Ильичом.

Вот и приходится мне издали, украдкой следить за ходом тренировки Ирины. Я знаю и от Алексеева и от сестры, какую сложнейшую задачу они перед собой поставили: не только подойти к старому рубежу в пятиборье, но и превзойти его. У Ирины главный козырь в пятиборье — бег на 80 метров с барьерами. Она не раз уже добивалась здесь почетных побед и завоевала золотую медаль на XVII Олимпийских играх в Риме.

Уверенно она себя чувствует и в

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТЫ ПЕРЕД СТАРТОМ.

В. И. Алексеев и Галина Зыбина.

Фото Л. Бородулина.

«гладком беге» и в прыжках, а вот в том виде легкой атлетики, где выступаю я,— в ядре, результаты Ирины были не очень высоки. Когда она в 1961 году установила свой мировой рекорд в пятиборье, 5 137 очков, ее ядро пролетело всего 15 метров 26 сантиметров. И вот в тот момент, когда Ирина после долгого перерыва снова собиралась стать в строй, Виктор Ильич и решил изменить ее стиль в толкании ядра. Какой же это требует настойчивости, какой концентрации сил! Но, по расчетам Виктора Ильича, это должно было помочь Ирине преодолеть семнадцатиметровый рубеж, а для этого стоило постараться. И вот они работают, рассчитывают каждое движение до мелочи, и ядро падает все дальше. А мне остается лишь одно — пассивная роль наблюдателя. Это тяжело. Я ведь кое-что понимаю в искусстве толкания ядра, но моя манера Ирине не подходит: Виктор Ильич тщательно учитывает особенности каждого своего ученика.

У всех нас свои задачи, своя цель. И если Ирина весной возилась с ядром, как заправская толкательница, то я почти и в руки его не брала. Мы большую часть времени уделяли диску. Почему же предпочтение отдано диску? Я спросила об этом Алексеева, и его ответ не сразу дошел до моего сознания.

— Все, что мы будем делать с диском, будет хорошо и для ядра,— ответил мне Виктор Ильич.

Как же так? До сих пор наша подготовка к выступлениям по этим двум, хоть и родственным, но все же во многом различным снарядам никогда не совмещалась. Но, зная удивительную способность Алексеева никогда не стоять на месте, всегда находиться в творческом поиске, я не стала продолжать расспросы. Я знала, что все разъяснится на первых же тренировках...

Тренировочный процесс — сборка. В одно целое надо соединить высокую физическую форму и несокрушимую веру в свои силы. Алексеев умеет не только физически подготовить своего ученика к рекордному результату, но и знает, как укрепить его веру в себя, в реальность стоящей перед ним задачи.

За годы совместной работы я хорошо познакомилась с творческими методами заслуженного тренера СССР Виктора Ильича Алексеева и еще раз убедилась недавно в его неисчерпаемых возможностях. Особенно меня поразило то, что сделал Виктор Ильич для Галины Зыбиной.

Кто из любителей легкой атлетики не слышал об этой замечательной спортсменке! Когда я в 1955 году стала заниматься с Виктором Ильичом, Зыбиной принадлежал мировой рекорд в толкании ядра — 16 метров 76 сантиметров. Она завоевала золотую медаль на XV Олимпийских играх в Хельсинки, никто не мог с ней тягаться у нас в стране. Да, Зыбина — это гордость Алексеева. Она пришла к нему в школу сразу же после окончания войны, маленькая худенькая девочка, пережившая невыносимо трудные годы блокады. У Виктора Ильича в школе тогда много было вот таких блокадных мальчишек и девчонок, слабеньких на вид, но закаленных суровыми испытаниями, страстно мечтающих о том, чтобы быть сильными, здоровыми.

Виктор Ильич стал воспитателем спортивной молодежи, когда сам был в расцвете сил и побеждал всех копьеметателей страны. И гордостью его школы была Галина Зыбина.

Ученицы Виктора Ильича Алексеева — толкательницы ядра никому не уступали верхней ступеньки пьедестала почета на трех последних Олимпийских играх. Галина Зыбина, Тамара Тышкевич и я возвращались на Родину с золотыми медалями, и вот теперь, в канун новых Олимпийских игр, я вижу, как Виктор Ильич готовит Зыбину к Токио. Но ведь Токио не Хельсинки, там с броском, не достигающим семнадцати метров, делать будет нечего. На что же рассчитывает Зыбина? На чем зиждутся расчеты Алексеева?

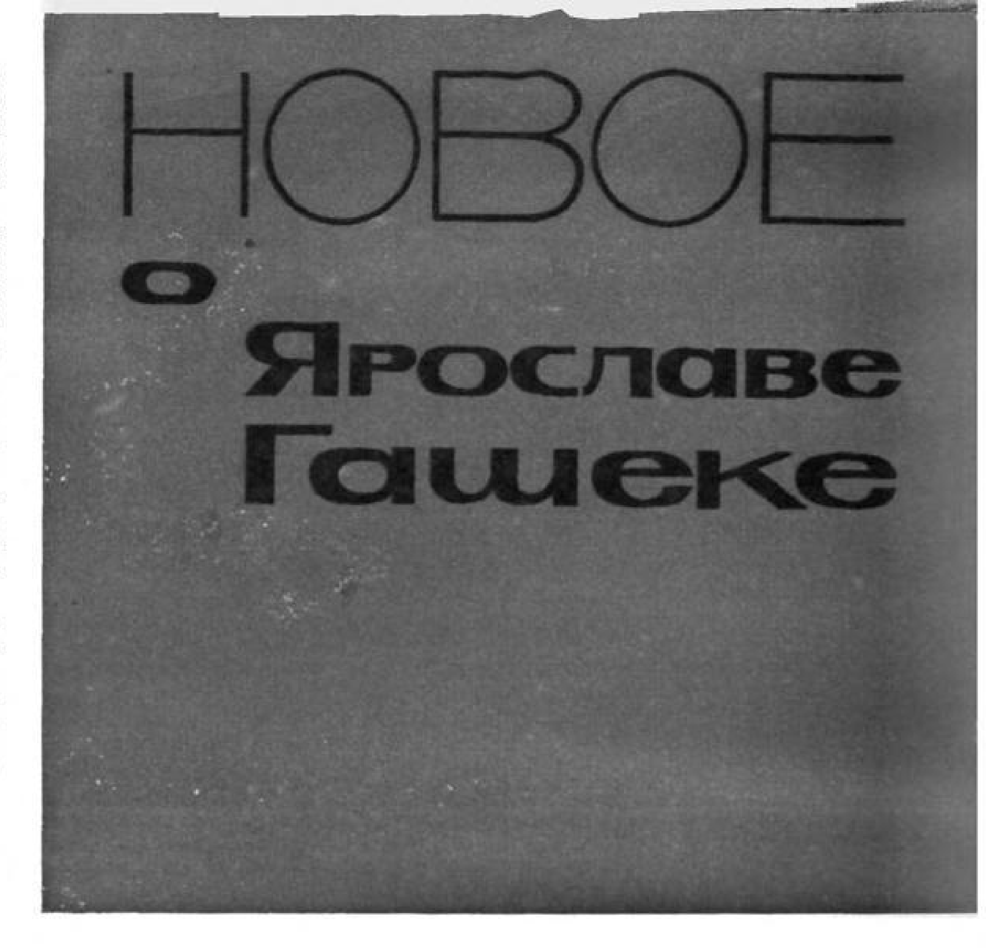
Ответ на эти вопросы я получила очень скоро, на первых же соревнованиях сезона в Леселидзе. Там в начале мая ядро, пущенное Галиной Зыбиной, пролетело 17 метров 3 сантиметра, а вскоре в Минске ей удался бросок на 17 метров 30 сантиметров!

Вы вдумайтесь только! Шестнадцать лет выступала Галина Зыбина, достигла самых почетных вершин и в расцвете своих сил никогда не могла толкнуть ядро за 17 метров. И вот теперь смогла. Она превысила результат моего первого мирового рекорда. Разве не удивительно это несгибаемое упорство спортсменки, не знающая устали творческая изобретательность ее тренера?

Как оказалось, Виктор Ильич решил в корне изменить технику, пользуясь которой Зыбина все эти годы толкала ядро. После долгих наблюдений и расчетов Виктор Ильич нашел ту единственную техническую пружинку, которая помогла ему совершенно по-новому использовать возможности своей ученицы. Алексеев осуществил свое намерение, и вот сейчас тридцатилетняя Зыбина стала сильнее Зыбиной двадцатилетней.

К этому я могу добавить лишь одно: на соревнованиях в Минске третье место вслед за мной и Зыбиной заняла Ирина (ее ядро пролетело 17 метров 21 сантиметр). Да, теперь Ирина может на равных соревноваться с лучшими толкательницами ядра. Но, конечно, не только три спортсменки представляют школу Виктора Ильича Алексеева в большом спорте. Его ученик Анатолий Михайлов стал чемпионом Европы в барьерном беге, и там же, в Белграде, питомец Алексеева Владимир Трусенев завоевал европейское первенство в метании диска. Как же нам не гордиться своим учителем, как не считать наши победы его победами!

Я знаю, пройдет время, и кто-нибудь превысит и мои результаты. Кто меня сменит в круге для метания? Я уверена, что это будет новая ученица Виктора Ильича. Ведь среди семисот ребят, посещающих его спортивную школу, очень много способной молодежи. Надежда Чижова, Наташа Яшина, Наташа Баранова в ближайшие годы станут первоклассными метательницами. Но я никогда не расстанусь со своим учителем, всегда буду ему помогать так же, как помогают ему сейчас его старшие ученики. Вместе с ним буду и жить я среди молодежи, растить сильных, смелых, гармонически развитых людей, радоваться их успехам, их победам.

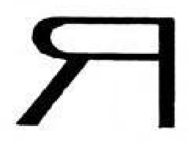

Иностранная новелла

Казначей Партии умеренного прогресса

Эдуард Дробилек

Я вынужден с сожалением констатировать, что ни один из тех литераторов, которые принадлежали к нашему кругу, не завоевал такого безграничного уважения, какое выпало на долю простому человеку из народа, моему другу Эдуарду Дробилеку.

Прошлое его было необычайно пестрым. Рано утратив родителей (это обстоятельство всегда сопутствует пестрому прошлому, если жизнеописанием выдающегося человека занимается такой прославленный писатель, каковым являюсь я), он остался одинодинешенек посреди бурного водоворота жизни и в один прекрасный день отправился пешком к своему дяде, куда-то за Лабу, около Мельника.

Творческое наследие автора «Похождений бравого солдата Швейка» таит в себе немало сюрпризов для наших читателей.

Один из таких сюрпризов — вышедший недавно в Чехословакии IX том собрания сочинений Гашека, в котором помещена его «Политическая и социальная история Партии умеренного прогресса в рамках закона».

Она имеет свою занимательную историю.

Я. Гашек значительную часть своего творчества посвятил сатире на политическую жизнь Чехии. Его возмущение трусливой политикой ведущих чешских партий, протест против грязных закулисных сделок во время выборов в парламент не умещались в рамках литературной сатиры. Ему нужна была трибуна, он стремился вынести свою сатиру на улицу, в массы. Но осуществить это в условиях австро-венгерской монархии можно было, лишь прибегая к очень тонкой маскировке. Такой маскировкой и была созданная им пародийная «Партия умеренного прогресса в рамках закона».

Она складывалась в течение нескольких лет, начиная примерно с 1904 года, когда возглавляемая Гашеком веселая компания пражской богемы начала систематически собираться по вечерам в уютном трактире «У златого литра».

К 1908 году сформировалось постоянное ядро «партии». В него входили писатели Йозеф Мах, Густав Опоченский, Иржи Маген, Франтишек Лангер, художники Ярослав Кубин и Йозеф Лада, чиновник Эдуард Дробилек, инженер Кун и другие.

Эта «партия» была острейшей сатирической мистификацией писателя, так как она в пародийной, иронической форме воспроизводила облик тогдашних политических партий Чехии, как бы слитых воедино.

Расцвет Партии умеренного прогресса относится к 1911 году, когда в связи с выборами в австрийский парламент она развернула необычайно бурную «предвыборную кампанию», выдвинув даже своего кандидата, которым был, разумеется, Ярослав Гашек.

На «предвыборные» собрания новой «партии» сходилась вся Прага, и Гашек в качестве «пана кандидата» почти ежедневно выступал перед «избирателями».

Его выступления, блещущие остроумием, пронизанные острыми шутками, вырастали в уничтожающую сатиру на политическую борьбу в Чехии.

Гашек не был, конечно, избран в парламент и даже официально не баллотировался, хотя, как он сообщил позднее публике, за него было подано 38 голосов.

Вдохновленный успехом «предвыборной кампании», Гашек задумал написать «Историю Партии умеренного прогресса». Он начал над ней работать в 1912 году и, не закончив полностью, передал рукопись издателю журнала «Весела Прага» Карелу Лочаку. Но Лочак не решился напечатать книгу и продал ее другу Гашека Алоису Гатине, который только в 1924—1925 годах, уже после смерти писателя, опубликовал несколько глав в своей газете «Смер».

Позднее рукопись попала в руки биографа Гашека Вацлава Менгера и была частично использована им в книге «Ярослав Гашек дома». Некоторые главы он передал Юлиусу Фучику для публикации в «Руде право» (1937).

Фучик высоко оценил сатирическую остроту гашековской «Истории», написав в небольшом введении к публикуемым главам, что она «представляет собой действительно великолепную сатирическую историю чешской жизни последних лет перед войной...» и «...занимает в творчестве Гашека особое место, очень многое объясняя во всем развитии писателя (не говоря уже о том, что — хотя и в сатирической форме — объясняет и многие иные вещи)».

И только теперь, спустя более чем полвека после написания, «История Партии умеренного прогресса» оказалась доступной чехословацкому читателю в полном объеме (84 главы).

Она включает в себя сатирические портреты политических деятелей, литераторов, эпизоды из практики Партии умеренного прогресса, выступления Гашека на «предвыборных» собраниях.

Воспроизведенная в «Истории» целостная сатирическая картина эпохи, острота и меткость политических характеристик, сверкающий юмор, неподражаемые особенности ее художественного строя делают эту книгу не только самым значительным произведением Гашека предвоенных лет, но и во многом предвещают его прославленный роман о похождениях Швейка.

Из «Истории Партии умеренного прогресса» мы публикуем две главы, дающие представление об оборонительно-наступательных «боях» гашековской партии с полицией.

Рассказ «Казначей Партии умеренного прогресса Эдуард Дробилек» в чехословацкой печати ранее не публиковался. Рассказ «Преследование новой партии правительственными кругами» был напечатан в газете «Руде право» (1937, № 160, 11. VII). На русском языке оба публикуются впервые.

С. ВОСТОКОВА

И с чем же встретился он на своем пути? Встретился ли он в пути с романтическим приключением в той ночной мгле, которая окутывала прилабскую долину, когда Лаба, вышедшая из берегов, бушевала, разбивая свои волны о берега, коих, собственно говоря, не имела, поскольку еще не вошла в берега?.. Дробилек встретился с жандармом.

— Куда изволите?— спросил Дробилека жандарм с тем тонким сарказмом, на какой только способен жандарм, столкнувшийся в ночные часы с подозрительным субъектом, за какового он явно почитал и Дробилека.

Дробилек же весьма учтиво произнес:

— Куда изволите направляться, ваше благородие?

— Я иду в Нератовицы,— ответил удивленный жандарм.

— О, это — поразительное совпадение: а я иду как раз из Нератовиц!

— Скажите,— спросил жандарм,— как там, у Сеземских, трактир еще открыт?

— И вы хотите идти в трактир? — воскликнул Дробилек.— Вы осмеливаетесь пренебрегать распоряжением военного министерства, согласно которому прямая обязанность жандарма — днем и ночью, без перерыва, быть на ногах, отказавшись от всяких светских удовольствий, ибо как раз в этих светских радостях и коренится опасность, что из-за них он будет не в состоянии исправно нести свою службу!

Вот, например, сейчас вы спросили у меня, открыт ли еще трактир у Сеземских. А ведь вы, милостивый государь, даже не знаете, кто я. И я вправе предположить, что вы вовсе и не жандарм, а переодетый мошенник. Потому что, будь вы жандармом, вы ни за что бы ни у кого не стали спрашивать ночью на дороге, открыт ли где бы то ни было трактир. Вашим первейшим святым долгом было потребовать у меня документы и, если бы таковых не оказалось, арестовать меня и отвести в ближайшую жандармскую караулку, составить там на меня протокол, и в случае, если бы выяснилось, что я подозрительный индивидуум и бездельник, вы обязаны были бы, согласно инструкции, доставить меня в окрестный суд, где бы я и был судим за бродяжничество... Я буду на вас жаловаться!

— Но, ваша милость...

— Никаких титулов! Я с вами пока еще разговариваю, как ваш друг... Вы военного министра знаете?

— Нет, не знаю, ваша милость.

— Тем хуже для вас! И вам неизвестно его последнее предписание от 12 мая 1901 года?

— Прошу прощения, ваша милость, неизвестно.

— Так вы, следовательно, не знаете того самого предписания, в котором сказано, что, если жандарм повстречает ночью на своем участке неизвестную ему подозрительную личность, он обязан не только потребовать у него документы, но и осведомиться: «Сколько изволите иметь при себе денег?»

И тут я вытащил бы свой кошелек и сказал бы: «У меня всего два крейцера, или, вернее, исходя из министерского распоряжения о новых денежных знаках от 3 мая 1900 года, четыре геллера».

И вы, значит, не знаете также, что у нас, в Австрии, каждый путешествующий обязан иметь при себе по крайней мере четыре кроны пятьдесят геллеров? А поскольку у меня всего лишь четыре геллера, мне недостает до оной, установленной законом суммы четыре кроны сорок шесть геллеров, которые вы и должны мне сейчас предоставить, хотя я вас и не знаю и мне лишь известно, что вы не выполняете как следует своих обязанностей и что за это можете понести дисциплинарное взыскание.

— У меня с собой пять крон,— малодушно произнес жандарм.

— Вот их вам и придется отдать,— ответил Дробилек.

Жандарм достал свой кошелек.

— Сколько, изволили вы сказать, вам недостает до установленной законом суммы?

— Четыре кроны сорок шесть геллеров.

И при свете карманного электрического фонарика жандарм полностью выплатил Дробилеку требуемую сумму.

Вот так и явился Дробилек к своему дядюшке с жандармским пособием...

Говорят, что с той поры этот жандарм, а зовут его Франтишек Когоут, оделяет всех подозрительных субъектов, встречающихся ему ночью во время служебного обхода, по четыре кроны сорок шесть геллеров и что за время, пока существует наша Партия умеренного прогресса в рамках закона, он полностью разорился и собирается в ближайшее же время уйти из жандармерии и начать изображать по ночам подозрительного индивидуума.

●

Преследование новой партии правительственными кругами

По возвращении из своего паломничества в Святую Гору пан Копейтко явился в полицию и донес на нас, что мы играем в запрещенные игры, поносим господа бога и начальство того и этого света.

С той поры у нас объявился пан Маркуп...

Кто такой пан Маркуп? Это был добрый малый. Служил в комиссариате полиции, имел ничтожное жалованье и шесть человек детей. В то время, когда как раз назревали великие бои за всеобщее избирательное право, люди такого сорта зарабатывали себе деньги доносами своему начальству, которое, в свою очередь, переправляло их государственной полиции в Вену. Кроме того, только что отбыл из Праги, осчастливив ее своим посещением, Его величество. Пану Маркупу нужно было подзаработать. Помнит-

ся, еще Шатобриан в свое время говорил, что полиция всегда романтична.

Итак, пан Копейтко заявил в отделе безопасности, что больше уже немыслимо терпеть тех речей, что ведутся в нашем трактире, и полиция направила туда пана Маркупа, невзирая на то, что он был отцом шестерых детей. Ведь когда пан комиссар спросил набожного Копейтко: «Что все-таки там за люди?», — тот ответил: «Разбойники, ваше благородие!» И вот теперь отец шестерых детей должен был идти к этим разбойникам.

И он пошел... Подобно римскому легионеру, отправляющемуся в неведомую Британию, он шел, чтобы занять форпост во мгле чужого острова, и был уверен, что его никто не знает. Но племянник директора полиции, который был в нашей компании, узнал его и в первый же вечер, как только пан Маркуп удалился, сказал:

— Да это же Маркуп!

То, что он нам о нем поведал, было не очень утешительно. Сей муж охотно принимает пощечины, имеет шестерых детей, за каждую пощечину получает в виде компенсации две кроны. Обычно же за каждое посещение разбойничьего логова ему платят по пяти крон.

На следующий вечер пан Маркуп пришел раньше нас и сел у нашего стола, источая вокруг себя сияние доброты. Когда мы появились, он извинился и выразил желание пересесть за другой стол. Но его уговорили остаться, убеждая, что его общество для нас необычайно приятно и что, хотя мы и говорим о политике, это, надо полагать, ему не помешает.

— Значит, договорились, — тихонько, но так, чтобы было слышно пану Маркупу, шепнул мне Маген.

— Да, — сказал я, — заканчиваем последние приготовления.

— А знают об этом в Мораве? — нагнулся к нам инженер Кун.

— В Мораве уже обо всем известно, — громко ответил я.

Пан Маркуп вздрогнул.

— Прошу извинить, я хорошо знаю Мораву, — вмешался он. — Морава всегда стояла бок о бок с Чехией.

— Ну, уж это вы ошибаетесь, — возразил я.

— Позвольте, господа, — не отставал пан Маркуп, — все же извольте вспомнить, что мораване пали у Гвезды [1].

— Это для нас новость! — провозгласил Опоченский. — А вы знаете, что об этом нельзя говорить, что вы можете ввязаться в опасную историю? Начали бы, например, толковать об императоре Фердинанде...

Пан Маркуп снисходительно усмехнулся.

— А что! Неужели вы и в самом деле думаете, господа, что император Фердинанд был выдающимся человеком?

— Ну, разумеется, — сказал я серьезно. — Муж, который сумел в 1620 году наступить на горло гидре мятежа, поистине был мужем выдающимся. Особенно если мы учтем, что он принадлежал к благородной династии Габсбургов.

— Да, но все же он велел казнить столько чешских дворян на Староместской площади, — не сдавался пан Маркуп.

— А вы сожалеете об этом, милостивый государь? — бешено завопил я. — То было всего лишь умеренное наказание этим бунтовщикам, которые выбросили из окон Пражского града королевских советников, а своего собственного короля ссадили с трона и призвали в Чехию чужеземца! И у своего собственного короля побили в битвах свыше двадцати тысяч воинов! Вы собираетесь защищать этих людей? И это чех, господа! Не стыдно вам?

---

[1] Гвезда (Звезда) — замок на Белой Горе, где в 1620 году произошла битва между восставшими чешскими дворянами и войсками Фердинанда Габсбурга, положившая конец самостоятельности Чехии.

Я уже вижу, что через минуту вы начнете говорить о венгерской революции 1848 года, и хвалить Кошута, и твердить, какой это был молодец! А между тем этот бандит подделывал кредитные билеты и поднял всех горных пастухов против габсбургской династии. А когда его должны были повесить, так этот негодяй скрылся! А вы нынче спокойно приходите сюда и начинаете восхвалять Кошута и воспевать славу венгерской революции и кричать здесь «Да здравствует революция!».

— Помилуйте, господа, ведь я ничего такого не говорил!

Я торжественно поднялся.

— Вот эти господа — свидетели, что вы это сказали! Говорил он это, друзья?

— Говорил, говорил! — раздался дружный крик. — Произносил и еще более страшные вещи!

Маген встал.

— Вы, милостивый государь, втерлись в наше почтенное общество, чтобы пропагандировать изменнические взгляды! Вы здесь, у этого стола, где сидят сыновья набожных католических родителей, хулили господа бога, кричали, что не верите в бога! Вы издевательски отзывались о непогрешимости папы римского! Вы хотели нас, порядочных граждан, свести на путь блуда и неверия! На это есть один ответ — тюрьма! Пан трактирщик, позовите полицию!

— Но, господа...

— Никаких «но»! Полицейский должен будет установить вашу личность, а мы обвиняем вас в богохульстве и оскорблении величества! А такие вещи... Сами понимаете! Наш лозунг — «За бога, отечество и короля!». И вы хотите отвратить нас от этого? И вам не стыдно! А еще образованный человек!

Тут появился полицейский.

— Будьте любезны, господин полицейский, установите имя этого человека. Он непочтительно отзывался о всемогущем боге, о папе, об императорской династии! Хотел нас морально развратить! Хотел сделать из нас анархистов, террористов и безбожников!

Пан Маркуп встал и произнес спокойно и веско:

— Я чиновник полиции.

Племянник директора полиции выступил вперед.

— Вы лжете, почтеннейший! Предъявите ваши документы! О, если бы об этом узнал мой бедный дядюшка!

Пан Маркуп начал судорожно рыться в карманах... Сокрушенно прохрипел:

— Прошу прощения, я забыл документы дома.

Племянник директора полиции подошел к полицейскому и, показав ему свой документ с известным каждому стражнику именем, произнес величественно:

— Ваш шеф, директор полиции, — мой дядя! — И, указав на несчастного пана Маркупа, распорядился: — Отвести его!

И в то время как полицейский выводил поверженного пана Маркупа, вслед ему торжественно звучал наш благочестивый хорал:

Морава никогда верить не перестанет.
Наследье отчее нам сохрани, господь...

...Пан Маркуп больше у нас не показывался: его перевели в полицейскую регистратуру стирать пыль со старых папок.

Перевела с чешского С. ВОСТОКОВА.

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Музыка революции

А. ЭЙЗЕН В РОЛИ В. И. ЛЕНИНА.

Фото Е. Умнова.

Тревожные набатные звуки. Словно рвется на свободу долго сдерживаемая сила народного гнева. Громадный занавес Кремлевского Дворца съездов раздвигается...

Такое впечатление, что перед зрителем — гравюра колоссальных размеров. Несутся по небу серые тучи, вздымаются ввысь красные стяги. Вдруг, как шквал, налетает песня и захватывает все вокруг, расплескиваясь в бурном вихре:

Буйный ветер,
Буйный ветер,
Пусть гуляет буйный ветер
боевой!..

Идут свершающие историю люди Октября — матросы, солдаты, рабочие питерских заводов...

Героическим запалом, широтой дыхания захватывает опера В. Мурадели «Октябрь». Ее музыка величава, глубоко народна. Все в опере напевно, все поется и запоминается. Все написано с глубоким знанием певческих возможностей человеческого голоса.

Именно музыка в первую очередь определила успех постановки оперы коллективом Государственного Большого театра.

Жанр своего произведения Вано Ильич Мурадели определяет как народно-героическую оперу, считая, что такой музыке дано зажигать в душах слушателей огонь подлинной романтики.

Авторским замыслом прониклись режиссер И. Туманов, художник В. Рындин, дирижер Е. Светланов. Главный герой оперы — народ. Великолепные народные сцены, хоры стали основными, ведущими в спектакле. Они захватывают своей монументальностью, проникновенной силой.

Грандиозная площадь сцены Кремлевского Дворца съездов позволяет использовать оформление, до сих пор никогда еще не применявшееся. Словно в громадном увеличении, видим мы площадь с отсветами костров и строгими, холодными колоннами петроградских соборов, просторы Разлива, легендарную «Аврору», алое полотнище над броневиком и, наконец, знакомую фигуру Ленина.

Да, в опере «Октябрь» Ленин — первое имя в списке действующих лиц.

Идет сцена в Разливе. Шалаш на берегу озера. Поднимается утренний туман, затягивают рыбаки старую песню:

Камушка, сколько мы слез
в тебя пролили!..
Эй, ветерок,
Дуй посильней,
Дай хоть часок
Нам повольней!..

Владимир Ильич прислушивается. Вспоминает знакомый с детства мотив. Задумчиво начинает подпевать. И уже по-новому звучит песня, дышащая бодростью, силой, народной верою в близкое освобождение.

Исполнение А. Эйзеном роли вождя — одна из больших удач постановки. Интересно задуманы вокальные партии Марины — ее поет Г. Вишневская, Андрея — В. Нечипайло, рабочего-путиловца Ивана Тимофеевича — А. Ведерников. И все же задача, выпавшая на долю А. Эйзена, была, конечно, одной из труднейших...

Когда в финале оперы Ленин запевает «Интернационал», весь зрительный зал встает. Так, стоя, люди и дослушивают оперу до конца.

Л. ФЕДОРОВА

«Золотой Лев»—простому парню

Паша Колокольников (Л. Куравлев) сейчас еще не подозревает, что Настя (Л. Александрова) — невеста другого...

Актеры Б. Балакин и Н. Сазонова в сцене сватовства.

Паша в больнице!.. Навестить его пришла молодая журналистка. Роль эту играет поэтесса Белла Ахмадулина.

1964 год. Венеция... Жюри XVI Международного фестиваля детских фильмов присуждает Большой приз — главную награду фестиваля — советской кинокомедии «Живет такой парень».

Эта лирическая, задушевная картина завоевала сердца простотой, сердечностью, мягким поэтическим звучанием. Герои фильма не позируют перед объективом кинокамеры. Они просто живут. И эта их «просто жизнь» постепенно западает вам в душу; вы начинаете ощущать любовь и привязанность к героям, волноваться за них... А волноваться — хочешь не хочешь — приходится, потому что Паша Колокольников, паренек лет двадцати с небольшим, по профессии — шофер, Чуйский же тракт, по которому Паша водит машину,— опасная дорога. Правда, Паша — виртуоз, мастер своего дела. К тому же он весельчак и фантазер, неугомонный выдумщик...

Колесит Паша по тракту, пролегающему по прекрасному Алтайскому краю, с утра до ночи. Много у него встреч с разными людьми. И ни одна встреча не проходит бесследно ни для самого Колокольникова, ни для тех, с кем он сталкивается на своем пути. Обыкновенный человек Паша, но когда он появляется, людям становится радостнее. Потому, что не равнодушно живет этот парень, не «существует» на земле пассивно,— раз уж, мол, довелось родиться на свет,— а заинтересованно всматривается в окружающих: ищет свой идеал, свое счастье. Но он хочет, чтоб и другие люди тоже были счастливы. Поэтому он так деятелен. Иногда он, правда, слишком торопится сделать людей счастливыми и тогда попадает в комедийные ситуации. Но и они пронизаны светлым лиризмом, добротой.

Есть, например, в фильме блестящая сцена сватовства пожилого дяди Кондрата к немолодой тетке Анисье. Поспешность, с которой Пашка торопится соединить судьбы двух славных одиноких людей, действительно комична. Но одновременно искренна и трогательна. Герой ведь и на самом деле хочет, чтоб людям было хорошо. Этим желанием определяются все вообще Пашины поступки, он все делает от полноты сердца! И нас покоряет в нем душевная щедрость, с какою он идет к людям, его отзывчивость.

Образ Паши Колокольникова убеждает в своей достоверности. Этот паренек — всегда бескорыстный, добрый и веселый — кажется нашим давним знакомым, вновь обретенным на экране. Он, как мы все, не придуманный, у него есть свои смешные человеческие слабости — иногда он излишне самоуверен, но мы его любим и прощаем ему это, тем более что ему суждено повзрослеть. В нем есть чувство перспективы. Есть юмор. Вот, пожалуй, в чем причина обаяния этого фильма, причина его успеха. В нем есть серьезное, чистое отношение к людям и к жизни, стремление к высоким чувствам, но высказанные не прямолинейно, а с доброй шуткой, усмешкой.

Роль Павла Колокольникова поистине блестяще исполнена молодым киноактером Леонидом Куравлевым. Он только в 1960 году окончил актерский факультет ВГИКа, но уже снялся в фильмах «Любушка», «Водил поезда машинист», «Когда деревья были большими», «Непридуманная история». Сейчас Леонид Куравлев снова снимается — на киностудии «Мосфильм», в новой картине «Время, вперед».

У Куравлева отлично развито чувство взаимодействия, живость и непосредственность общения с товарищами по съемке — другими актерами. Куравлев особенно хорош в сценах со старым шофером Кондратом, которого мастерски играет Борис Балакин; с мягким юмором выполнена актрисой Н. Сазоновой роль Анисьи...

Фильм «Живет такой парень» — большая удача Центральной студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького. И особенно — большая, радующая удача молодого автора сценария и режиссера фильма Василия Шукшина. До сих пор зритель знал его как хорошего актера, хотя В. Шукшин окончил режиссерский факультет ВГИКа. Вместе с Куравлевым Шукшин снимался в кинокартине «Когда деревья были большими»; он играл также в фильмах «Два Федора», «Аленка», «Мы двое мужчин».

Читатели знают талантливого В. Шукшина по его рассказам, печатавшимся в журналах «Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия». Два рассказа, опубликованные в «Новом мире», и легли в основу сценария. Василий Шукшин хорошо знает то, о чем пишет: он сам вырос в алтайской деревне, работал в колхозе и на заводе, служил на флоте, и все это помогает ему творчески разрабатывать свою главную тему художника — образ так называемого «обычного человека».

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

Автор сценария и режиссер фильма Василий Шукшин.

...УСТЕ

...ки. ПИСЬМА. ...сатель». 1964.

...м хожу я со своей полевой сумкой ... Очень трудна и опасна моя работа, ...аботать в армейскую печать добро... ...увидел уже то, что никогда больше ...еда надолго освободит мир от само... ...». Это строки из письма девятна... ...го, сына Эдуарда Багрицкого, напи... ...1942 года — за десять дней до гибе... ...атери и друзьям, дневниковые запи... ...стихов талантливого юноши, погиб... ...чале творческого пути.

...ЛЕТО. Очерки. ...964.

...е эту книгу,— это раздумья писате... ...ерах и судьбах героев шолоховских ...общения с замечательным писате... ...елине» («Бороздой «Поднятой цели... ...йшую особенность таланта Михаила ...трящего на события не с «кургана ..., горячо заинтересованного в судьбе ...эпохи». Этому роману, написанному ...ми, «по мандату долга», посвящены ...деляет Анатолий Калинин высокому ...втора «Тихого Дона». «И обо всем ...мом языке, на котором говорят эти ...ные люди, но только на языке, про... ...кристалл» необыкновенного таланта ...расплаты»).

...ЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ...од с татарского ...й писатель». 1964.

...стании узников Бухенвальда расска... ...о татарского писателя. Главный ге... ...расной Армии Баки Назимов, попав... ...вения. Вокруг него группируются ос... ...ниге,— деятельность интернациональ...

...тический роман Абсалямова, разоб... ...нацистов, напоминает читателю об ...енном западногерманском милитариз...

...и воспоминания ...исатель». 1964.

...четыре фамилии: Павел Коган, Миха... ...ров, Николай Отрада. Учителя и ...на фронтах Великой Отечественной ...поминают о своих товарищах. Им по... ...в, Михаил Луконин, Борис Слуцкий, ...винский, Сергей Наровчатов, Михаил ...нец, сами поэты широко представле... ...ами, горячими строками.

...ИСКИ МОЕГО СО... ...ая гвардия». 1964.

...уже известно широкому читателю. ...о института имени Горького А. Приставк... ...ири, где жил и работал среди своих ...го современника» — книга о нашей ..., о ее подвигах. Само название книги ...олодые люди, сверстники автора. ... тайге, о первой любви, первой семье ...сти «Катенька» и «Рожденному — ... на боевые комсомольские стройки ...Записки моего современника». Повесть ...ратской ГЭС.

...узбекского писателя рассказывает о кол... ...Главный герой повести — молодой ...Мутал. Он избран после развенчания культа ...поработал над ликвидацией недостатков прошед... ...В колхозе происходит крупная авария, которую хотят ...молодому, «неопытному» председателю. Против ...люди, в прошлом развалившие хозяйство. В острой ...председателя, который олицетворяет новые принципы ру... ...хозяйством, партийная организация опирается на под... ...колхозников.

... РУЧЬЕВ. МАГНИТ-ГОРА. Мо... ... «Молодая гвардия». 1964

...новую книгу замечательного уральского поэта Бориса Ручьева ...эпические поэмы, среди которых наиболее выделяется уже ...полюбившаяся читателям «Любава» — многоцветная, напевная, слов... ...песня о революционной романтике, о трудовых буднях, о времени, ...Россия с тележным скрипом двинулась навстречу звездам.

...юбимые герои поэта — люди Магнитостроя, с которыми он орга... ...связан с самого детства. Родному краю, большой любви и ...ости посвящены лучшие стихи, вошедшие в этот сборник.

Загадка, проблема, открытие, факт

Молекулы памяти

Проф. Г. ДЕМИРЧОГЛЯН

Что такое память? Есть ли вещество — носитель памяти? Что происходит у нас в голове, когда мы запоминаем, вспоминаем или забываем? Эти вопросы давно интересуют ученых.

Одна из наиболее распространенных до сих пор теорий памяти — «электрическая» — предполагала, что следы памяти представляют собой единичные электрические контуры (кольца), простейшие из которых возникают между тремя нервными клетками коры головного мозга. Эта теория, однако, не могла объяснить многие факты: почему, например, сохраняется память, когда мозг поврежден и электрическая активность его коры почти полностью утрачена? Почему так мало выделяется энергии в мозгу, хотя по «электрической» теории все должно было быть как раз наоборот?

В общем, теория не объясняла факты, а мозг упорно не хотел укладываться в теорию. И ученые обратились к химическим основам памяти.

Был поставлен такой опыт. Крысы способны запоминать направление, по которому они должны двигаться в водных лабиринтах для того, чтобы выбраться из воды. Когда же в мозгу крыс приостанавливали синтез рибонуклеиновой кислоты (РНК), животные не могли запомнить путь на сушу.

Еще более интересны опыты с плоскими червями. Эти опыты также показывали, что память каким-то образом связана с молекулами РНК.

Сначала у червей вырабатывали элементарные условные рефлексы. Потом разрезали червей пополам. Через четыре недели у хвоста отрастала новая голова, а у головы — новый хвост. Регенерированные органы помнили выработанные ранее условия.

А совсем недавно было обнаружено чрезвычайно любопытное явление: «необученные» формы червей поедали обученных (которые были мелко раскрошены) и в результате этого сами обучались! Вероятно, такие животные могут усваивать гигантские молекулы рибонуклеиновой кислоты, не разрушая их. Так происходит химическое обучение.

Но особо следует рассказать об экспериментах профессора Хайдена из Гетеборга (Швеция), о его теории памяти.

Хайден разработал специальную, очень тонкую хирургическую технику. С ее помощью он выделил отдельные клетки мозга и впервые обнаружил в них, что процессы обучения изменяют структуры молекул РНК.

Согласно теории Хайдена, импульсы, приходящие в мозг, изменяют электрические цепи, которые всегда существуют между нервны-

ГДЕ ЖИЛИ ПРЕДКИ ЛЕРМОНТОВА

В 1613 году, после взятия русскими крепости Белой, Георг Лермонт (или Лермант), по некоторым данным, шотландец, служивший в войсках польского короля, перешел в числе шестидесяти шотландцев и ирландцев на русскую службу. Царь Михаил Феодорович «указал ему обучать ратников рейторскому строю» и за эту службу пожаловал Лерманту поместье в Галичском уезде (сейчас Костромской области).

Галичская, или Галицкая, усадьба Лермонтовых сначала находилась в деревне Кузнецово, но внук Юрия, Петр Петрович, перенес ее в Острожниково. При жизни поэта Острожниковым владел его троюродный дядя Николай Петрович Лермонтов. Его сыновья, служившие в Петербурге, были знакомы и дружны с Михаилом Юрьевичем.

В Острожникове до наших дней сохранились остатки родового гнезда Лермонтовых — старый парк с великанами-деревьями, пруды с заросшими островами.

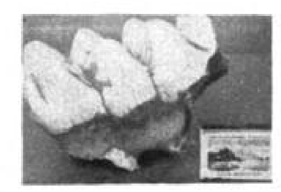
В бывшем Галичском уезде жили родственники поэта

ми клетками — нейронами. При этом нарушается ионное равновесие внутри клетки. Это изменение и влияет на молекулы РНК, точнее сказать, на их основания. Иногда они меняют свое местоположение. Это соответствует фазе переходной памяти. Иногда же вместо одного основания РНК появляется другое. Этот процесс ведет к еще более глубоким преобразованиям. Меняется РНК — программа, по которой в клетке синтезируется соответствующий белок. Меняется и сам белок. Так РНК и белок совместно создают постоянные следы памяти внутри клеток коры головного мозга. Во время воспоминаний сигналы поступают в те мозговые клетки, где уже хранится информация. Происходят сложные реакции, нервные клетки разряжаются и выдают из кладовых запасенную информацию. Согласно той же теории, забывание связано с распадом обученного белка. Это ведет к полному разряжению нервной клетки, прежняя электрическая картина восстанавливается — мозг забывает. Памятные следы образуются во многих клетках мозга. Поэтому нет какого-нибудь одного места в мозгу, где хранится память.

Хотя новая теория во многом гипотетична, она все же одна из первых попыток разобраться в молекулярном механизме удивительного свойства мозга — памяти. Теперь нужны широкие экспериментальные исследования, глубокая проверка теории.

В одном из последних интервью отец кибернетики Норберт Винер сказал, что теория Хайдена перспективна не только для медиков и биологов, но и для конструкторов электронно-вычислительных машин.

ЗУБ МАСТОДОНТА

В Хмельницком областном краеведческом музее хранится зуб предка современных слонов — мастодонта. Это животное из группы хоботных жило в третичном периоде. Зуб найден в одном из песчаных карьеров на глубине 7 метров. Длина его — 15 сантиметров, высота — девять.

Е. КОЗЛОВСКАЯ,
научный работник музея

●

АВТОЭЛЕКТРОСКОП

На одном предприятии в Будапеште недавно начал работать новый очень полезный аппарат — автоэлектроскоп. Аппарат этот позволяет всего за несколько минут отыскать повреждение в электрооборудовании автомобиля. Конструкторы считают, что новое изобретение найдет себе широкое применение как в автомобильной индустрии, так и в автомеханических мастерских.

ОВОЩИ В ЛАКИРОВАННОЙ РУБАШКЕ

Во многие овощные магазины Лондона поступают в продажу овощи, покрытые тонким слоем прозрачного, без цвета и без запаха, безопасного для здоровья лака. Оболочка предохраняет овощи от увядания и потери влаги. В то же время она свободно пропускает воздух, нужный для дыхания овощей. В такой лакированной рубашке овощи долго сохраняются свежими.

●

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Двум ученым Гарвардского университета — Джорджу Уолду и Джеймсу Крейнину — удалось сделать интересное открытие в зоологии. Они доказали, что третий глаз мечехвостых раков (ксифозура) чувствителен к ультрафиолетовым лучам. Этот третий глаз находится между двумя обычными светочувствительными глазами.

Вероятно, он сохранился у раков с тех времен, когда верхние слои Земли еще не содержали столько озона и кислорода, как теперь, и беспрепятственно пропускали ультрафиолетовые лучи солнца.

Оба исследователя предполагают, что в животном мире есть еще немало подобных явлений.

В этом старинном галичском доме, где сейчас находится детская библиотека, и был сыгран «Маскарад» М. Ю. Лермонтова.

еще и по материнской линии — дворяне Петровы. Генерал-майор Павел Иванович Петров — «дядюшка», как называл его Лермонтов,— был начальником штаба войск Кавказской линии и жил в Ставрополе. Одному из сыновей Петрова, Аркадию, поэт написал в детский альбом четверостишие:

Ну что скажу тебе я
спросту...

Позднее Лермонтов прислал дядюшке Павлу Ивановичу автограф «Последнего новоселья».

В Галиче Петровы были организаторами театральных постановок и выразительных чтений, причем главное место в репертуаре занимали произведения их родственника — великого поэта. В январе 1847 года под руководством Аркадия Павловича в Галиче в пользу бедняков города были поставлены сцены из драмы «Маскарад». Главные роли исполняли сам Петров и его сестры. А надо сказать, что «Маскарад» в то время находился под строгим запретом и нигде не ставился. Отдельные сцены из драмы были впервые поставлены в Петербурге только в 1852 году.

В дни 150-летнего юбилея поэта — через 117 лет со дня первой постановки — Галичский народный театр покажет драму «Маскарад». И в Галиче снова прозвучит со сцены лермонтовский «железный стих».

В. КАСТОРСКИЙ

Галич Костромской.

НА ЭСТРАДЕ БЕРБЕЛЬ ВАХХОЛЬЦ

Познакомьтесь — Бербель Ваххольц. Она впервые приехала в Советский Союз из ГДР со своим ансамблем — Хемман-квинтетом и оркестром «Мелодия».

Вот она выходит на эстраду — пластичная, обаятельно-непринужденная в каждом жесте и движении. После нескольких ее номеров все в зале уже понимают, что на эстраде появилось настоящее искусство.

Бербель — единственный представитель легкого жанра, удостоенный звания лауреата Государственной премии ГДР. Она пользуется большим успехом у себя на родине.

Мы спросили Бербель, как она стала эстрадной певицей.

— О, совсем случайно! Я брала частные уроки пения и мечтала выступать в опере. Но вот однажды восемь лет назад решилась принять участие в конкурсе молодежной самодеятельности. ...Успех оказался для меня роковым: я забыла об опере. Но мой девиз, как и раньше, как и всегда: музыка, музыка, музыка!

Забавные МЕЛОЧИ

УЛОВ ЛЮБИТЕЛЯ

Двадцать акул поймал рыболов-любитель Витторе Оджони из Милана (справа в белой рубашке) на лигурийской Ривьере. Животные, несмотря на их небольшую величину, очень опасны и кровожадны.

НАШ ДРУГ КИС

Этот красивый зверек — мангуст — живет в нашей семье в далекой Камбодже. Дети шутливо называют его Кис Мангустович Зверюшкин. Взяли мы его на воспитание, когда ему было несколько дней от роду.

Сначала мы кормили мангуста из пипетки, а теперь он уже сам с удовольствием уплетает варенье, мясо, шоколад, бананы, хлеб и пельмени.

У Киса очень добрый нрав. Особенно он любит нашу младшую дочь Нину, а она обращается с ним, как с заводной игрушкой. Порой просто не верится, что этот милый ласковый зверек — хищник, гроза змей, смело нападающий на кобру.

И. ПЕРЕВОЗЧИКОВА

Камбоджа.

БЕСПРИЗОРНЫЙ ПИТОН

На одной из улиц Токио к трамвайной остановке с воем подлетела машина. Из нее выскочил наряд полицейских и бросился вдоль линии... Возмутитель спокойствия полз по асфальту. Это был питон. Обитатель джунглей вызвал панику. Орудуя резиновыми палками, полицейские загнали змею-великана в короб и увезли с собой. Самое любопытное в этой истории то, что питон оказался беспризорным. В книге дежурного его записали в графе «утерянные вещи». В газете было дано объявление, что если не отыщется хозяин питона, то его передадут в зоопарк.

НЕТОНУЩИЙ КАТЕР

В Норвегии сконструирован нетонущий катер из пластмассы. Его двойное дно заполнено пористым пластиком.

ОПЕКА НАД СИРОТОЙ

В Англии в одном из парков из гнезда выпал птенец. Собака по имени Сиси учредила над ним опеку.

РАДИ ЗАБАВЫ

В Лондоне существует косметический салон для комнатных птиц. Он пользуется большой популярностью у местных толстосумов. За дорогую плату здесь купают птиц в специальном шампуне, после чего сушат их перья, пудрят и режут коготки. На снимке: попугай во время косметической обработки.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Лесной кулик. 7. Краткое народное изречение. 10. Порт в Кольском заливе. 13. Роман Э. Золя. 14. Пресноводная рыба. 15. Ягода. 18. Летняя пристройка к дому. 19. Двигатель. 20. Немецкий живописец и график эпохи Возрождения. 22. Высота подъема воды. 24. Твердый минерал. 26. Государство в Африке. 28. Приток Енисея. 29. Передача изображений на расстояние. 30. Типографский шрифт. 31. Одна из древнейших систем письменности.

По вертикали:

1. Карело-финский эпос. 2. Устройство для просеивания в сортировочных машинах. 3. Лиственное дерево. 4. Образец, представленный на выставке. 6. Насекомое, родственное пчеле. 8. Помещение на корабле между водонепроницаемыми переборками. 9. Материал, применяемый в электронных приборах. 11. Международное совещание по научному вопросу. 12. Персонаж оперы Л. Бетховена «Фиделио». 16. Русское старинное судно. 17. Шахматная фигура. 21. Южное зодиакальное созвездие. 23. Тяжелоатлет. 25. Река в СССР. 26. Режущий инструмент. 27. Чехословацкий историк и музыковед. 28. Стихотворение А. С. Пушкина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

1. Пирс. 3. Поти. 5. Оперетта. 7. Мурманск. 8. Лось. 10. Текст. 11. Акын. 15. Пылесос. 16. «Охотник». 17. Лигроин. 18. Моисеев. 19. Берш. 21. Арена. 22. Вега. 24. Аргумент. 25. Еланская. 26. Азот. 27. Эпос.

По вертикали:

1. Пепел. 2. Степь. 3. Помпа. 4. Ибсен. 6. Александрит. 7. Местоимение. 9. Селигер. 12. Кантеле. 13. Оскол. 14. Мотив. 19. Баржа. 20. Шамот. 22. Венуэ. 23. Аванс.

●

На первой странице обложки: В сто первый раз открываются двери Тургеневской сельской школы в Орловской области.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Над рекой.

Фото Г. Смехова.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ БЕЗ ВИЗЫ

В 1957 году я написал книгу «Разведение голубей» и в свое время опубликовал ряд статей в газетах и журналах о голубеводстве и голубином спорте. С тех пор в мой адрес поступает много писем.

В конце февраля этого года мне вручили письмо от Федора Ефимовича Медведя, живущего в Одессе. Он писал, что к нему случайно попал голубь, на ножке которого было кольцо, и просил узнать, какой стране принадлежит эта птица и кем окольцована.

И вот только недавно я получил «Справочник спортивных голубей Великобритании и стран Европы», изданный в Лондоне в 1962 году. В этот справочник внесены голуби, отличившиеся на общегосударственных и международных состязаниях в полетах на большие дистанции.

По справочнику мы выяснили, что голубь родился в 1958 году от чистокровных почтарей. Его хозяин Осман — автор многотомных трудов по спортивному голубеводству.

Птица, попавшая к Ф. Е. Медведю, зарегистрирована в голубином клубе города Ковентри. В справочнике сказано, что кольцо № 201 выдавал секретарь клуба В. Г. Ровелл. Этот голубь имеет немало спортивных успехов. Он побывал во многих странах мира. Его выпускали с территории Франции, Италии, Северной Африки, и он всегда возвращался к себе домой.

И только в последний раз голубь не смог достигнуть берегов Англии. Что же с ним случилось?

Наш корабль находился в океане. Небо кругом заволокли свинцовые тучи, грозные волны разбивались о борт судна. И вдруг на палубу села птица. Это был сизый голубь. Пернатого пассажира поместили в наскоро сколоченную миниатюрную голубятню. Долго голубь не прикасался к пище. Метался из стороны в сторону. Тосковал, потом смирился со своим положением, ожил, повеселел. Корабль прибыл в Одесский порт. Так голубь оказался у Ф. Е. Медведя.

Среди своих собратьев чужестранец чувствует себя превосходно. Он уже имеет потомство, которое без предварительной тренировки свободно совершает полеты по маршруту Николаев—Одесса.

И. ЯМОВ

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ АРЕСТАНТ

После долгих лет скитаний австралиец Джон Белгир из Аделаиды решил начать оседлый образ жизни, но у него не было ни дома, ни средств. Джон тайком пробрался в местную тюрьму, где и прожил около года. Один из надзирателей случайно обнаружил нового квартиранта. Белгир предстал перед судом и был осужден на год тюрьмы за «насильственное проникновение и нелегальное пребывание в камере».

ГУСЯТА-БЛИЗНЕЦЫ

В хозяйстве птицевода Карла Олсона, проживающего в Швеции, родились гусята-близнецы.

По мнению профессора шведской сельскохозяйственной академии Нильса Олсона, появление из одного яйца двух гусят — большая биологическая редкость. Гусята-близнецы внешним видом и хорошим аппетитом не отличаются от своих собратьев.

ВИЗГ КОШЕК И ЛАЙ СОБАК...

Зачастую полицейские автомобили в Нью-Йорке не могут пробиться сквозь запруженные машинами улицы. Это объясняется тем, что водители перестали обращать внимание на вой сирен. Городские власти решили испробовать новый вид сигналов. На трех автомобилях были установлены приспособления, очень громко воспроизводящие визг кошки и лай собаки. Результат оказался поразительным: при этих звуках все автомобили останавливались как вкопанные. Однако запротестовало общество защиты животных, заявив, что подобные сигналы сильно действуют на нервы собак и кошек.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Тринадцатилетний японский мальчик Фумио Накакуки, играя на побережье Токийского залива, нашел в болоте желтую монету. Вскоре ему удалось обнаружить еще четыре такие же монеты. Свою находку мальчик отнес отцу. Монеты оказались золотыми, они выпущены в Японии 360 лет назад. На поиски золота вышла вся семья Накакуки. Было найдено еще несколько монет. Вес каждой составляет 20 граммов. О находке отец семейства сообщил местной полиции.

Эта новость разнеслась с молниеносной быстротой, и к заливу потянулись сотни искателей счастья. Перевернув тонны болотистого грунта, они, по их словам, ничего не нашли.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00743. Подписано к печати 26/VIII 1964 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 970 000. Изд. № 1380. Заказ № 2238.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ольха, черемуха и шахматы

Не правда ли, три слова в заголовке чем-то похожи друг на друга? Они произносятся с придыханием, звучат мягко, от них веет спокойным шорохом листвы. Стоят они рядом не случайно, но об этом несколько ниже. Прежде надо вспомнить кое-что из истории шахмат.

Многомиллионная армия любителей этой древней игры пользуется сейчас фигурами стандартного типа. Производство фигур поставлено на поток, они выпускаются в громадных количествах, делаются из простого дерева и пластмасс. Даже внешность их величеств королей стандартна во всех странах независимо от политического режима, не говоря уже о пешках.

Но так было не всегда. Индийские магараджи, римские императоры и российские цари имели удовольствие играть фигурами, сделанными из слоновой кости, из самоцветных камней, из благородных металлов и драгоценнейших пород дерева. Естественно, тщеславие самодержцев заставляло мастеров, изготавливавших шахматы, бесконечно изощряться в поисках оригинального.

Но про шахматную фигуру можно сказать, как и про человека: не во внешности суть.

И все-таки... Все-таки вам было бы очень приятно подержать в руке ладью (по-старому туру), слона (или офицера), коня и даже любую из пешек, вырезанную Владимиром Ласунским, инженером-конструктором Автомобильного завода имени Лихачева.

Он вырезал их из черемухи и мореной ольхи целых два года, просиживая над ними вечера. Из ольхи — черные фигуры, из черемухи — белые.

Игру в шахматы сравнивают со сражением двух противостоящих армий. Поэтому Владимир облачил своих воинов в ратные доспехи.

Когда черные и белые выстраиваются друг против друга, над клетчатой доской возникает дух далекого Ледового побоища. Черные — это рыцари. Белые — русская рать.

Все фигуры вырезаны с поразительно точным вкусом. А приглядевшись внимательней, вы отчетливо уловите сдержанный юмор мастера. Тевтонской спеси и надменности полны предводители черных. Невозможно не улыбнуться при виде патриархальной королевской четы белых. Их даже нельзя считать королем и королевой — скорее это крестьянин и крестьянка. Офицер — добрый молодец с пудовой дубинкой, под которой, как орехи, лопались железные рыцарские шлемы и панцири. Пешки — тоже ядреный народец, они не безлики, как пушечное мясо в строю, у них у каждого свое лицо и свой характер.

Сыграешь в такие шахматы — и просто жаль становится, что нельзя поставить их на поточное производство: слишком сложны они и искусны для столярного и токарного станка.

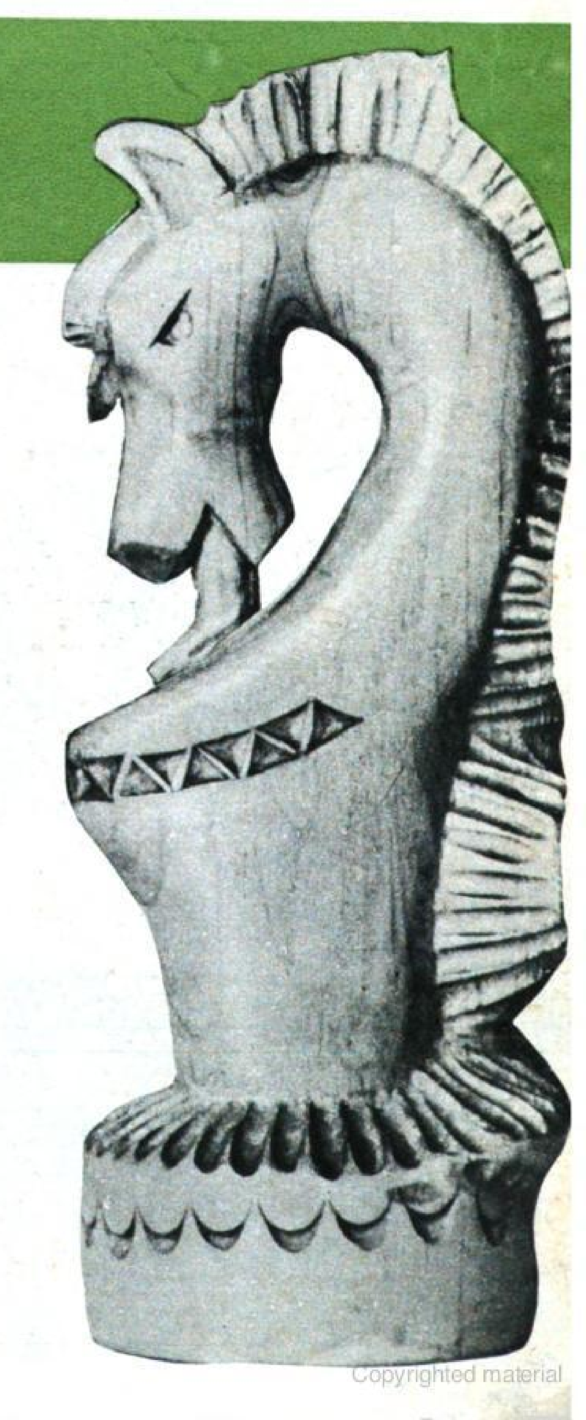
О. МИХАЙЛОВ
Фото О. КНОРРИНГА.

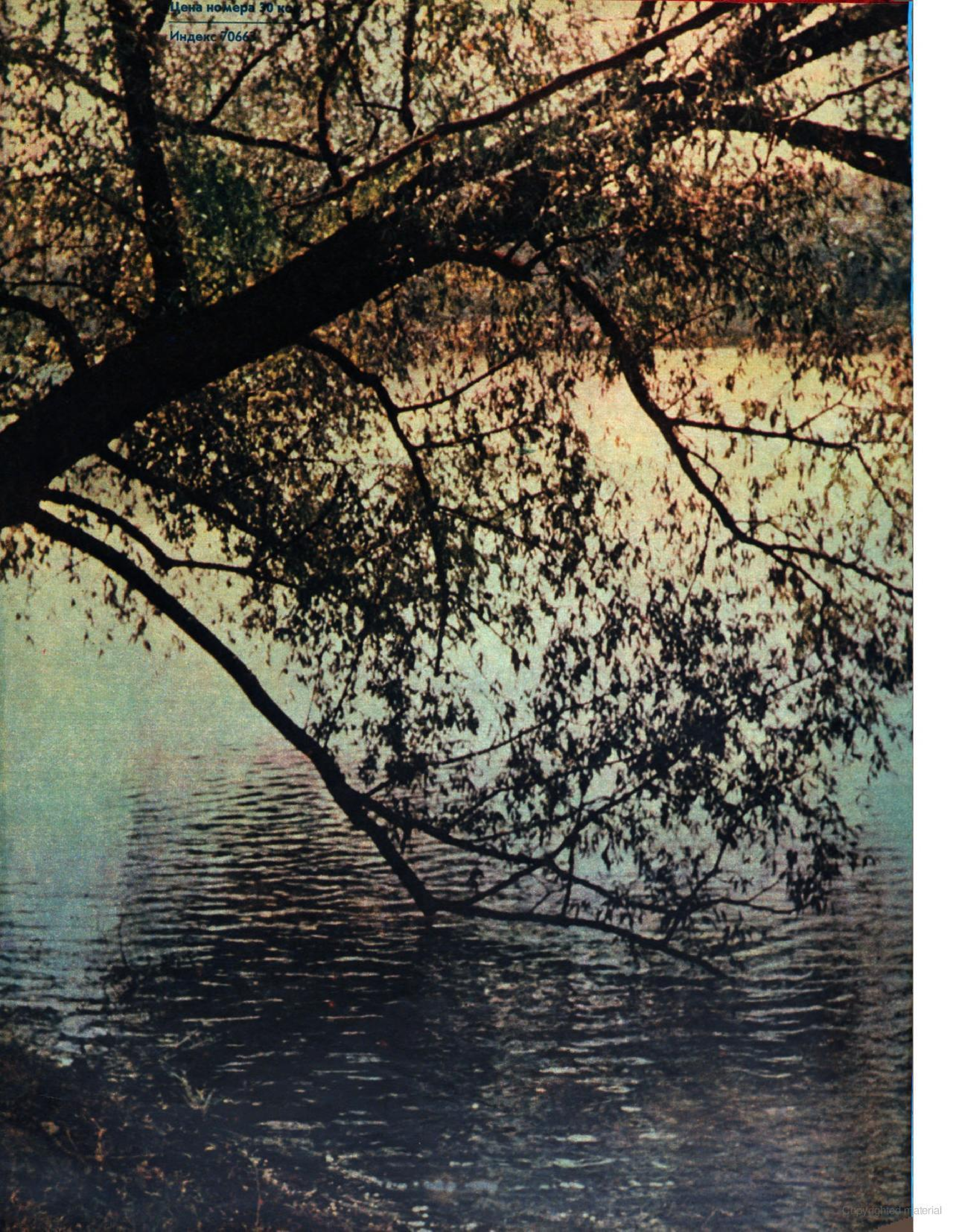

Черные пешки.

Белые пешки.

Цена номера 30 коп.

Индекс 7066